

Андрей Белянин Галина Черная
Лайнер вампиров

Детектив из Мокрых Псов – 1



Книга подготовлена для библиотеки HL (Scan - HL; OCR, ReadCheck - FantoMKilleR;
Conv, ReadCheck - JonVic)

«Лайнер вампиров / Андрей Белянин, Галина Черная»: Издательство АЛЬФА-КНИГА;
Москва; 2011

ISBN 978-5-9922-0866-5

Аннотация

Маленький вокзал, тихий городок, глухая провинция... Что интересного может здесь ждать молодого выпускника столичной полицейской академии? Скука, серость и рутина. Как бы не так! Перспективный сержант Ирджи Браздинский оказывается в водовороте опасных приключений. А в мире, населённом ведьмами, горгулиями, упырями, бесами и вампирами, это опасно вдвойне! Но и сам Браздинский не прост. Точнее, он просто чёрт. То есть самый натуральный чёрт. А что? Должен же хоть кто-то встать на пути преступности, защищая закон и порядок...

И никакая Кровавая Белоснежка его не остановит.



Андрей Белянин, Галина Чёрная
ЛАЙНЕР ВАМПИРОВ



Глава 1
МАНЬЯК СВЯТОЙ ВОДЫ

Поезд высадил меня на дьяволом забытой станции городка со странным названием Мокрые Псы, округ Дог'ре, что в переводе с гелльского означает «Собачья кровь». Я поставил свой чемодан на платформу и оглядел пустынный перрон. Небольшое одноэтажное здание станции соблюдалось в порядке — хорошо ухоженные кусты плюща в декоративной паутине с крупными металлическими пауками оплетали его по бокам до самой крыши. Серое небо, один, традиционно ржавый, фонарь, полусорванное ветром расписание поездов и общая атмосфера какой-то особенной, домашней унылости. Всё как в детстве...

— Значит, это и есть моё новое место работы? Ну-с, посмотрим, посмотрим, — бодро пробурчал я себе под нос.

Клубящийся по платформе туман начал собираться, густеть, приобретая форму, и ещё через несколько мгновений передо мной стоял стационарный смотритель. Пожилой вампир дружелюбно улыбнулся, обнажая полустёршиеся клыки и привычно подхватывая мой чемодан.

— Как доехали, месье? Надеюсь, поездка была не слишком утомительной? — вежливо поинтересовался он.

Я устало покачал головой, улыбаясь в ответ:

— Нормально, если не считать одного незначительного инцидента. Со мной в купе ехала молодая пара, представители новой религии, пытавшиеся перетянуть меня в свою веру. Может ли культурный чёрт верить в дьявола, если есть сатана, причём внятно объяснить разницу между тем и другим они не смогли. Пришлось показать им моё служебное удостоверение и тоже задать парочку вопросов...

— Лицензии на право читать проповедь у них, разумеется, не оказалось? — хитро сощурился смотритель, поддерживая разговор.

— Вот именно.

— Приятной службы, пан Браздинский, — поклонился он, открывая передо мной ржавую калитку в свежевывкрашенной в цвет крови ограде. — Надеюсь, что вам у нас понравится.

Я кивнул, выходя с вокзала на городскую дорогу. Он уже знает, кто я, как меня зовут, из каких я краёв и чем буду здесь заниматься. Провинция... Здесь не так много событий, чтобы пропустить приезд нового сержанта полиции, да ещё из самого Парижска.

— Патрульное отделение прямо здесь, пан, через дорогу. — Он показал рукой на невысокое двухэтажное здание. — Но там уже закрыто, и вам, полагаю, нужно сначала в гостиницу «Рога под нимбом». Идите прямо по главной аллее, через две улицы сверните направо, выйдете на старую площадь, и гостиница будет прямо перед вами. Свободные номера у них всегда есть.

Вежливо поблагодарив старого вампира и взяв чемодан, я перешёл вымощенную могильным камнем дорогу, оглядел участок, где мне предстояло провести следующие несколько месяцев своей жизни. Надеюсь, долго это не протянется, я добьюсь возвращения в столицу, а временную ссылку в эту дыру буду вспоминать как вынужденный период отдыха. Согласитесь, даже лучшим специалистам бюро сыска когда-то нужно отдыхать, а я и был одним из лучших. Может быть, чересчур старательным, за что и... В общем, не хочу об этом вспоминать.

Участок, или полицейское отделение, построенный из закопчённого могильного камня, выглядел слишком мирным и даже сонным, чтобы здесь можно было рассчитывать на активный труд и интересные дела. Но я чувствовал себя не в лучшей форме, чтобы заходить знакомиться с новыми сослуживцами сию же минуту. Да и сейчас там, наверное, один ночной дежурный, рабочее время в полиции таких маленьких городков-деревень обычно с девяти утра до пяти вечера. И вот тут-то я впервые заметил слежку...

Шагах в двадцати следом за мной мягко кралась тёмная фигура, закутанная в длинный плащ с подчёркнутой талией. Я сделал вид, что засмотрелся на пробуждающиеся звёзды, и вдруг, резко обернувшись, шагнул навстречу преследователю. Перепуганная фигура махнула хвостом и исчезла в густеющих сумерках. Судя по кисточке на кончике хвоста, это был чёрт или чертовка. Ну что ж, утром разберёмся, вряд ли в этом городишке меня ждут более сложные «расследования»...

Следуя подсказке смотрителя, я пересёк неширокую аллею из давно отмерших вязов, примерно на метр от земли заботливо вычерненных мазутом — дешёвая и всегда действенная защита от могильных жуков. Отдельные прилипшие к чёрному особи потом надолго служат естественным украшением дерева. Говорят, в некоторых городах на побережье вопреки старым традициям на кронах оставляют листья. Лично я всегда стоял за

старый метод раннего обрыва почек, всё-таки в зелени листьев есть что-то болезненное, нет?

Тем более когда в осень они станут ещё красными и жёлтыми. Как у тамошних жителей (если только это правда), не рябит в глазах от такого калейдоскопа? А ведь сколько поэзии и законченности в голой серой ветке мёртвого ясеня с сидящим на ней древним вороном, изрыгающим страшное проклятие, от которого кровь стынет в жилах. Видимо, я большой романтик...

Наконец аллея закончилась, и я вышел на площадь, посреди которой возвышалась мрачная статуя какого-то дьявольского великомученика. Пересекая площадь, я взглянул на табличку на постаменте, это оказался Люциус Роллинг, сожжённый антирелигиозно настроенными крестьянами-упырями в году четыреста десятом от рождества антихристового.

...Небольшое двухэтажное здание гостиницы с вывеской «Рога под нимбом» было построено в стиле позднего хард-рококо и производило довольно благоприятное впечатление своими трагично ломанными линиями. На первом этаже размещалась круглосуточная пивная. Слева находилась пекарня, справа — салон гробов-кроватей. Ещё дальше, над зданием тюрьмы, возвышался шпиль городской ратуши. Гостиница оказалась вполне приличной...

— Один номер на одну ночь с правом продления для одного постояльца? — деловито уточнил небритый клерк-фавн. — Да, пан Ирджи Браздинский, о вас предупреждали. Вот ключ. Но прежде прошу подписать здесь и здесь, что с правилами проживания вы ознакомлены.

Я молча подписал жёлтый бланк о том, что обязуюсь не приводить толстых женщин после часа ночи, не разжигать костры на подоконнике, не быть на луну с двенадцати ночи до четырёх утра, не оставлять дверцу холодильника открытой, не кормить нищих вампиров орешками из мини-бара и не стрелять в цыган из лука, рогатки, арбалета (исключение составляет лишь табельное огнестрельное оружие). Вполне разумные требования, всё как у всех...

Мне дали номер с видом на чёрные воды местной реки. Делать было абсолютно нечего. Постояв под душем и почистив зубы, я лёг спать, но, провалявшись в постели без сна полчаса, включил телевизор. Два региональных канала показывали унылые женские сериалы, а ещё один — детские мультики про зайца и волка. Тупо попялившись в экран минут двадцать, я сдался, оделся и пошёл бродить по спящему ночному городу.

Врождённая привычка столичного сыщика ни на секунду не терять бдительности не давала расслабиться и здесь, где по статистике за два прошлых года не было совершено ни одного преступления. Кроме, кажется, всё той же оплошности заезжего туриста, покормившего вампиров орешками из мини-бара. Вроде ему даже вклепали за это штраф и взяли подписку впредь никогда не посещать Мокрые Псы (дьявол, что за название?!), чему он был только счастлив...

Наверное, я просто не умею отдыхать. Зря, конечно, ибо искусство расслабляться очень важно в работе полицейского. Я всё время чувствовал себя на службе, с тех пор как три года назад, сразу после окончания академии полиции, заступил на должность сержанта в округе Парижск. Так сложилось, что за это время я ни разу не брал отпуск и проводил вне отделения не больше одного выходного дня в неделю. Иначе было просто невозможно. В столице преступления совершаются каждые пятнадцать минут. Не то что здесь.

Хотя-а... возможно, это поспешные выводы. Я увидел, что за магазином траурных венков, которые у нас дарят по любому поводу, к одному тощему домовому пристаю трое ражих детей его вида. Они прижали его к стене, и тот что-то бормотал испуганным, оправдывающимся голосом.

— Сержант Браздинский, — представился я, быстрым шагом подскочив к ним и показывая удостоверение. — Что здесь происходит?

«Жертва» расплылась в улыбке, а «грабители», наоборот, обернулись несколько недоуменно, но только в первое мгновение. Через секунду и они заулыбались, но так двусмысленно и мерзко, как будто увидели старого приятеля, который был свидетелем и

соучастником их детских преступлений.

— Себджанд? Дак бы себджанд Бдадзинский? Мы бас так бждали! — радостно вскричал один доброхот из «грабителей». Давно не слышал этот носовой прононс, встречающийся только у синегорских домовых.

Я слегка опешил. И это, кажется, отразилось на моём лице, несмотря на многолетнюю выучку скрывать эмоции.

— Хма-хма-хма! Себджант, да бы, кажется бешили, что мы дуд чем-то кривинальным занимаемся...

— Именно, поэтому руки вперёд!

Я автоматически потянулся к карману за наручниками. О ряса ангела, я ведь их не взял! Кто мог подумать, что обычная ночная прогулка обернётся необходимостью задержания преступников? В смысле в таком-то сонном месте?!

— Эй, если хотите их арестовать, дьявола ради! Но почему это нужно делать на середине поздравления?! — искренне возмутился тощий. Судя по речи, не синегорец.

— Но разве эти трое не напали на вас?

— Так у меня же день рождения, — подтвердил он с таким видом, словно это всё сразу делало ясным.

Я окончательно запугался.

— И?..

— Они меня чествовали, — вздохнув, начала пояснять «жертва», значимо и чётко разделяя слова, как самому тупому троллю. — У нас такой обычай, у домовых. Мы бедные, и у нас ничего нет. Поэтому друзья на день рождения, видя, что мы не собираемся накрывать для них стол и угощать, бьют нас и пинают. Конечно, понарошку, если не увлекутся. А после уже дарят, что могут. А вы нам весь ритуал испортили.

— Но... где тогда подарки? — спросил я, уже понимая, что домовый скорее всего не врёт. Слишком убедительным было его возмущение. Но для порядка надо было довести допрос до конца. К тому же неприятно так ошибиться после трёх лет службы...

— Бот они. На эти дебьги и этой быпивкой он добжен нас угостить. Даков сбященный обычай догбебских добобых.

— Но вы-то не догревские!

— Не-э, бы-то с гор, себебные, бтобой год дуд на заботках, батушу бебонтибруем.

— О, друзья мои, вы настоящие друзья... — умильно разглядывая какую-то коробку с бренчащей мелочью и прижимая её к сердцу, бормотал домовый.

Мне стало стыдно. В академии полиции нас заставляли учить разные обычаи народов всех округов, но, не встречаясь с домовыми за всё время службы, видимо, я что-то подзабыл. Однако проверить всё-таки стоило.

— Позвольте посмотреть.

— Конечно, сержант.

Ну на первый взгляд там ничего подозрительного. Мешочек с монетами, вроде не лепрехунскими, старая зажигалка, пара бутылок дешёвого русалочьего вина. Что-то подсказывало мне, что его не мешало бы изъять и провести экспертизу. Возможно, это у меня уже издержки профессии искать во всём следы преступления (здесь тебе не столица, Ирджи, здесь преступлений вообще не бывает!), поэтому, поколебавшись, я решил не портить домовым праздник.

— Приношу свои извинения, господа. Позвольте поздравить вас от лица полиции. Надеюсь, что вы будете вести себя прилично, без лишнего шума и вовремя разойдётесь по домам.

— Да буж сбасибо, не дубади не гадаби угодить себодня в катабжку...

— Ещё раз извините, — пришлось повторить мне. — И весело вам отпраздновать.

Я козырнул, прикоснувшись когтями к рогам, развернулся через левое плечо и отошёл, избавив домовых, у которых и так уже заметно поубавилось праздничного настроения, от своего дальнейшего присутствия. Уходил быстрым шагом, надеясь найти где-нибудь за

углом паб или кофейню. Хотелось чуток успокоить нервы...

Но не более чем через пять минут я заметил, что за мной снова следят. Уже не в первый раз за этот день — подозрительно, правда? Может быть, и не стоило игнорировать такой жгучий интерес к моей скромной персоне. Однако, как только я развернулся, следящий тут же испуганно метнулся в тень. Догонять его мне не хотелось. По крайней мере, сейчас. У меня было чувство, что это не последняя наша встреча и у меня ещё будет время со всем разобраться.

Миновав главную площадь, я свернул в очередной переулок между салоном гробов-кроватей и местной избой-читальней, в окне которой экспонировались книги, вышедшие из-под пера артели одомашненных драконов-литераторов. Мне самому ничего этого читать не доводилось, но многие хвалят.

Я вдохнул полной грудью тёплый воздух летней ночи и увидел на старенькой тумбе для объявлений большой плакат с сообщением о городском празднике. Судя по дате, он проводится сегодня на местном кладбище, как обычно по традиции до сих пор и устраиваются главные праздники в таких маленьких городках. Программа тоже весьма стандартная: «В 13 ч. конкурс юных чертей „Задери соседке юбку!“ (в трёх этапах), а также барбекю из неодомашенных драконов, грязные танцы, вручение приза за лучший кактус года и награждение победителей за счёт спонсоров колбасной фабрики „Крысси-эндхуть“».

От разглядывания нарисованных на афише девушек в народных платьях с короткими пышными юбками меня отвлекла компания юных горгулий-неформалок, которые курили, болтали и хихикали самым неприличным образом. Одна из них незаметно сунула в лапу другой нечто очень похожее на пакетик ладбастрового порошка, привозного наркотика, самого популярного сейчас среди «позолоченной молодёжи».

Стоит он весьма недёшево, что диктуется очень сложным способом добычи самой ценной его составляющей — ладана. Этим занимаются исключительно горгулии, поскольку в этом деле необходимы крылья и умение летать. Обычно шесть горгулий подкарауливают на нижних небесах дежурного ангела с ладаном и ценой потери двух-трёх, а иногда и больше собратьев отбирают порошок. Добытый ладан потом смешивают с алебастром (отсюда и название) в определённой пропорции и видят с ним райские кущи. К нормальной жизни летающие монстры, хотя бы один раз нюхнувшие эту ангельскую дрянь, уже не возвращаются.

Я решительно направился к этой весёлой компании. Не надеясь на неокрепшие крылья, они попытались просто убежать. Сняв с пояса дубинку, я согнул её бумерангом и, не целясь, запустил вслед удирающим подросткам. Бумеранг попал под колено последнему, тот упал напереди бегущего, и вместе они свалили остальных. А пока они поднимались, я уже возвышался над ними, грозный как само правосудие.

Обыск привёл к ожидаемому результату. Из карманов юношей были извлечены на свет два пакетика ладбастра. Никаких разумных объяснений они дать, естественно, не могли. Я за шиворот повёл в участок всех четверых.

Нажал на кнопку звонка, роль сигнализации выполнял раздирающий душу стон неопохмелившегося Уфира, демона врачей и стоматологов. Подождал минуту и, убедившись, что открывать никто не спешит, постучал два раза. Старая, скрипучая дверь распахнулась без промедления. Не заперто? Надеюсь, хотя бы внутри кто-то есть...

В пустом коридоре пахло табаком и ванилью. В участке просиживал штаны только дежурный чёрт с исключительно постным выражением лица и торчащими из-под верхней губы кривоватыми клыками (что говорило о явной примеси вампирской крови). Он даже не встал из-за стола, когда мы вошли, а лишь поднял на нас мутный, с капелькой удивления в глубине чёрных глаз взгляд и вялым, безжизненным голосом предложил:

— Томатного сока с перцем... сержант?

Я посмотрел на стоящий перед ним полупустой стакан и покачал головой:

— Спасибо, лучше оформите-ка эту компанию.

— А что они натворили? Такие юные и безобразные?.. — с явным смаком отпивая сок,

но по-прежнему не двигаясь с места, спросил этот странный тип.

— Нюхали ладбастр, — жёстко сказал я.

— Ой как хорошо-о-о... То есть нехорошо! Так ведь нельзя. Дети, вы ведь себя сгубить можете. Красоты Эдема захотели увидеть? Это совсем неподходящий путь для воспитанных горгулий. Но зачем же так прямо сразу и оформлять? Думаю, им надо дать шанс. А, сержант?

Я сдвинул брови, придерживаясь иного, продиктованного опытом взгляда. Если их сейчас отпустить, лишь мягко пожурив, до них просто не дойдёт. Я видел это по их спокойным, нарочито отстранённым выражениям лиц. В глазах у этих нахалов было чётко написано: «Лучше помолчать и не спорить, изобразить раскаяние и надуть этих наивных полицейских старичков». А уже со следующей дозы любой из них может не вернуться. Ладан убийственное вещество для каждого в этом мире, будь ты горгулия, чёрт, лепрекон или фавн: если чуть изменить пропорции смеси, перебрав ладана только на один миллиграмм, последует окончание очередной коротенькой и не очень умно прожитой жизни. Простите за сумбур выражений, но я уже насмотрелся смертей от наркотиков...

— Оформляйте протокол, капрал Фурфур Флевретти, — прочёл я его имя на беджике на форменной рубашке.

— Но, месье, всё же вы здесь новое лицо, а я...

— Это мой приказ. Как старшего по званию.

Горгулии возмущённо загомонили. Тяжело вздохнув и вылив в рот остатки практически серого от количества перца томатного сока, капрал крикнул от удовольствия, потянулся за амбарной книгой на краю столешницы и, обмакнув перо в чернила каракатицы, объявил:

— Тэк-с, тогда приступим. Ну, ребятки-горгулятки, ведите себя потише, а то я собьюсь и перепутаю ваши адреса, а может, и пап и мам. Кому это понравится? Правильно, никому. Поэтому цыц!

Я понаблюдal немного за попытками дежурного справиться с пером, которое никак его не слушалось, достал из нагрудного кармана свою авторучку и протянул ему. Смущённый Флевретти благодарно кивнул.

— Хотите, я их оформлю? Мне это привычнее, да и не мешает поближе узнать специфику вашей работы с местным населением. Это поможет мне скорей втянуться в коллектив...

— Конечно, сержант... э-э-э?..

— Браздинский.

Горгулии противенько захихикали. Моя славянская фамилия всегда вызывает такую реакцию. Я уже привык. А капрал с явным облегчением и даже радостью уступил мне своё кресло. Я писал по его подсказке, он знал всех подростков по именам, их адреса, имена родителей, истории семей до пятого колена. За это время он раз пять потянулся и раз шесть зевнул, чуть наклонив голову набок и умильно глядя на горгулий, словно это были небесные птицы, а не злобно ухмыляющиеся исподтишка адские твари. Про большинство наших подростков иначе и не скажешь. Мир катится в тартарары, уровень преступности нереально высок, и мы единственные, кто хоть как-то сдерживает этот нарастающий вал...

За писаниной я не сразу обратил внимание на пронзительный скрип входной двери, потом в коридоре раздались тяжёлые шаги, и в комнату вошёл пожилой, невысокий, но нереально толстый чёрт в комиссарских погонах на круглых покатых плечах. Форма наверняка сшита по индивидуальному заказу, пузо свисает, сам поперёк себя шире, но вид суровый. Он оценивающе зыркнул на меня из-под сведённых кустистых бровей. Где-то в глубине глаз блеснули весёлые искорки.

Я решил подыграть и встал по стойке «смирно».

— Сержант Ирджи Браздинский, прибыл для несения службы, месье!

Горгулии опять прыснули. Капрал Флевретти, не сдержавшись, тоже дёрнул губами в усмешке, но тут же напустил на себя скорбный вид, пронзая юных подследственных

осуждающим взглядом.

— Вольно, вольно, сержант, — добродушно заулыбался комиссар. — Моё имя Жерар Базиликус, и я рад вас видеть. Давно прибыли?

— Несколько часов назад, месье!

— Тогда добро пожаловать в наш мирный, уютный городок, уверен, что вам здесь понравится, хотя поначалу всё может показаться менее ярким и шумным, чем в столице. Зато у нас отличное местное пиво, — он причмокнул губами, мечтательно закатив глаза, — и гречневая каша с нарезкой из копчёных бычьих хвостов... ммм... такую готовят только здесь. Почему были вынуждены оставить прежнее место службы?

— Интриги сослуживцев, месье.

— Понимаю, это достойный повод. Только боюсь, вы найдёте у нас не так много возможностей для применения ваших исключительных талантов детектива, о которых мы все наслышаны. Не смогли уснуть на новом месте? А что эти юные шалопаи здесь делают? — Он как будто только что заметил горгулий и изобразил на лице крайнюю степень удивления, хотя мне казалось, что они своей болтовнёй наполнили всё пространство помещения. — Не может быть, Фрэнки, Лора, Тинто... Куда смотрят ваши родители, а? Надеюсь, одного вашего привода в полицию им будет достаточно для того, чтобы уделять вам больше внимания. Ладно, я забыл тут на столе свои очки для чтения. Не могу уснуть, не прочтя перед сном главку-другую сентиментального сериала о собакоголовых зомби-лесбиянках «Вы-браковка, я-браковка, ты-браковка». А, вот и очки! Ну-с, покойной ночи...

— Покойной ночи, месье, — дружно откликнулись мы с капралом.

— И вот ещё, сержант. — Комиссар задержался и, глядя мне в глаза, многозначительно добавил: — У нас не было ни одного нарушения за последние пять месяцев после кражи малолетками в соседнем округе двух товарных вагонов с дистиллированным холестерином.

— Громкое дело было, месье, — подавшись вперёд, поддакнул капрал.

— Они пытались продать его оптом в табачной лавке... но это был исключительный случай. У нас была такая хорошая отчётность, друг мой... до вашего приезда. Но об этом мы ещё поговорим. А сейчас идите ложитесь спать, мой дорогой. Сегодня вам предстоит важное и исключительно ответственное дело, никому другому я поручить его не могу. Поэтому вам надо хорошенько отдохнуть, побыстрее дооформляйте тут всё и в постель. А вы марш по домам, бездельники! Думаю, папы и мамы уже заждались своих непутёвых чад...

Горгулий отпустили, разумеется, я пообещал на прощанье, что мне всё-таки придётся вызвать для разговора их родителей, что поумерило радость подростков. Обычное родительское наказание для таких активных ребятшек — визит к парикмахеру и ритуальное подрезание крыльев. А это похуже, чем лишить Интернета. Пока крылья не отрастут снова, малолетки будут привязаны к земле, а летать смогут только через три-четыре недели. С другой стороны, не в тюрьму же их сажать...

Я вернулся в гостиницу, поднялся в свой номер и остаток ночи мирно проспал. Утром встал бодрым, удовлетворённым вчерашними успехами, сделал зарядку и спустился на завтрак. Кажется, начинаю понемногу привыкать к новой обстановке. Думаю, мы быстро поладим с этим милым городишком, тут всё не так уж плохо, зря боялся.

Увы... Завтрак начался с дурной яичницы, жирных тостов и свежей местной газеты, описывающей мои вчерашние приключения. Или, вернее сказать, злоключения? Статья имела броский заголовок «Зверское избиение домовых! Надругательство над святыми устоями! Полиция оскверняет традиции!». У меня глаза полезли на лоб. Дальше шёл не менее шокирующий текст: «Новоприбывший к нам детектив Ирджи Браздинский уже успел показать себя, и далеко не с лучшей стороны... „Он набросился на нас как бешеный... Доколе будем терпеть?“ — спрашивает один из пострадавших. „Доколе?!“ — спрашивает и наша газета... Комиссар полиции от беседы с журналистами воздержался, но, судя по его молчанию, он также недоволен действиями своего нового...» Я тупо откинулся на спинку стула и залпом выпил вторую порцию растворимой бурды, незаслуженно носившей в меню название кофе.

Статья про горгулий занимала весь следующий лист. Но если первая пестрела моими фотографиями, скачанными с моей же страницы в «Однокашниках», то вся история с горгулиями была показана в развесёлых комиксах! Развесёлых для читателя, разумеется, мне-то они доставили мало радости. Карикатурный я стрелял сначала из пистолета, потом из пулемёта, а потом из пушки по невинным детям горгулий, летающим в белых платицах под облаками, а позже уводил их, сбитых и окровавленных, куда-то во тьму. Каково, а?!! «Начальник полиции оставляет эти факты без комментариев». Внизу мелким шрифтом был указан автор статьи — Эльвира Фурье. Отличная фамилия! Идеально подходит для той грязи и лжи, которую она на меня вылила. Я опрометью бросился на работу. Мне казалось, что каждый встречный на улице смотрит на меня со смехом и негодованием...

— Всё-таки у нас маленький городок, а вы умудрились за один вечер стать здесь главной новостью и героем прессы! — спокойно сказал мой начальник, когда я дошёл до участка. Тот же номер утренней газеты лежал у него на столе, раскрытый на нужной странице, он сразу понял, что я уже ознакомился со статьёй. Видимо, мне не удалось скрыть эмоции на лице. — Ладно, не огорчайся, я тут заказал завтрак в китайской лавочке. Знаю, как кормят в этой гостинице, за один кофе их судить мало.

И, убрав газету в стол, он выставил передо мной пять разных картонных коробочек, испещрённых иероглифами. Содержимое некоторых мне показалось прямо-таки подозрительным. Я оставил себе зелёный чай, рис, а переперченную свинину поспешил отодвинуть в сторону.

— Спасибо, но нет, это вредно.

— Давайте сюда, — кивнул комиссар. — Всё, что вредно, мне полезно.

Я обратил внимание, что у него нечищенные ботинки, а мундир блестит на рукавах, видно, что проводит много времени за столом. Типичный пример провинциального служаки, озабоченного лишь тем, как бы дожить до пенсии и ни с кем не испортить отношения...

— Какое ответственное задание вы мне хотели поручить, месье? — спросил я, зная, что сейчас только работа сможет отвлечь от неприятных мыслей, связанных с началом службы в этом гостеприимном месте.

— Судить конкурс чертенят на городском празднике! — Он важно поднял вверх указательный палец. — Это большая честь. Раньше её доверяли только мне! Собирайтесь, нам пора на кладбище.

С трудом взяв себя в руки, я сказал:

— Признаться, я никогда не видел подобного конкурса.

— Естественно. Ведь у вас в Парижске все юные чертовки ходят в брюках.

— А в чём его суть?

— Идёмте, объясню по дороге. Капрал Фурфур, остаётся за старшего в отделении!

— Как всегда, шеф, — буднично раздалось из подсобки.

Мы с комиссаром вышли на улицу. То и дело отвечая на приветствия прохожих, мой начальник неспешно расписывал мне предстоящее празднество. Или, по совести говоря, маленький местный междусобойчик...

— Всё очень просто, сержант. Сейчас усядемся на трибуне, поближе к судейскому месту. Потом под музыку пройдут пять самых красивых молоденьких чертовок от семнадцати до двадцати, каждая держит в руке традиционную палку. А наша отчаянная малышня будет пытаться задрать у них подол. самого ловкого чертёнка, который больше всех задерёт юбок и меньше всех словит по башке палкой, ждёт награда от городского совета!

— Э-э-э, вам не кажется, месье, что это несколько... безнравственно, что ли...

— Да ну? — вскинув седые брови, удивился комиссар. — Зато интересно! Ещё мой прадед познакомился так с моей прабабушкой, и они прожили вместе долгие годы...

Я уныло кивнул. В конце концов, не мне рассуждать о морали простонародных традиций. Надеюсь, ничего сложного в выборе наиболее наглого и ловкого чертёнка не будет. Но на деле всё оказалось гораздо труднее. Поверьте, по затрате психической энергии

легче поймать десять бандитов-гвантелупцев, которые вечно тащат в нашу страну всякую дрянь вроде кошерного вина, чем судить конкурс чертенят по задиранию юбок. Попробую начать сначала...

Как и гласило прочитанное мною ранее объявление, конкурс проходил на кладбище. Видимо, он имел чётко выраженную возрастную направленность, так как в основном туда спешили старики и подростки. Два десятка малышей, стоя за символическим ленточным ограждением, ждали своего выхода, разминаясь, садясь на шпагат и примеряя на головы мотоциклетные шлемы. Пятёрка чрезвычайно милых юных чертовок в ярких свободных юбках и спортивных футболках, хихикая и перешёптываясь, тусовалась в сторонке. Мы с шефом, мэром и ещё двумя приближёнными лицами были усажены за специальный столик жюри, все прочие зрители, галдя, толпились по обе стороны неширокой ковровой дорожки. Подразумевалось, что пять претенденток должны неспешно пройти по ней двадцать метров и не позволить ни одному чертёнку задрать себе юбку.

Толпа судачила о прошлых временах, каждый пожилой чёрт кричал, что в своё время именно он и был ежегодным чемпионом деревни по задиранию юбок. А все бабушки-чертовки говорили примерно то же самое... только наоборот.

— Это твоя внучка?

— Да, и с моей палкой. Сколько я ею костей поналомала и рогов поотшибала, у-у-у... Она уже почти лакированная стала.

— А вон те двое мои парни! Второй год по три юбки задирают! Моя школа, все в дедушку...

— Твоя школа? Нет, вы слышали, а?! Да чтоб ты знал, они тренируются у моего сына, а тебя вечно уносили с разбитой башкой и оттоптаннами почками! Вот брехло-то...

— Не брехло он! Фантазёр просто... кажется ему всё... Да и кому бы не казалось, если ещё в детстве столько раз по маковке дубиной огрести. А в прошлом году мой внук победил! Я ему ещё свои старые награды примерить давал...

— Какие награды, старый вун? Да я те, помнится, ещё сорок лет тому назад три ребра палкой прогладила и коленную чашечку размозжила! Эх, где мои семнадцать лет...

За короткое время у меня сложилось стойкое убеждение, что все представители мужской части населения были повальными чемпионами по задиранию юбок, а вся женская половина ни разу не позволила задрать себе юбку, успешно отбиваясь палкой от увечных конкурсантов. Кто же тогда и каким образом мог быть чемпионом, непонятно...

Подумав, я тихо спросил у мэра:

— Вы, вероятно, тоже были чемпионом по задиранию юбок?

— Да! — обрадовался он. — Как вы узнали? Я ведь стараюсь об этом не говорить, положение ко многому обязывает, такое легкомысленное прошлое... Но это было чудеснейшее время! Ни одна из них не могла до меня дотянуться палкой, я ловко ускользал от всех, а задранные мною юбки так и мелькали, так и мелькали... Но смотрите, первая партия!

Выход пяти девушек и чертенят не произвёл на меня ровно никакого впечатления, хотя публика ревела от восторга и азарта. Юбки были задраны всем! Но четверых не самых ловких чертенят унесли с дорожки в полном отрубеве. Я чувствовал себя неудобно, словно находился на узаконенном традициями акте членовредительства. А малыш, умудрившийся задрать аж четыре юбки, приплясывая, спешил к нашему столику...

— Ты герой, — откашлявшись, произнёс я. — Когда вырастешь, приходи к нам в полицию, нам нужны такие отчаянные парни. То есть если вырастешь...

Шеф удовлетворённо кивнул, довольный моей речью, а мэр наградил победителя тяжелой серьгой в ухо в виде перевернутой звезды Давида. Она была больше головы чертёнка и висела почти до самой земли, так что он пошёл, прижав голову к плечу, согнувшись набок, но терпя эти неудобства, донельзя гордый собой.

— Таких давали всего четыре, и у меня одна из них, — шепнул мне комиссар со сдержанным достоинством.

Кто бы сомневался в правдивости этого признания.

Меж тем девушки готовились ко второму кругу...

— А сейчас будет конкурс для чертенят постарше. Всех участников обливают водой, чтобы усложнить задачу, — просветил меня мэр. — Все скользят, падают, так куда трудней задрать юбку и увернуться от палки. Начинаем!

И сразу пять-шесть ведер с водой взметнулись вверх, зрители взвыли от восторга в предвкушении зрелища. Возможно, поэтому на вопли одной полной девушки-участницы не сразу обратили внимание. И только когда она начала кататься по земле, когда резко смолкла музыка, я вскочил с места. Пока шеф пытался меня остановить, пока пользующиеся случаем чертенята шесть раз подняли ей юбку, пока мне удалось растолкать смеющуюся толпу, бросившись ей на помощь, пока мэр смог навести хоть какое-то подобие порядка, прошло, наверное, минут десять... За это время несчастная потеряла сознание.

— Святая вода, — прорычал я, подхватывая её на руки. Я не мог ошибиться, ожоги были слишком характерными, мне приходилось сталкиваться с подобным на занятиях по криминальной медицине.

Кто мог пронести святую воду на детский конкурс?! За годы службы я, конечно, видел и более страшные вещи, но столкнуться с такой бесчестностью здесь, в Мокрых Псах, где по отчётам ничего подобного не случалось, по крайней мере, лет сто... С этим надо будет срочно разобраться, но сейчас надо думать о другом...

— Полиция! Полиция! — закричал кто-то прямо над ухом.

— Спокойно, я полиция, сержант Браздинский. Позовите лучше врача!

Народ продолжал галдеть, праздник был смят, взрослые спешно уводили детей. Я огляделся в поисках шефа, но его рядом не было. Передав бедняжку подоспевшей «скорой помощи», я принял командование на себя, по горячим следам выискивая подозреваемых. И зацепил сразу двоих!

Первым был слепой ветеран последних ангельских войн, кстати, крылатый десант святого Михаила как раз использовал бомбы со святой водой против нашей пехоты. Ветеран что-то поднял с травы и с подозрительно прямой спиной заспешил с поля. Пришлось догнать и попросить показать, что у него там. Он возмущался и тряс медалями, но потом признался, что подобрал чей-то упавший сотовый телефон. А когда я начал проверять документы, то при детальном рассмотрении его удостоверение инвалида оказалось фальшивым. Это был не ветеран, а вор и шулер. Пришлось задержать. Я передал его подоспевшему капралу Флевретти, который его не знал («Не из местных, месье!»), и попросил отвести в участок для дальнейшего разбирательства, а сам продолжил поиск.

— Что случилось? — За моей спиной неожиданно возник запыхавшийся шеф.

— Где вы были?

— Да прямо здесь. А что произошло?

Я обрисовал ситуацию. Он взволнованно кивнул.

— Вы что-нибудь видели? Что-нибудь подозрительное? Как это могло случиться? Есть зацепки?

— Пока нет, — вынужденно признал я. — Но мы ищем.

Комиссар снова кивнул:

— Продолжайте.

У него был растерянный и даже слегка напуганный вид. Не думаю, что и я сейчас выглядел лучше.

Вторым подозреваемым был высокий лысый чёрт в форме почтальона, вернее, не совсем подозреваемым, мне показалось необычным только одно — перчатки на руках. Они были тонкие и облегающие, но посреди лета! Это не могло не вызвать вопроса: «Зачем?» Кроме того, я припомнил, что он одним из первых кинулся на помощь девушке и до сих пор находился рядом с ней, кричал и суетился, в общем, всячески мешался под ногами полиции и санитаров. Но намеренно он это делал или из глупости и желания помочь?

Я хотел подойти к нему и задать пару вопросов, но шеф как будто прочитал мои мысли.

— Вы смотрите на руки нашего почтальона месье Сабнака? Ха-ха. Выбросьте из головы. Он у нас со странностями, в любое время года ходит в перчатках, я, собственно, и не припомню, видел ли я его когда-нибудь без них. А ведь он у нас уже два года на почтовой службе.

Девушке тем временем оказали медицинскую помощь. К счастью, ожоги были не такими сильными, какими казались вначале. И тем не менее её всё же пришлось госпитализировать. Врачи обещали сделать всё возможное и невозможное. Видя, что «скорая» отъезжает, я задержал их, попросив дать мне одну минуту.

— Только минуту. Состояние очень тяжёлое.

— Вы что-нибудь видели? — спросил я пострадавшую, осторожно взяв её за руку.

Она открыла глаза. Взгляд у неё был как у больной коровы, и такой страдальческий, что сердце сжималось. За все три года полицейской службы я так и не привык к чужой боли. Иногда это очень мешает работе, особенно в ситуациях, подобных этой, когда нужно максимально сохранять отрешённую чёткость мышления. Ужасно злюсь на себя за это. Видимо, настоящим профессионалом мне не стать, не хватает хладнокровия.

Она шмыгнула круглым пяточком, личико перекошилось (но от физических страданий или от душевных?), и покачала головой.

— Я... ничего не помню... я... всё так неожиданно и больно... мама...

— Всё будет хорошо.

Я ободряюще сжал её руку и кивнул санитарам. Они задвинули носилки в машину.

Отходя назад, я с кем-то столкнулся спиной. Ну кто тут лезет под руку?! Я оглянулся, собираясь сделать строгий выговор, и увидел миловидную чертовку лет двадцати трёх, в невероятном мини, с глубоким декольте и с профессиональным фотоаппаратом в руках. Что-то в том, как она отпрянула, показалось мне очень знакомым...

— Вы лезете под санитарную машину, мешаете врачам.

— Я здесь тоже не в куклы играю, — буркнула она в сторону, вжимая голову в плечи и всем видом показывая, что ей крайне некогда.

Ах вот это кто! Ну-у на этот раз я её так не отпущу.

— Это вы за мной следили ночью? Фотографировали и опубликовали эту злобную вымышленную статью? Вы знаете, что вам полагается по закону о клевете? А что сейчас здесь делаете? Ходите за мной по пятам и вновь собираете материал для своих газетных инсинуаций...

— Вот ещё! Сколько вопросов, и все о вас. Я должна написать заметку о празднике. А теперь ещё и об этом... кошмаре!

— Понятно. Только, кажется, в суматохе вы забыли надеть юбку, — фыркнул я. А сам невольно отметил, какие у неё глаза, огромные зелёные озёра, в них целый мир, они так и вытягивают душу.

— Я надела юбку!

— Простите? Задумался...

— Я говорю, что надела юбку!

— Простите ещё раз, я подумал, это просто широкий ремень. Теперь понятно, почему он с бахромой, а то казалось, что просто поистрепался.

— Да, слегка, потому что его носила ещё моя бабушка, — съязвила она. — Тогда и вы простите меня, но я должна делать свою работу. Как и вы свою!

И, перекинув сумочку поудобнее, она решительно зашагала прочь.

— Ваша работа — писать клеветнические статьи на полицию? — повысив голос, поинтересовался я ей вслед.

Она обернулась, её лицо горело возмущением, а глаза-озёра превратились в бушующие океаны.

— Поиск истины. Так же как и у вас.

Я фыркнул. Ну конечно, полиция и журналисты — близнецы-братья...

Мы с капралом оцепили жёлтыми ленточками место преступления. Исследовали его

дюйм за дюймом. Но ничего, за что можно было бы сразу зацепиться, не увидели. Вечером я захал в больницу навестить пострадавшую. Её звали Селия Кадабрус, из северных чертей, крупная девочка.

— Вам точно никто не желал зла? — спросил я, раскрывая блокнот.

— Нет, кажется, никто, — еле слышно пролепетала она. — То есть... я не помню.

— Постарайтесь вспомнить, — мягко попросил я.

— Бабушка мне часто желает, когда я отказываюсь мыть её кошек. Потом ещё сосед как-то пожелал, когда мой Орф его укусил.

— Орф — это кто?

— Моя двухголовая собака.

Я покивал, записал эту скудную информацию и, поблагодарив и пожелав девушке скорейшего выздоровления, попрощался с ней и вышел в коридор.

Там я опять чуть нос к носу не столкнулся с этой эмансипированной журналисткой.

— Мадемуазель, если вы продолжите вмешиваться в нашу работу, я вынужден буду арестовать вас за помехи в деятельности полиции.

— Но все честные черти должны знать правду!

— Преступность от этого не уменьшится, а поимке преступника ваше вмешательство может помешать. Он же тоже читает газеты.

— Вы на самом деле такой грубый солдафон или только притворяетесь? Если дадите интервью, я от вас отстану. — Не дожидаясь моего согласия, она с улыбкой сунула мне под нос микрофон. — Итак, только для наших читателей, сержант Ирджи Браздинский собственной персоной. Вы уже что-нибудь обнаружили?

— Это конфиденциальная информация, и я не уполномочен её разглашать.

— Тогда пара личных вопросов. Вы здесь впервые. И всем интересно узнать о вас побольше. Например, что вы предпочитаете на завтрак, есть ли у вас хобби, что читаете, чем занимаетесь по вечерам?

— Сплю, — сквозь зубы процедил я.

— Спите? Так много? Не верю. — Этот её взгляд... он меня с ума сведёт.

— Здесь в любом случае не место для интервью.

— Отлично, где бы вам было удобно побеседовать с прессой? Надеюсь, не в сауне?

Меня спас врач, молодой вервольф в белом халате, с радостной улыбкой во всё лицо, но такими хорошими зубами и я бы гордился.

— Сержант! Как хорошо, что вы зашли! К нам сегодня поступили с отравлением различной степени тяжести четверо домовых. Мы знаем, что должны сообщать вам о таких случаях. Главврач сделал им промывание желудка, жить будут, но пока все четверо не в лучшей форме. Пройдёте?

Укрытые маленькими одеялками, домовые метались по кровати, стонали и охали.

— Я вижу свет... — дрожащим голосом бормотал вчерашний именинник и вдруг, устремив на меня взгляд загоревшихся глазок-бусинок и протягивая ручки, закричал: — Мапочка! Моя мапочка пришла! Мапочка, я хорошо себя вёл, можно мне на карусели?

— Бредит, ещё одно последствие отравления святой водой, — весело констатировал врач. — Кстати, видимо, эта штука была растворена в обычном русалочьем вине.

— Пожалуйста, мапочка, я хочу в подпол!

Наверное, у меня округлились глаза, и я еле успел отодвинуться, ручки домового схватили воздух вместо моей шеи.

— «Подпол» — это парк развлечений для домовых, в соседнем городке, хорошая находка с названием, кстати. Где ещё домовые могут чувствовать себя так же комфортно, как под полом, где их никто не видит и они могут творить всё что хотят? Эх, завидую я порой их врождённому иммунитету к клаустрофобии.

— Где вы взяли это вино? — спросил я, подсев к одному из «гостей» именинника.

— Кубил у обного збакобого, — быстро проговорил домовый, натянув одеяло по самые

глаза.

— Какого? — попытлся достучаться до его сознания я.

— Де побью ибя... — испуганно добавил он и закрылся с головой.

— Святая вода вызывает у домовых кроме отравления организма, бреда ещё и... ха-ха... частичную потерю памяти, — прокомментировал врач.

— Кто он? Где и кем работает, тоже не помните? Это важно, — упорствовал я, но он молчал, и мне не удалось стянуть одеяло с головы упряма.

— У бего sibяя бежба... как у бас, — задумчиво ответил его сосед.

В моём мозгу будто что-то щёлкнуло. «Знакомый» и «одежда как у вас». Наверняка в городе такую одежду носили только трое, включая меня. Неужели отравитель из наших рядов?..

— Ох-ох, бяжко-то как... — застонал домовый.

— Смешные они всё-таки, да? — тепло рассмеялся доктор, обнажая белоснежные клыки.

Я попытался расспросить другого. Но тот только бормотал что-то вроде:

— Бе помдю, бе помдю, ничего бе помдю...

Третий «гость» спал здоровым сном, вывалив синий язык на подушку и пуская пузыри. Будить его было неудобно, я же не зверь. Пришлось задавать дежурные вопросы медицинскому персоналу.

...В участок я вернулся уже затемно. Дверь всё так же громко заскрипела, открываясь. Комиссар Жерар сидел за столом в своём кабинете.

— Завтра в десять у вас лекция в детском саду, выспитесь хорошенько и можете идти прямо туда. Мисс Гадсон будет вас ждать.

— Но, месье, а как же расследование?

— Какое? Ах да, вы про инцидент на празднике. Досадная случайность, только и всего.

Я рассказал ему про домовых, как можно беспечнее добавив:

— Им продал вино некто знакомый, по их словам, в такой же одежде, как и у меня.

При этом я внимательно следил за реакцией шефа. Но если его и взволновали мои слова, то он ничем этого не выдал. Жаль, что здесь не было капрала Флевретти. Я бы хотел видеть и его лицо при этом сообщении. У меня было чувство, что больше такой возможности мне не представится. Тем более что сам начальник выразил нервный скептицизм:

— Да у них галлюцинации! Мало ли чего они могли наглотаться?! Вы поверили словам пьяниц, отравившихся некачественным спиртным?!

— Галлюцинации у домовых как раз и вызываются святой водой. Так говорит врач.

— Покойной ночи, сержант. Что бы это ни было, рабочий день уже закончился, завтра разберёмся.

Я спросил его о «ветеране».

— Мы ничего не нашли на него и отпустили. С подпиской о невыезде, конечно. Ещё раз покойной ночи!

Всю ночь я думал о том, что произошло. Либо мой шеф не хотел раскрытия преступления, либо у него были свои методы. Второе предпочтительнее. Ибо в противном случае мне придётся воевать против своих же, чертей в форме. Уснул поздно, так и не приняв никакого решения...

Утром перед встречей с детьми я надел новую форму. Синий мундир, серебряные пуговицы, жёлтые лампасы. «У него синяя одежда... как у вас». В этом городке такую же носили двое — комиссар Базиликус и капрал Фурфур Флевретти. Допустим, капрал имел алиби, находясь в участке, а шеф? Куда он исчез, когда всё это началось? Неужели...

Вообще-то мне приходилось выступать с лекциями перед студентами. Поэтому встречи с бесенятами в детском саду я, естественно, не боялся. Да и что, собственно, такого у меня могут спросить маленькие дети? Для них уже сам факт появления настоящего полицейского будет сплошным праздником. Если бы я только знал, какой «праздник» меня ожидает...

А ожидала меня классическая детсадовская воспитательница! Упитанная чертовка в большом заляпанном фартуке, неопределённого цвета платье и очках с толстыми стёклами, которые у неё почему-то постоянно падали, стоило ей только наклонить голову. А без них она ничего не видела. Плюс тона на два не совпадающий с цветом волос шиньон, стоптанные домашние шлёпанцы и выбивающиеся из всего этого ужаса эротические колготки из секс-шопа в крупную чёрную сетку, имитирующую колючую проволоку. Когда она гостеприимно распахнула дверь, я с трудом подавил вопль ужаса.

— Э-э-э, мисс Гадсон?

— Она сямая! Зяходите-зяходите, ми вась дявнѣ ждѣм!

Меня повели длинными коридорами, вежливо расписывая всё на ходу с непередаваемым детским сюсюканьем. По-моему, она не меньше своих воспитанников нуждалась в хорошем логопедѣ.

— Тютѣ у нясь спяльня! — сообщила она, открыв дверь в полутёмную комнату с деревянными нарами, набитыми в два этажа. — Тютѣ иглявая.

Мы вошли в довольно большую комнату со вздыбившимся неструганым паркетом, деревянными игрушками, прибитыми к потолку, с тяжёлыми металлическими шарами, осколками кирпичей и битыми бутылками.

В общем, ничего нового. Всё как у меня в детстве.

Потом меня провели в столовую — длинные столы, узкие некрашенные скамьи, металлические миски, алюминиевые кружки, полное отсутствие ложек, вилок и ножей. Правильно, пусть приучаются всё есть руками. Запах плесени, конечно, чувствовался, но умеренно. Всё-таки в детскую пищу добавляют меньше специй, за этим строго следит пищевой контроль.

Пятью минутами позже за те же столы плечистые надзиратели рассадили детей. Домовята, горгулята, чертенята, бесенята, сатирята. Мне сразу не понравилось выражение их мордашек, они смотрели на меня так, словно сегодня я был их завтраком. Сумрачные мелкие шкетѣ, отчаянные и не пробиваемые ничем, полностью лишённые любой морали и готовые ради конфеты на любое убийство, даже с отягчающими. «Да уж, детишки, — подумал я, — такие, если нападут ночью сзади, все двадцать два, завалят и освежают, даже пикнуть не успеешь. Наше будущее...»

— Долягие детишечки, сегодня к ням плишѣл наш нѣвый полицейский. Помощник дяди Желяля, сельжантик Ирджик! Онѣ лясскажет вам о слюжбе в полиции. Это осень познавательнѣ, мои птенчики. Вдьюг и кого-то из вась ждѣть тякая же чѣйна судьба...

— Э-э-э... здравствуйте, дети, — начал я.

— Здравсте! — нестройным хором откликнулись все.

Причѣм трое или четверо показали мне в качестве приветствия оттопыренный средний палец. А один демонстративно провѣл ребром ладошки по горлу.

— Я сержант Браздинский, можете меня звать пан Ирджи.

— Таких имѣн не бывает.

— Об этом не тебе судить. Бывает, но не в ваших краях, здесь редки черти-славяне. Итак, мы в полиции патрулируем улицы, следим за порядком в городе, задерживаем преступников.

— А что вы с ними потом делаете?

— Да. Папа говорит, продаѣте на органы.

— Нет, — закашлялся я. — Это незаконно.

— Расстреливаете или сдаѣте оптом на мясо-колбасный комбинат?

— Нет-нет, мы не...

— А почему нам тогда дают такие невкусные сосиски?!

Вот так они всё время прерывали меня вопросами и репликами, вначале я ещё пытался как-то отвечать, но в конце концов пришлось повысить голос:

— Все вопросы в конце моего доклада! Сейчас говорю я, а вы будьте хорошими детишками и слушайте не перебивая. Договорились?

— Да-а-а-а!

Их хватило ровно на две минуты.

— А у вас есть с собой пистолет?

— ...профилактика правонарушений как неотъемлемая часть нашей работы и...

— А он заряжен?

— ...поэтому арест как таковой является уже крайней мерой, свидетельствующей о недостатке...

— А можно выстрелить?

— ...если вы с детства запомните ряд несложных правил в отношении вас и полицейского лица...

— А сколько преступников вы застрелили?

— Десять! — сорвался я, потому что эти мелкие мерзавцы меня абсолютно не слушали.

— Вы стреляли им прямо в голову?

— Это не имеет никакого отношения к нашему сегодняшнему разговору. Давайте я лучше коротенько расскажу вам об уголовном кодексе...

— А папа говорит, что в полиции служат только воры и взяточники.

— Ну и кто у нас такой умный папа? — не выдержал я. — Адрес, фамилия, должность?!

Я уже больше лаялся с детьми, чем читал лекцию. Воспитательница улыбалась. По её мнению, лекция проходила просто замечательно. Дети задавали столько вопросов. Им явно было интересно.

— А правда, что с нового года вам запретили бить подозреваемых по почкам?

— Правда.

— А если мы не будем спать, нам правда за это дадут десять лет?

— А на сколько нас посадят, если мы отравим мисс Гадсон?

— Не все слязю, не все слязю, детишечки. Надё двать нашему гостю влемя что-нибудь ответить, — с улыбкой поправила воспитательница.

— А у нас сегодня невкусный компот. — Один мальчик встал из-за стола, подошёл ко мне и вылил содержимое своей чашки мне на ботинок. — Видите, какой невкусный.

Я начал терять терпение, стряхнув с ботинка сухофрукты и невольно хватаясь за кобуру.

— Тяк, птенчики мои, встлеча с дядей Бладзинским подходить к коньцю. А тепель длужно поплёсим нашего гостя с нями пообедать.

— Да-а!!! — радостно закричали дети.

— Ледкостная длянь, не ешьте, — шёпотом просигналила мне мисс Гадсон. — Плёсто сделяйте видь. Мы все тють так постюпаем.

Начинали, как и положено, с супа. Вернее, с жидкой баланды из кусочков прелой капусты, крупной резаной морковки и грязных очистков свёклы. Витамины. Вот это действительно необходимо для детского организма.

Мне, как почётному гостю, плеснули в тарелку первому, но, видимо, молодой бес, который здесь служил поваром, неаккуратно развернул черпак, и одна капля упала мне на ладонь. Боль была такой, что я взвыл!

Все испуганно замерли. Таких воплей в детском саду ещё не слышали...

— Никому не прикасаться к еде! — Я выхватил пистолет и взял на мушку повара. — Что вы положили в суп?

Притихшие на мгновение дети дружно заорали:

— Пристрели его! Ура! Да! Огонь, батарея, пли-и!!!

Воспитательница пыталась успокоить детей:

— Тихо, мои долягие, слюшайте дядю сельжантя, а не тё зястявлю вить велёвки из песка.

Повар начал оправдываться, отступая и теряя очертания, как это происходит от волнения только с бесами:

— Н-нет, я ничего н-не-э делал, начальник... не в теме... м-меня заставили.

— Срочно вызовите комиссию пищевого контроля и позвоните комиссару, — бросил я воспитательнице.

— Э-э-э... дяде Желялю? — испуганно уточнила мисс Гадсон.

— Для меня он не дядя Жерар, а комиссар Базиликус! А ты опусти половник и не шевелись. Одно движение, и я стреляю.

— Стреляет? Он будет стрелять! Стреляй скорей! А можно мы его тоже застрелим?

— Уведите детей в безопасное место, — сквозь зубы приказал я, как только мисс Гадсон доложила, что дозвонилась в участок.

— А как же обедь?

— Еда отравлена.

— Они пливыкшие, — снисходительно улыбнулась она.

— Там святая вода!

Воспитательница испуганно ахнула и начала эвакуацию «своих птенчиков». Когда помещение опустело и мы с подозреваемым остались вдвоём, я знаком велел преступному повару сесть и сам, отодвинув стул, уселся напротив.

— Руки на стол перед собой.

Он положил руки, как я велел, и угрюмо притих.

— Намотайте себе на ус: молчание вам не поможет. Сейчас приедут эксперты, и всё выяснится. Когда все доказательства окажутся на бумаге, вас ждёт от десяти до двадцати лет строгого режима.

— Чё за кипеж? Д-дело шьёте, н-на-ачальник?

— Так вы ещё и судимы?!

— Т-так кто ж меня сюда возьмёт и без отсидки? Н-на-а такое место и без т-тюремной рекомендации никак не попадёшь. Б-было дело, отмотал срок. Только не делал я ничего. В-век воли не видать, п-продукты я не трогал, н-на-ачальник.

— Но суп отравлен!

— Н-ничего не брал. Всё л-лучшее детям.

— В каком смысле?

— А в том самом! Суп отравлен, г-говорите? П-правильно, ясен перец! Я что, с-сучара позорная, кормить детей свежими продуктами? Но начальство з-за-аставляет. И так порчу, как могу. С-ставлю на солнце, бью, мну, ч-червей засовываю. А л-лучшие поступившие со склада продукты, с-самые и-испорченные, г-гнилые и пропавшие, сразу забирает директор!

В столовую неспешно вошёл мой начальник. Вид у него был крайне недовольный...

— Что на этот раз, сержант?

Я бегло доложил о произошедшем, продемонстрировал болючий ожог на руке и потребовал, чтобы повар повторил всё ранее сказанное. Шеф слушал молча. Потом устало вздохнул:

— Мы и сами это знаем. Директор — вор, но он удобен мэрии, ничего чрезмерно преступного.

— Поставка некачественных продуктов в детский сад — это полбеда, — вынужденно согласился я. — А как вам святая вода в супе?!

— Свя-а-атая вода! Д-дьявол сохрани! К-как? От-ткуда? Я-то здесь ни при чём.

— Вы один на кухне работаете?

— Д-да-а, с тех пор как уволился м-мой напарник. — И, опережая мой вопрос, повар поспешно добавил: — Абигор Гранат, из Индусии, п-поэзией увлекался, б-было дело, и татуировки колол как б-бог!

Так. Мы пошли по второму кругу, теперь ещё и таинственный напарник с восточным уклоном. Быть может, парень просто пытается отвести от себя подозрения? Но его удивление и даже шок были слишком убедительными. Это может помочь найти истинного виновника.

Шеф равнодушно кивнул, и я продолжил расспросы:

— Так. А кто при чём? Откуда вы брали воду, месье...?
— Стрига. К-ка-ак обычно. Из-з-з-под крана.
— Вы отходили от плиты во время приготовления? Кто-нибудь ещё был рядом?
— Н-нет, после утренней газеты н-никого.
— Никто не заходил на кухню?
— Я н-не видел.
— Вы всё время оставались там?
— Н-нет... я выходил. Д-д-два раза, типа покурить.
— Кто-нибудь мог в это время зайти на кухню?
— Д-думаю, да, ко-о-о-нечно, впо-олне, но т-только кому это нужно? Нач-чальника сегодня нет. А ос-стальные сюда не ходят, ч-чтобы я посуду не попросил помыть.
— Как это ни странно, кому-то было нужно. — Я саркастично рассмеялся.
Комиссар Жерар смерил меня укоризненным взглядом.
— Ещё при-и-их-ходил сантехник, труба протекала, — поспешно проговорил повар.
— Что же вы сразу о нём не сказали?!
— З-забыл, начальник.
— Может, ещё кого забыли?
— М-может, и забыл...
— Я должен вас обыскать, месье Стрига.
— Ну ш-шм-монайте, волки позорные, — хмуро согласился он.

Обыск ничего не дал. В принципе я и не особо на это рассчитывал. Прибыли специалисты из пищевой комиссии. Два сатира в белых халатах с прорезями для хвостов, они еле стояли на ногах, до того были пьяны. Но это нормальное состояние для сатира, их на работу трезвыми просто не выпускают. Если вы увидите непьяного сатира, то насторожитесь, потому что либо он тяжело болен, либо это принявший облик сатира инкуб. Инкубам внешность сатиров почему-то кажется более привлекательной для соблазнения женщин, чем их собственная, и они считают, что козьи ноги сатиров стройнее их собственных козлиных ног. Сатиры забрали бидон супа на проверку и, пошатываясь, направились к выходу.

— Пойдите, где здесь в городе можно достать святую воду? — спросил я у них.
Один из них обернулся и попытался сфокусировать на мне мутный взгляд водянистых глаз.

— У те-я такой резкий... голос, брат, тих, тсс... — склонив голову набок и страдальчески скривив лицо, попросил он. — А т-ты что-т сказал? Я не понял.

Я повторил свой вопрос, терпеливо разделяя слова.

— В гр-ской лаб-р-тории, — засияв, ответил второй, махнул рукой и, развернувшись на одном копыте, попытался выйти в дверь, ударился рогами об косяк, захихикал и со второй попытки, подталкиваемый в спину коллегой, наконец благополучно вышел.

Я не опасался, что они прольют бидон на себя или на кого-то ещё. Сатиры — профессионалы в пищевой экспертизе, лучшие в своём роде. Так же как профессию пожарного обычно выбирают саламандры (как это ни парадоксально), дворниками поколениями предпочитают работать домовые, а в полицейские, как вы уже поняли, обычно идут черти, реже вампиры. У последних хороший нюх на всё, что пахнет кровью, и они превосходные ищейки. А расследование ведём обычно мы, черти, у нас мозги будто специально устроены для этой работы, к тому же мы обладаем врождённым стремлением к порядку, дисциплине, да и дерёмся как черти.

— Что это за лаборатория? — поинтересовался я на выходе из детского сада, шагая рядом с шефом.

Повара мы отпустили, взяв у него всё ту же подписку о невыезде. Только в учреждении для малолеток ему до конца следствия не работать. Рисковать детьми мы не будем.

— В медицинском центре. Вон тот дом в конце улицы. Выясните всё сами. Я знаю, что могу на вас положиться, сержант. А мне надо идти, дела-дела...

В лаборатории в этот день находились только две сотрудницы — рыжеволосые дриады с веснушками во всё лицо. Судя по тому, что они были копиями друг друга, родились они от одного дерева. И звали их похоже — Ива и Ава. Бутылка со святой водой для медицинских целей была запечатана, и печать была на месте.

— Мы её ещё не вскрывали. У нас был запас.

— Кто вам доставляет воду? — спросил я.

— Почтовая служба.

— Когда вы её получили?

— На прошлой неделе.

— Да, в прошлый четверг, — уточнила Ава.

— Или в пятницу.

— В четверг, я точно помню!

— Действительно, — тонко улыбнулась Ива, — ведь ты же её принимала.

— Я?!

— А кто, я, что ли?!!

— Чтобы проверить ваши путанные показания, — вмешался я, — мне придётся вас обыскать.

— Вы не имеете права!

— Обыщите её первой!

— Нет, её, она вечно от меня что-то скрывает!

Я устало вздохнул и приступил к делу. На первый взгляд ничего подозрительного, но в сумочках у обеих нашлась одна интересная вещь — фотография капрала Фурфура Флевретти с отпечатками поцелуев и нарисованными сердечками. Этот апатичный серый тип — местный похититель сердец? Воистину мир женщин непознаваем! Хотя, с другой стороны, если у него роман с обеими близняшками, значит, он в любой момент мог забежать к ним на дежурство и под любым предлогом отлить в пузырёк немного святой воды? Не знаю, не знаю... Это вполне могло иметь место, и всё-таки с флегматичной мордой капрала такое продуманное преступление как-то не вязалось...

— Кажется, мне надо допросить и вашего друга капрала Флевретти.

— Ой, нет-нет-нет! — в один голос закричали они.

— Тогда с этого момента только правду. Кто-нибудь вскрывал пломбу на бидоне со святой водой и запечатывал его снова?

— Не знаю, — испуганно сказала Ава или Ива. Я в них уже запутался.

— Не знаю, — повторила её сестра. — Честно-честно.

— Хорошо, — вздохнул я, недоумение в их глазах было слишком натуральным. — Тогда это всё.

К концу рабочего дня я чувствовал, что сегодня мне надо выпить. Паб, в который я зашёл, был гордостью местной пивной индустрии. На стенах висели череп волка-оборотня, чучело вымирающего грифона, шкура единорога и ржавые кандалы, узор на вентиляционной решётке изображал мучения грешников в аду, в витрине на всеобщее обозрение был выставлен набор знаменитого маньяка-проктолога, а над камином прибиты два настоящих крыла ангела. Самые редкие охотничьи трофеи...

Я попробовал местное пиво, которое рекомендовал комиссар. Оно оказалось приятно-кислым на вкус, и неповторимый клоповный аромат ничуть его не испортил.

Рядом за стойку подсела та самая зеленоглазая журналистка в мини.

— Могу я выпить кружку пива, чтобы это не появилось в завтрашней прессе? — ровно спросил я, глядя перед собой.

— Ну конечно. Обещаю, что о пиве писать не буду, — сказала она, тоже не поворачиваясь ко мне, а с притворным интересом рассматривая ряды бутылок за спиной горбатого бармена-клойркона.

— Уже спасибо.

Она помолчала, но я знал, что покоя от неё не дождёшься.

— Как прикажете к вам обращаться, сержант-месье-господин-сэр?

— Вообще-то мне привычней пан. Я всё-таки из Полякии.

— А я-то думала, почему вы такой высокий.

— Да, — кивнул я, — поляцкие черты обычно выше и крепче ваших островных, Эльвира.

— Надо же, вы запомнили моё имя. В газете прочли?

— Под статьёй. О том, как я измывался над бедными домовыми и стрелял в горгулий.

— Да ладно вам, это моя работа. Лично я ничего против вас не имею. У меня начальник очень любит жареные факты и, если я пишу что-то нескандальное, грозитя увольить.

— Бывает. Мой шеф тоже не самый обаятельный тип, — соврал я, однако неприязнь ушла, и я даже, кажется, начал испытывать к ней какие-то чертячи чувства.

— Так я могу угостить вас пивом в знак временного перемирия?

— Если только это не будет истолковано как взятка офицеру полиции.

— А вы тоже угостите меня, и будем считать это подкупом свободной прессы, — улыбнулась она.

За разговором мы и не заметили, как перешли на «ты». Потом пересели за отдельный столик и скоро болтали и смеялись так, будто были знакомы всю жизнь. Эльвира оказалась очень умной и образованной девушкой, я давно не получал такого удовольствия от обычной беседы.

Часа через три я расплатился и проводил её до дома. Мы попрощались сдержанно, ни о чём не договариваясь, но я был уверен, что завтра вновь увижу её в том же пабе. И более того, я очень на это надеялся...

Следующим утром, придя на работу, я увидел, что комиссар опередил меня. Но сегодня он встретил меня без улыбки, только, сумрачно взглянув исподлобья, буркнул:

— Приветствую, сержант.

— Доброе утро, месье.

— Ещё какое доброе. Смотрите, что я получил сегодня. Подтверждение из пищевого контроля, что в супе, взятом ими на экспертизу, действительно содержится святая вода.

— Значит, мы идём по верному следу. Я прошу разрешения допросить сантехника, который приходил в тот день на кухню чинить трубу.

— Сначала полюбуйтесь на это...

Он протянул мне жалобу, подписанную комитетом матерей спиногрызов из детского сада. Письмо было обвинительного тона. А что хуже всего — обвиняли меня.

«До приезда пана Браздинского мы жили мирно и спокойно и могли не бояться за наших детей, а теперь везде, где он только появляется, случаются эти страшные происшествия, могли пострадать наши дети, только чудо их спасло. Мы не утверждаем, что именно он совершил эти ужасные преступления, но он вызывает несчастья на наш город. Избавьтесь от него, месье Базиликус, спасите нас и наших детей, пока не поздно. С уважением...» Угу... так... список из тридцати девяти имён.

— Они в чём-то правы. С вашим приездом у нас началась вся эта катавасия.

— Вы называете катавасией спланированные покушения на жизнь граждан вашего города?!

— Пока это бездоказательно, — благодушно отмахнулся шеф. — Конечно, я вас хорошо понимаю, вы у себя в столице привыкли видеть на каждом шагу убийства, покушения, грабёж. Но здесь этого не происходит. Я навскидку назову сотню причин, почему святая вода случайно, подчёркиваю, случайно попала в суп.

— И в вино, и в ведро с водой на празднике задиранья юбок?

— Ну-у... да.

— Почему вы в этом так уверены?!

— Потому, мальчик мой, что у меня за плечами опыт и я знаю, когда не стоит хвататься

за пистолет и размахивать служебным удостоверением. Я не суеверен, но, может быть, местные жители не так уж неправы. И вы действительно привезли сюда с собой что-то нехорошее, потому что до вашего приезда у нас была тишь да благодать. Проверьте отчёты!

Дьявол, его упёртость ничем не прошибёшь. Я ещё раз подумал о том, что ничего хорошего мне здесь и вправду не светит, вздохнул и сказал:

— Комиссар, я думаю, что мой долг подать рапорт и покинуть округ Доґ'ре.

Теперь я понял, что это решение зрело во мне со дня приезда. Мокрые Псы чужое для меня место. Я никогда не почувствую себя здесь дома.

— Может, не надо рубить сплеча?

— Так будет лучше, вы сами это знаете. Из-за меня отравились домовые, я сразу должен был изъять бутылки с вином на экспертизу.

— Но откуда вы могли знать, сержант?! Глупости.

— Я проявил некомпетентность. Попросите прислать на моё место кого-нибудь более... подходящего к службе в городке, где не бывает преступлений. И если позволите... я не хочу тянуть с этим. Тем более что работы для меня всё равно нет. Если всё, что было, — случайности и настоящего криминала здесь нет.

— Как хотите, гнать не буду, но и силой удерживать не могу.

— Что, уходит? — раздалось из комнатки капрала. — Жаль, хороший был парень, третий за год...

Я рассеянно кивнул и быстро вышел. Сбор вещей много времени не занял. У меня их и было-то на один маленький чемодан. Пожалуй, вполне можно успеть на двухчасовой поезд до Парижска. Когда я вышел на перрон, Эльвира уже стояла там. Да уж, похоже, новости здесь распространяются быстрее молнии архангела...

— Не уезжай.

— Как ты узнала? Опять следила?

— Да, — просто призналась она.

Я не удержался от улыбки, такое у неё было бесхитростное выражение лица. Она улыбнулась в ответ, но тут же снова нахмурилась:

— Зачем?

— Я должен уехать, я больше здесь не останусь.

Мы сели на скамейку. Оба не знали, о чём говорить дальше.

— Поезд через пятнадцать минут, мне ещё надо купить билет в кассе.

— Успеется. Посмотри, вот у меня, например, хвост простонародный, толстый, с проплешинами, и нос не пятачковый. Вот, — она гордо повернулась в профиль, — он аристократический, почти как у тебя. Местный маркиз отметился по всей округе когда-то, и нос мне, видимо, достался от прабабушки. А теперь ты.

— Что — я?

— Расскажи всё. Обещаю, что ни слова не просочится на страницы нашей газеты.

— Почему нет? — Я пожал плечами и расслабился. — Но это очень короткий рассказ.

— Вот и уложишься до поезда.

Я уложился в пять минут. Полицейские умеют говорить коротко, сжато и по существу. Эльвира слушала молча. Когда я закончил, она лишь напряжённо сжала губы. Значит, и она не верила мне ни на йоту. Мне ничего не оставалось, как встать со скамьи.

— Мне пора.

— И что, ты как трус всё бросишь и уедешь? А как же дети, все жители нашего города?

— Комиссар считает всё произошедшее случайностью.

— А как считаешь ты?

— Почему ваш городок так странно называется, Мокрые Псы? — вместо ответа спросил я.

— Это старая легенда. — Она пожала плечами. — Давным-давно здесь в каменоломнях среди других рабов трудился один чёрт. Его называли Мокрый Пёс. За его патологическую трусость. Пятнадцать лет он дробил камни и таскал их в деревянной тележке. И все

пятнадцать лет надсмотрщики измывались над ним больше, чем над остальными. Не знаю уж, что в нём им так не нравилось. Но как бы то ни было, в конце концов он не выдержал, разозлился на своих угнетателей и в нахлынувшем на него бесстрашии разметал всех и освободил рабов. Потом его выбрали правителем города, и, когда он на пятом году правления погиб от случайной чёрной стрелы, из него сделали чучело, которое теперь стоит у нас в музее. Знаешь, а ты на него похож...

Похож на чучело трусливого местного псевдогероя? Отлично, просто отлично. Вот, значит, как она обо мне думает...

— Ну что, ты в кассу?

— Нет, я останусь. Пока не найду виновного. — Я даже не успел опомниться, как она бросилась мне на шею, быстро поцеловала в щёку и, не оборачиваясь, убежала вниз по аллее.

Когда я вернулся в участок, шеф всё так же сидел за своим столом. На моё возвращение он отреагировал задумчивым наклоном старых рогов и сказал:

— Это писал кто-то один и тот же, но разными пастами.

— Вы уверены? — наклонился я.

— У нас матери не носят в сумках ручки с зелёной пастой, вообще, редкая сельская женщина имеет привычку таскать в сумке ручку. А на собрании они обычно расписываются одним пером. Тот, кто писал эту подделку, специально пользовался разными пастами, надеясь нас обмануть, что и почерк разный. К тому же мадам Карякуль и мадемуазель Куркуль никогда не подпишут один и тот же документ. Они старые соседки, люто ненавидят друг друга и пребывают в вечной вражде. Преступник этого не учёл.

— Вы думаете всё же, что мы имеем дело с преступником, а не с обычным клеветником?

— Возможно, друг мой, вполне возможно. Я не дам вам ордера на арест сантехника, но побеседовать с ним стоит. Капрал Флевретти, вы вызвали подозреваемого?

— Обещался быть с минуты на минуту, месье! Я звонил ему, сказал, что у нас в участке прорыв канализации...

— Отлично, не придётся топтаться по улице.

Я удовлетворённо расправил плечи. Но, увы, забегая вперёд, скажу, что допрос сантехника ничего не дал. Он на самом деле заходил на пять минут в детский сад, но не на кухню, а к директору, расписывался в ведомости оплаты за экстренный ремонт трубы в котельной. К тому же во время праздника юбок он вообще отсутствовал в городе. Комиссар развёл руками, никаких улик на честного работягу у нас не было. Остаток дня пришлось посвятить отчётам, писанины у нас хватает.

Вечером, когда я вернулся в гостиницу и уже поднимался по лестнице в свой номер, меня окликнули.

— Месье Браздинский, это вам. — Пожилая нимфа на рецепции протягивала мне письмо.

Удивлённо обернувшись, я взял конверт. На нём было только моё имя, отпечатанное на машинке. У меня засосало под ложечкой в остром предчувствии чего-то нехорошего.

— Кто его принёс?

— Не знаю, просунули под дверь.

С как можно более беспечной улыбкой поблагодарив любезную женщину, я открыл конверт. «Вы слишком далеко зашли, Ирджи Браздинский. Если хотите снова увидеть вашу подружку, приходите в заброшенную шахту сегодня в десять вечера. Само собой, один и без оружия. Если условия не будут соблюдены, пеняйте на себя». Письмо было составлено из букв, вырезанных из газеты. Я сразу узнал готический шрифт «Дьявольских вестей Дог'ре». Ноги сами развернули меня к выходу.

— Что-то важное? — спросила вслед любопытная администраторша.

— Да, тётя оставила мне яхту в наследство. Нужно срочно утвердить на неё права.

Быстрым шагом я направился в полицию. Перекинувшись парой фраз с вечно дежурящим капралом (комиссар уже ушёл домой), я сообщил, что хочу посидеть над

материалами дела, и углубился в бумаги.

В моих отчётах должны быть какие-то зацепки, улики, связующие моменты, мимо которых я прошёл не заметив. А кто-то заметил. И решил нанести упреждающий удар. Этот кто-то знал, что я собираюсь уехать, знал, что я вернулся, знал, что мы общаемся с Эльвирой, он знал обо мне — всё!

И я узнаю о нём всё, сегодня же вечером. Конечно, идти туда одному, никому не сказав, глупо, но кому теперь здесь можно доверять? Ни к комиссару, ни к капралу обращаться я не рискнул, это было слишком опасно, а больше я никого толком узнать не успел. Разве что двинуть напрямую к мэру.

— Вы так себе все глаза протрёте, месье. Сколько можно перечитывать одно и то же? Идите-ка лучше жажните кружечку пива в пабе. Кажись, вам там понравилось вчера, — подмигнул заглянувший ко мне Флевретти.

Проблема маленького городка, ничто ни от кого не скроется.

— А сколько сейчас времени?

— Уже полдевятого.

Я закрыл глаза и ровно минуту просидел неподвижно. Всё. Теперь я знал, кто это. Открыв городской справочник, лежавший на столе, я полистал страницы, нашёл нужный адрес и отправился по нему. На стук открыла жена, милейшая женщина, и сказала, что мужа нет дома, что он ещё не приходил с работы. Это была последняя проверка...

Теперь мне стало окончательно ясно, что в назначенное место пойду один, я не мог рисковать Эльвирой. Хотя, возможно, я совершал ужасную ошибку. Но я привык доверять своей интуиции. А сейчас она говорила мне, что лучше всё-таки идти одному. На улице первый же встречный легко объяснил мне, как добраться до старой шахты за городом. Раньше там добывали камень, теперь всё давно закрыто, месторождение считается заброшенным. Лучшее место для сведения счётов...

Без пятнадцати десять я стоял у входа в шахту.

— Заходи, сержант! Я видел, что ты один, — раздалось откуда-то из темноты.

Я толкнул старую дверь. Земляные стоптанные ступени вели вниз, к брезжущему свету. Туннель вывел меня в довольно обширное рабочее помещение. Горели три шахтёрские лампы, и при их тусклом свете моему взору открылась страшная картина...

Над большим ржавым поддоном с водой, связанная, с кляпом во рту стояла встрёпанная журналистка. Что это за вода, к моему ужасу, сомневаться не приходилось. Один лёгкий пинок под колени, и она рухнет! Конец верёвки уходил во мрак, но я был уверен, что его держал тот, кого я ищу.

— Выходите, месье Сабнак!

В ответ раздался мерзкий хохот, и почтальон вышел на свет. Он двигался извиваясь, как будто был без костей, худосочный до крайности, с презрительной ухмылочкой на губах. В руках он держал пистолет, нервно нацеленный на меня.

— Увидев тебя на празднике, я сразу понял, что от этого сержанта придётся избавиться, вам, городским, нельзя доверять.

— Правильно. Жаль, что я не допросил вас там же, может, вы бы уже сидели в следственном изоляторе.

— Ты бы меня не раскрыл.

— Повар говорил, что никого не видел после утренней газеты, но это значит, что утреннюю газету принёс почтальон. А в лаборатории даже поверхностный осмотр бутылки показал, что печать была вскрыта и тщательно запечатана заново. Домовой вспомнил, что форма продавшего ему вино знакомого выглядит как моя. Как я не подумал сразу о вашей форме, она очень похожа на полицейскую... И цветом, и фасоном, и даже пуговицы такие же серебряные. Получив на почте бутылку со святой водой, вы вскрыли печать, разбавили воду, отлив себе некоторое количество, и запечатали снова. Ведь святая вода не теряет и не меняет своих свойств даже при разбавлении один к девяноста. Без специального спектрального анализа установить факт её разбавления вообще невозможно.

— И почему же ты меня не задержал? — осклабился он.
— Я делаю это сейчас. Вы арестованы, месье Сабнак.
— Ну да, — расхохотался почтальон. — А если я тебя просто застрелю? Все думают, что ты уехал...

— Я вернулся и постарался засветиться во всех местах — в отеле, в участке, даже у вашей жены. К тому же мой отчёт о вашем участии уже лежит на столе у комиссара Жерара.

— Это так, комиссар?

За моей спиной бесшумно спустился шеф. Он тоже наставил на меня пистолет.

— Простите, сержант. Я понимаю, что вы потрясены моим появлением. Но я раньше вас понял, кто за всем этим стоит. Оставалось лишь встретиться и поговорить с нашим дорогим другом. — Он кивнул на ухмыляющегося Сабнака. — И он предложил мне весьма внушительную долю в своём проекте. А наша пенсия по выслуге лет не так велика...

— Мы объявили о том, что дети серьёзно пострадали, хотя все они целёхоньки. Министерство здравоохранения направит на лечение детишек кругленькую сумму! Естественно, я как почтальон должен получить её и направить адресату, а начальник полиции вместе с мэром отчитается в расходе полученных средств. И то и другое, как вы поняли, не доставит нам особой сложности. Так, Жерар?

— Конечно, Гуго. Наш мэр добряк и редко смотрит на то, что подписывает.

— Хочешь ещё что-то сказать перед смертью, сержант?

— Неужели вы всё это затеяли только ради денег? — не поверил я.

— Конечно, ради них! Вы знаете, сколько получает почтальон в этом занюханном городишке?! О, я давно искал возможность заставить кого-нибудь раскошелиться. Мэр сам небогат, бизнеса в городке почти нет, оставалось нажать на министерство. Они любят помогать маленьким детям из провинции. Это повышает их рейтинг в стране. А с вами мы вынуждены попрощаться. Как и с мадемуазель Фурье...

— Нет, Гуго, мы договорились, что он мой! А девушка... забирай её.

Почтальон вновь лающе расхохотался и повернулся к Эльвире. В тот же миг шеф незаметно подмигнул мне, я кивнул и опустился на одно колено, освобождая ему прицел. Грохнул выстрел! Сабнак изумлённо поднял к глазам простреленную кисть собственной руки, пистолет упал наземь.

Я бросился вперёд и, в четыре огромных прыжка встав меж Эльвирой и поддоном, заслонил её от святой воды. Мой начальник, пыхтя, обошёл нас, в два удара свалил скулящего почтальона и защёлкнул на нём наручники. Я тем временем освободил девушку от половины пут и вытащил кляп.

— Ты в порядке?

Она молча закивала, её душили обида и негодование.

— А теперь ещё один выстрел, и я мог бы избавиться сразу от двух свидетелей. Шутка, — улыбнулся нам шеф, помогая мне удержать зарыдавшую Эльвиру.

— Скотина, он заманил меня сюда! Он сказал, что ты меня здесь ждёшь, чтобы сообщить что-то важное. А потом... ударил по голове и...

— Идиоты... у меня бы всё получилось, если бы не... Ты меня предал, Жерар!

— А ты так легко поверил в мою продажность? — Голос комиссара посуровел. — Ты у нас всего-то два года, а я здесь родился, и предки мои, и предки предков. Дурак ты, Сабнак...

Часом позже, посадив перевязанного и ругающегося почтальона под замок, мы все, вместе с капралом Фурфуром, сидели в участке, распивая бутылку креплёного вина, которую шеф достал из шкафа для вещдоков.

— Думаю, что должен объяснить ещё кое-какие неясные детали. Я, конечно, долго не мог поверить, действительно надеялся до последнего, что всё это только ужасная цепь случайностей, ведь мы здесь не привыкли к преступлениям. Но в то же время я не мог не замечать фактов, и это во многом благодаря вашей въедливости, сержант Браздинский. Вы обратили внимание на перчатки, потом на сходство мундиров, а дальше уже пошли мои умозаключения. В отличие от вас, я-то точно знал, что невиновен, и никогда бы не поверил в

виновность Фурфура. Тогда я и начал подозревать Сабнака. Как сотрудник почты он имел возможность вскрыть ёмкость со святой водой, а нужную степень концентрации проверял опытным путём на девушке и домовых. Но прямых доказательств против него не было. Тогда я пошёл с ним на сговор, он мне не сразу, но поверил. Я был ему нужен...

— Но как он смог добавить святую воду в суп в детском саду?

— Легко. Принёс утром почту и незаметно влил в кастрюлю, когда повар вышел за сигаретами. Он просто подкараулил момент, зная привычки Стриги, тот всегда, поставив кастрюлю на плиту и побросав в неё основные ингредиенты, бежит покурить.

— А где вы всё-таки были во время конкурса?

— Китайская пища не всегда полезна для моего желудка, мне было просто неудобно говорить, куда я отходил.

— И кто бы подумал, что комиссар у нас такой деликатный? — рассмеялась Эльвира.

— Но свиное кунг-пао такое вкусное, не говорите мне, что я должен от него отказаться!

— Не будем, — улыбнулась героическая журналистка и обернулась ко мне. Эти её огромные зелёные глаза опять вынимали из меня душу. — Теперь ты не уедешь?

— Нет, мне здесь нравится, — признался я. — И, месье, простите, что пошёл один, ничего не сказав ни вам, ни капралу Флевретти.

— Я не в претензии, — хмыкнул Фурфур. — Всё равно бы не пошёл, люблю сидячую работу. А у вас там вроде стрельба была, драка, заварушка. Нет уж, ничего не имею против, что меня не пригласили, вы уж как-нибудь сами...

— Но ведь и я тоже вам не доверял, сержант. Поэтому и устроил эту маленькую игру. Хотел знать, не струсите ли вы под дулами двух пистолетов сразу? — рассмеялся старый Жерар. — Однако сегодня вы делом доказали право служить в полиции Мокрых Псов. Думаю, мы сработаемся.

— Так точно, месье!

Глава 2

ДЕЛО О ЛАЙНЕРЕ ВАМПИРОВ

Вот уже две недели, как я был переведён из столицы и теперь служу в окружной полиции маленького провинциального городка Мокрые Псы. Первое время хотелось застрелиться от скуки и безысходности, но сейчас начинаю понимать, что здесь не так уж и плохо. Честное слово...

Незагазованный воздух, минимум автомобилей, незатейливые жители, простая еда и в целом всё как-то ближе к природе. Вроде как если бы первые поселения чертей на нашей планете всё ещё сохраняли свою наивную девственность. Недавнюю службу в столице я вспоминал уже как вчерашний сон, и меня уже не тянуло туда так, как вначале. А может, и не тянуло вообще. Что-то во мне изменилось, и новое место работы определённо начинало нравиться. Я даже свои записи стал вести более размеренно, художественно расписывая все детали...

Быть может, виной всему этому чудесная погода, золотая пора ранней осени? Солнце вечно прячется за тучами, светлеет поздно, темнеет рано, притом никакой сырости в воздухе, и дышится легко. Не знаю, как такое получается, наверняка дело в особенностях местного климата. Но ведь не всё определяется только им. Неменьшее значение имело и моё здешнее окружение...

Как упоительно бодрит простодушное невнимание шефа полиции Жерара Базиликуса, всегда вежливо, по несколько раз на день хмурающегося в мою сторону. Кто знает зачем и почему? Спросить прямо — неудобно, он всё-таки мой начальник. Но я сразу собираюсь, вспоминаю, где и чего недоделал, а в результате рабочий день пролетает незаметно, оставляя хороший задел на завтра!

А чего стоят вечно зелёные глаза обаятельной Эльвиры? Это моя самая сокровенная тайна, нам ведь нельзя открыто проявлять чувств, ибо служба... Но, положила руку на сердце,

не из-за неё ли я, собственно, остался здесь, хотя рапорт о переводе в ещё более дальнюю глушь только приветствовался бы нашим руководством. Хороших полицейских всегда не хватает, а уж выпускники столичной академии — вообще на вес золота. Но я остался в Мокрых Псах. И ничуть об этом не жалею!

Мне почти удалось привыкнуть к пристальному вниманию со стороны горожан и нехорошим взглядам, которыми одаривала меня каждая проходящая чертовка. Причём вне зависимости от возраста! В этом городке зачастую дряхлые бабульки с некупированными хвостами давали фору молодым. Не могу сказать, что это совсем меня не радовало.

— Мама-мама, а этот... этот подлинейский... он бил нас в садике! — радостно кричал мне вслед какой-нибудь малыш, от эмоций глотая слова, и его мама награждала меня злобной улыбкой и грозила кулаком. А на лбу было крупными буквами написано, что муж в командировке, ребёнка она уложит пораньше и свободна на всё что заблагорассудится. Приятно? Конечно, приятно!

И кстати, капрал Флевретти этим беззастенчиво пользуется. Я — нет, у меня было строгое воспитание, папа, капитан полиции, неустанно бдил за сыном, а мама, заставляя меня читать книги, между тем строго следила за подбором литературы. То есть о существовании таких развращающих книг, как «Люди — миф или фигня?», «Загляни бабушке под...» и печально знаменитой «У моего Билли есть ещё большая хреновина!», я узнал лишь от товарищей по полицейской академии. И до сих пор благодарен за это родителям...

После раскрытия дела о маньяке святой воды, как мы окрестили его в отчёте, ко мне, конечно, начали относиться получше, но само понятие «получше» у нас, чертей, тоже весьма своеобразно. И иногда его легко перепутать с «похуже». Одобрение может выражаться и тычком в бок, которым, злорадно улыбаясь, вас награждает случайный прохожий, и подножкой, и тысячей других мелких пакостей, которые могут навредить здоровью, а при невезении и жизни, но суть парадокса, что всё это на самом деле знаки искреннего дружеского расположения!

Я по-прежнему жил в гостинице «Рога под нимбом», но теперь муниципалитет снял мне более дорогой номер с небольшой комнатой отдыха, где стоял письменный стол, кресло и даже был проведён бесплатный Интернет. Совершенно необходимая вещь для каждого полицейского детектива, ибо художественное писание отчётов, по-моему, занимает неменьшую часть нашего времени, чем само расследование.

Целую неделю после того, как мы арестовали злодейского маньяка-почтальона, я был завален этой нудной бумажной рутинной. Кто не представляет себе, что это такое, лучше и не представлять вообще. Задержать преступника — только полдела, куда сложнее подготовить на него всю отчётность, доказательную базу, кучу бумаг, подтверждений, экспертиз, улик и результатов анализов. Иногда просто зашиваешься, а когда наконец свалишь всю бумажную гору с плеч, наступает рутина и скука...

И вот в последние два дня от безделья на меня навалилась такая дикая тоска, что я наконец решился сам позвонить Эльвире, от которой давненько не было вестей, и пригласить её на кофе с драконьим молоком.¹ Разумеется, она меня предупреждала, что всю неделю пашет в редакции без продыху, все газеты округа и даже столицы требовали от неё интервью как невинной жертвы и прямой участницы ужасных событий. Но всё равно я на каком-то этапе думал, что интересен ей не только как объект журналистского расследования, но и что у неё ко мне нечто большее... даже личное...

Нет? Уже и не знаю. К сожалению, женщины не поддаются логике штатного полицейского детектива. Но если честно, то я надеялся, что, возможно, она сама мне позвонит. В смысле позвонит первой! Это свидетельствовало бы о том, что она действительно ко мне равнодушна.

¹ Конечно, это всего лишь название молока, к тому же не настоящего, а растительного происхождения.

Но дни летели за днями, сотовый телефон мрачно молчал, и наступить на горло собственной гордости я решился довольно быстро...

— Э-э, недобрый день! Я вот решил...

— Привет, герой!

У меня почти пропало дыхание от радости слышать её мелодичный голос, мягкий, завораживающий, с чуть заметной интимной хрипотцой. И она, похоже, тоже была рада моему звонку. Но на предложение о встрече с сожалением ответила, что сегодня никак, она обещала после работы помочь маме отмыться трёх младших братьев.

— Ты же знаешь, как чертенята любят валяться в мазутных лужах. Так что, увы, но это на весь вечер.

— Тогда, может, завтра? — с надеждой спросил я.

— Завтра я должна подготовить всё к сдаче нового выпуска, из-за отъезда больше некогда будет это сделать. Обещала шефу, что успею, хоть кровь из носа.

— Какого отъезда? — не понял я.

— А я тебе не говорила? О, извини. Я еду освещать конференцию вампиров и упырей по вопросам искусственного питания. Да, понимаю, жуткая мутотень, но кто-то же должен...

— Нет-нет, что ты, это очень даже интересно, — торопливо возразил я. — Так они уже научились чем-то заменять крысиную кровь? Мне приходилось что-то об этом читать...

— Да, растительный аналог создан давным-давно, но споры до сих пор не утихают. Традиционалисты не соглашаются пить кровь из сои. Многие кричат, что для их организма она совершенно не годится и, более того, ведёт к преждевременному старению.

— Точно, — припомнил я. — У вампиров какой-то пункт насчёт этой вечной молодости...

— Именно, хотя сейчас всё больше подтверждений, что большинство вампиров, которые особенно возмущались, на самом деле прекрасно её усваивают и насыщаются субпродуктом. Просто никто не хочет полностью переходить на сою, ведь главный кайф они испытывают не столько от вкуса крови, сколько от способа её добычи — убийства живой плоти!

— Да уж, от убийства соевых бобов столько удовольствия не получишь, — согласился я.

Эльвира неодобрительно пощёлкала языком. Знаю, она не приветствовала убийство крыс, кровью которых традиционно питаются наши вампиры, потому что выросла на крысоферме и заботилась о питомцах как о близких родственниках. Хотя любимым блюдом у неё до сих пор оставалось жаркое из крыс-двухлеток. Разговор постепенно перешёл на другие темы, и, поболтав ещё минут пятнадцать, мы ровно попрощались, традиционно желая друг другу покойной ночи. В смысле сна, крепкого, как у покойника...

Вот, собственно, и вся любовь. Я ведь говорил, что нам, полицейским, не стоит так уж открыто проявлять чувства. Как только девушка понимает, что интересна тебе, то либо убегает, либо садится на шею. Получается, что мне ещё стоило бы быть благодарным милой чертовке за столь деликатный отказ от кофе с молоком и всей романтикой.

Спал плохо. Ворочался и думал, что я ей скажу, если мы хоть когда-нибудь встретимся. Мысли были дурацкими, а все слова банальными, я тупо влюбился и не знал, что с этим делать...

Однако всё оказалось куда сложнее и наша встреча произошла гораздо быстрее, чем мне представлялось. Ибо на следующее же утро, когда я сумрачно припёрся на работу, только шагнув на порог, уже услышал её смешливый голосок:

— Ха-ха, да он ни за что не поедет! Мой шеф не сидит на диете и не занимается спортом, он такой толстый и неповоротливый, не то что вы...

Я ещё из коридора отметил, как Базиликус смущённо краснеет, сияя адским огнём во всё лицо. Эльвира, закинув ногу на ногу, сидела напротив, поясняя суть дела. Одета очень нарядно, в красном кружевном корсете и обтягивающих бархатных брюках чуть более тёмного оттенка, местная журналистка выглядела просто восхитительно. Мой начальник

проиграл сражение ещё до того, как она начала говорить, — у него просто не было шансов...

— Проблема в том, что со мной должен был ехать фотограф, но у него вьетнамская свинка. — Чертовка опустила бровки, сделав жалобное личико. — А скромной девушке, одной, без охраны и поддержки на целом лайнере вампиров, ни за что не справиться. Мне не простят провала задания! Ума не приложу, что делать, что делать...

— Кажется, я знаю, как вам помочь, — отважно прокашлялся комиссар Жерар. — С вами поедет мой лучший сотрудник, а вот, кстати, и он! Бразинский, вы отправитесь на закрытую конференцию, чтобы помогать прессе в лице нашей очаровательной мадемуазель Фурье.

— Вы уверены, шеф, что я в эти дни не понадоблюсь вам здесь? — для вида засомневался я, в душе не веря своему счастью.

— Конечно, поезжайте, когда ещё с нашей зарплатой у вас выпадет возможность попасть в такой круиз. Уж не в этой жизни точно. — Шеф раскатисто рассмеялся, так что его мундир натянулся ещё больше, едва не лопааясь и обнажая несвежую рубашку.

Комиссар Базиликус вроде бы постоянно сидел на диете, но, как говорили, срываясь, примерно раз в месяц уходил в такой чревоугоднический загул, что за три дня возвращал весь тот один килограмм, что ему путём невероятных усилий удавалось сбросить за четыре недели.

— О, вы так добры, месье Жерар, я с удовольствием приму помощь пана Бразинского, — молитвенно скрестив руки на груди, простонала Эльвира. — Разумеется, все расходы наша газета возьмёт на себя. И... с меня сувенирчик!

Прощаясь, она улыбнулась мне уголком губ, бросив хитрый взгляд сквозь скромно полуопущенные ресницы.

— Помощь прессе — наш гражданский долг! Не беспокойтесь, мы с капралом Флевретти как-нибудь управимся без одного бесценного сотрудника, — хмыкнул ей вслед комиссар, видимо по-своему расценив моё смущение. Я же стоял столбом, не рискуя спугнуть удачу.

— Да, месье, вы абсолютно опять правы, — не совсем впопад поддакнул Флевретти, потягиваясь на стуле и делая очередной глоток своего неизменного томатного сока с перцем.

Он у нас в отличие от шефа, подсаживающегося то на китайскую, то на урагвайскую еду, кажется, и питался только соком, а потому в плане фигуры был полной противоположностью главе отдела полиции. Тощий, как вампир после тысячилетней спячки, ленивый до разгильдяйства, любвеобильный до икоты и бескорыстный как никто, капрал обрекал себя на вечное прозябание без всякого служебного роста, но ни на миг и не сожалел об этом. Поверьте, такое бывает!

Ему хватало скромного жалованья, уставной полицейской формы и обширного дамского внимания, в котором он просто купался. Кстати, вампирская кровь у него и правда имелаась или, вернее сказать, тенденция к вампиризму. Его прабабушка укусила его прадедушку в первую же брачную ночь, чтобы продемонстрировать наутро кровавые простыни. Тогда ещё была такая смешная традиция. За простыню без крови наутро легко мог последовать развод...

Сколько сил мне стоило спокойно отработать этот день — кто бы знал! В голове то и дело всплывал образ прекрасной журналистки и её чарующий голосок: «Я с удовольствием приму помощь пана Бразинского!» О-о, это звучало просто волшебной музыкой...

На следующее утро в назначенный час я был на вокзале. Когда выходил из гостиницы, ещё не вполне рассвело и на душе пело возвышенное предвкушение чуда! Моя грудь вдыхала свежий запах пробуждающейся природы, и даже вороны на мёртвых вязах в аллее, сутки напролёт изрыгавшие проклятия, на время умолкли, устало задремав на своих ветках. И сейчас на перроне, в ожидании Эльвиры, на меня снизошло упоительное счастье от трогательнейшего единения со всем этим миром, таким мрачным, злым и одновременно таким чистым и восхитительно беззащитным в это дивное время суток...

Журналистка пришла на перрон в своём чёрном плаще, в котором я впервые увидел её,

но в красном платке на голове и туфлях на высоченных каблуках она выглядела настоящей леди, сошедшей с обложки журнала «Chertopoliten».

— Ты чертовски сногшибательна, — сказал я, приветственно пожав её пальцы и беря её чемодан.

Она опустила голову, попытавшись скрыть радостную улыбку.

— А ты не заметил кое-чего?

— Ты покрасила волосы? Сменила причёску? Новая губная помада? Опять нет...

— Я думала, заметишь ещё в участке, — чуть виновато поморщилась она. — Я купировала хвост.

— Что?!

— Ну да, а чего такого? Ты был прав, это ненужный атавизм. Сам же говорил, что в столице так больше не носят...

Я не сразу ей поверил. Но получается, она сделала это ради меня? Чтобы быть такой же, как я, и стать мне ближе?! Но это же больно...

— Так вот почему мы не могли встретиться раньше. — Я тихо взял её за руку. Она благодарно потёрлась лбом о моё плечо.

Мы молча дождались нашу электричку, чтобы к ночи уже быть в морском порту, из которого и уходил наш лайнер. Я не знаю, почему молчала она, у меня же просто не находились умные слова для начала разговора, а сыпать банальностями или благодарностями казалось и глупым, и пошлым...

Разместившись по полкам, мы бросили вещи, попросили проводника запереть купе и сразу прошли в вагон-ресторан, где заказали завтрак.

— А расскажи мне о своей службе в столице? — первой начала она. — Я никогда не была там...

— Ну-у... ничего особенно интересного, — начал было я, но, видя её поскучевшие глазки, тут же поправился: — Хотя, если вспомнить пару занятных дел о краже в магазине женского белья «Zara-a-a»... Меня тогда второй раз ранили в перестрелке, шайтан-террорист засел за рядами лифчиков и...

За разговорами день пролетел так быстро, что мы почти не замечали ужасных красот за окном — древних разваленных замков по берегам мутной чёрной реки, кладбищ, где жили деревенские баньши и гарпии, склепов всех архитектурных стилей и даже печально известного на всю страну Умертвийного болота, прославившегося своими знаменитыми плясками безумных призраков удовов-однолюбов. Ходили слухи, что учёные, изучавшие их поведение, сошли с ума.

Нам было просто не до них, тема стрельбы сквозь кружевное бельё и задержания преступника, повязанного элитными чёрными колготками с люрексом без шва, так захватила мою собеседницу, что я впервые почувствовал себя в шкуре капрала Флевретти...

Мы говорили и говорили об одном, о другом, о третьем и вообще обо всём на свете, так что даже не заметили, как прибыли на место. Я с трудом скрыл разочарование, но вовремя вспомнил, что у нас ещё почти неделя, а точнее, пять дней на морском лайнере вместе. То есть уж наговориться успеем точно. Я опустил окно в купе и жадно вдохнул ноздрями свежий морской воздух...

До причала мы доехали на туристском трамвайчике. Время позволяло, и мы этим воспользовались, чтобы немного посмотреть портовый город. Мы выехали на расцвеченную огнями главную улицу со множеством сувенирных палаток, киосчков и магазинчиков, которые работали круглые сутки. Посмотрели в окошко на дельфинариум с программой плавающих в огне вулканических дельфинов, парк аттракционов ужасов с иконами самых известных человеческих святых и экстремальным аттракционом «Русские горки» без санок...

А вышли у знаменитой дьявольской аллеи с самой большой и старой пальмой, которая по легенде была посажена самим Люцифером в пору, когда он увлекался парковым садоводством. Сразу за ней был выход к докам, где рядом с сухогрузами стояли танкеры,

работали подъёмные краны, сновали рабочие-домовые в шипастых касках, а уже оттуда рукой подать до пристаней. На отдельно отгороженных причалах теснились слепящие своей белизной дорогие яхты, скутеры и катера...

— Вон он, наш «Падший ангел», правда красивый?

Я даже не сразу увидел так называемый лайнер, освещаемый прожекторами, он стоял у последнего причала, рядом с несколькими прогулочными моторками, мимо сновали грузчики с багажными тележками, торговки увядшими цветами, газированной серной водой и всякой сувенирной мелочью, покупаемой пассажирами в последний момент.

— Но это же обычный трёхпалубный речной теплоход? — неуверенно обернулся я.

— Ну да, — безмятежно откликнулась Эльвира. — На аренду настоящего океанского лайнера у вампирской ассоциации никогда денег не хватало. Они же все скупердья как не знаю кто. Зато понтов выше бушприта! Поэтому едем на этом скромном теплоходике, который по всем отчётным документам ассоциации будет указан как лайнер. А тебе не всё равно?

— Да, в общем, не знаю, — замялся я.

— Поверь, — Эльвира доверительно взяла меня под руку, — на настоящий лайнер старина Жерар ни за что бы тебя не отпустил, не такой уж он и наивный. Плюнул бы на гордость и поехал бы со мной сам. А на этих скромных пароходиках его укачивает...

Я подумал, что как эту посудину ни называй, однако выходить в открытое море на речном теплоходе — это чистой воды безумие. Но раз Эльвира была так твердокаменно-спокойна, то показываться перед ней трусом и даже просто чересчур осторожным занудой мне не хотелось. Поэтому я промолчал, решив тайно спросить о предпринятых мерах безопасности у капитана, когда её не будет рядом.

Увидев, что она загляделась на чёрные розы в последней стадии увядания, я взял ей букет, украшенный траурным крепом.

— Как ты узнал, что это мои любимые? И пахнут гниением и тленом... — Она прижала их к груди и чмокнула меня в щёку.

— Жаль, ещё не окончательно высохли.

— Ничего, умрут у меня в каюте... Это было очень мило, спасибо, Ирджи!

Не забывая о своих обязанностях фотографа, я сделал несколько снимков суеты у причала и поснимал «лайнер». Потом крупным планом первых пассажиров — молодого вампира и девушку из вегетарианцев, пьющих только искусственную кровь. Таких сейчас немало, они стояли на второй палубе и о чём-то спорили, вернее, что-то доказывала девушка. Но, судя по отчаянию и слезам в глазах, видимо, не в первый раз и уже не очень надеясь на успех, а вампир с усталым и горестным видом тупо смотрел прямо перед собой на сонный город.

На причале среди пассажиров других кораблей, провожающих и тех, кто просто прогуливался по набережной, можно было высмотреть и остальных участников предстоящей конференции. По качающемуся трапу поднималась делегация мурмынских вампиров-традиционалистов, одетых в строгие костюмы а-ля граф Дракула. Они держались с заносчивым достоинством мелких князей, в которых с кровью предков (и тщательно отобранных жертв) из века в век передавались псевдотрансильванский прононс и изысканные манеры. Хотя, по идее, они были действительно древнего происхождения, но времена меняются, и дедушкины кружевные манишки в сочетании с красными кушаками на толстых пузьях выглядели до театральности наигранно...

Яркий контраст с ними составляли бритоголовые цыганские вампиры-нувориши, в атласных рубашках, мини-юбках с оборками и майках дорогих лейблов на голое, татуированное тело. Сплошь босые, шумные, блестящие вставными золотыми клыками, бренчащие кольцами-браслетами, ожерельями из ворованных монет и наигрывающие сами себе что-то заунывное на расстроенных гитарах в стиле «тимамотина». Хорошо хоть без вечно чумазных детишек, дёргающих прохожих за куртку и требующих не жадничать, а то хуже будет...

За ними выстроились краснолицые небритые виндусы-ракшасы с постоянно открытыми рта́ми, из которых вываливались огромные клыки и капала слюна. Когда они радостно здоровались с зеленокожими обоснийскими вампирами, те невольно отдёргивали волосатые пальцы, выражая неодобрение такой фамильярности шевелением длинных чёрных усов и косматых бровей. Не потому что такие уж брезгливые, просто слюна у виндусов ядовитая...

Скромно выглядящие славяне-упыри, в длинных посконных рубахах, в простонародных лаптях, с добрыми голубыми глазами, длинноволосые и бородатые, стояли отдельно, никого не трогая и ни к кому не приста́вая. Наверное, они и кровь пьют так же застенчиво, с достоинством, без позёрства...

Впрочем, мои земляки из Полякии пестрели яркими кунтушами, блистали улыбками и гордо задирали подбородки, показывая всем, кто тут самый-самый-самый. Даже если клыки короче, сапоги дырявые, усы висят, кровяную колбасу на экспорт никто не покупает, а сама популяция мала до смехотворности — гонор превыше всего!

Таким образом, все вампиры старались нарядиться в свои традиционные национальные костюмы. Но это исключительно для данной конференции, в повседневное время они одеваются как обычные законопослушные граждане, никак себя не выпячивая...

Ох, если б я только знал, что нас ждёт в этом на первый взгляд таком мирном круизе, то взял хотя бы табельное оружие. Но продолжу по порядку, как положено в отчётах...

— Идём?

— Да. — Я кивнул окликнувшей меня Эльвире, подхватил её чемодан, перекинув свою дорожную сумку на плечо, и шагнул вслед за ней на трап.

Наверху гостей встречал капитан, высокий статный чёрт в парадной форме с рублеными чертами обветренного лица, ободряющей улыбкой и рогами в полосочку.

— Добро пожаловать на борт «Падшего ангела», мадемуазель... — Он проверил протянутые билеты. — О, мадемуазель Фурье, и месье... Браздинский. Прошу вас! Стюард вас проводит. Жак, возьми багаж у месье.

Ушлый чертёнок в матроске и широченных клёшах выхватил у меня чемодан и быстрее ветра помчался по палубе. Эльвира прыснула в кулак, показывая на него глазами. Шустрый паренёк тем временем уже спустился на нижнюю палубу и добежал по коридору до нашей каюты, открыв её ключом.

— Прошу, мадемуазель и месье! — Он распахнул дверь и внёс багаж. — Ваша каюта. А здесь, — толкнул дверь в маленьком холле, — ваша ванная с серой, огненный душ, если перестанет работать, просто дёрните за шнур посильней, туалет, все удобства. Если что-то понадобится — дайте знать. Кхе-кхе...

Я сунул ему немного чаевых, и он, довольный, выпорхнул из каюты с ещё большим ускорением, чем влетел в неё. Мне даже на секунду показалось, что он создал маленький вихрь, от которого зашевелились занавески на открытых иллюминаторах и самопроизвольно захлопнулась дверь.

— Милый мальчик. Такой активный и услужливый, — уже в открытую рассмеялась Эльвира. — А здесь неплохо, старенько, грязненько, прямо как дома.

— Мы будем жить в одной каюте?

— Ну, кровати-то тут отдельные, — покраснев и опустив голову, заметила она. — Это же двухместный номер. У нашего руководства не так много денег, чтобы брать для сотрудников отдельные номера. Они всегда так заказывают.

— И ты всегда живёшь в одном номере с фотографом? — невольно заинтересовался я.

— Это всего лишь работа, ничего личного!

— Знаешь, я всё-таки пойду выясню насчёт отдельного или в крайнем случае подселюсь к какому-нибудь вампиру.

— Ты будешь спать в одной комнате с вампиром? — картинно изображая обморок, ахнула Эльвира. — Да ты знаешь, что он с тобой сделает? Обмажет тебя зубной пастой во сне! А ко мне поделят какую-нибудь старую упыриху-астматичку с лысеющим злобным

пуделем. Она будет кашлять всю ночь, а он храпеть. Ты этого хочешь?!

— Мгм... этого я и врагу не пожелаю, — неохотно буркнул я. — Ты права, с вампирами лучше не селиться, а свободных кают у них просто может не оказаться, если на лайнере вместимостью в двести пассажиров только на конференцию, как ты мне говорила, заявлено двести три участника.

— Ну вот. Было о чём спорить!

— Хорошо-хорошо, как скажешь. Если ты точно уверена, что я тебя не стесню...

В ответ она лишь вздохнула и закатила глаза.

Вообще-то, честно говоря, каюта мне тоже понравилась. Старинная мебель, небольшие иллюминаторы, стены обшиты чёрным деревом, искусственно декорированным под вид «после страшного пожара». Взгляд сразу останавливался на большом пологие из паутины над обеими кроватями, тонкая работа, труд сотен пауков, и как только такая ажурная вещь выдерживает морскую качку? А в центре потолка горела лампа с типовым плафоном в виде распластанной летучей мыши. Действительно, как дома, в детстве у меня в комнате была такая же...

Мы решили не задерживаться в каюте, а сразу пойти осматривать корабль.

— Думаю, мне стоит подождать тебя на палубе, — сказал я, выходя первым, чтобы дать Эльвире возможность привести себя в порядок. Женщины всегда тратят на такие вещи втрое больше времени, чем мы, мужчины, поэтому вечно опаздывают. К этому нельзя привыкнуть, но можно подходить философски...

Поднявшись на среднюю палубу, я оперся о перила и стал смотреть, как капитан встречает новых гостей. Он как раз объяснял что-то на пальцах двум пожилым вампирам в длинных лапсердаках и чёрных шляпах, судя по носам и пейсам, изрятьятам. А за ними стояли ещё трое кровососов, но уже в обычных современных строгих костюмах лишь слегка готического покроя. Эти явно наши, из Парижска, я таких пару раз арестовывал за появление на улице днём в нетрезвом виде и неподобающей одежде. Вообще-то, скорее, совсем без неё...

— Да уж, кажется, мы... Здесь собрались вампиры разного пошиба и... — произнёс рядом кто-то неприятным тонким дребезжащим голосом. Причём в свежести морского воздуха явственно ощутился аромат дешёвого алкоголя...

— Простите, вы мне? — Я обернулся и увидел тщедушного пожилого чёрта в потрёпанном костюме, со злым колючим взглядом, характерно красным носом и морщинистыми руками с длинными крючковатыми пальцами. Типичный алкоголик, и как только его пропустили на корабль?!

— А вам, юноша, видимо, такие сборища по...

Пренебрежительный тон и манера говорить тоже не вызвали мгновенного расположения к незнакомцу.

— Доктор Хам Хмельсинг, к вашим... — Он протянул мне влажно блеснувшую ладонь.

— Ирджи Бразинский. — Я колебался и не стал добавлять «приятно познакомиться», что-то отталкивающее промелькнуло в его лице и почувствовалось в липком рукопожатии.

— Вы эмигрант, как и...? У вас славянская морда и черты лица так...

Меня резко поразила эта пьяная наглость: когда всё время ходишь в полицейской форме, невольно привыкаешь к гораздо более вежливому обращению. А сейчас я в штатском, и вот пожалуйста...

— Нет, я не эмигрант. Но, собственно, какое вам дело до моего лица?

— Хм... А я был почти уверен, что...

— Вы меня извините. — Мой подчёркнуто-холодный тон намеренно противоречил словам. — Мне надо идти.

— Вы журналист или...? На этом полном вампиров корабле только журналист может быть столь беспечен, но... Просто я не люблю... Этим и вызвано, признаюсь, моё несколько неуважительное к вам...

— Вы пьяны или издеваетесь? — не выдержал я.

— О нет, не пьян, что... Простите меня, если я вас задел, молодой... Но ещё никто не упрекал меня в подстрекательстве к... — ележно откликнулся пассажир, не давая мне возможности окончательно утвердиться в праве заехать ему по уху.

Вряд ли, конечно, я бы стал это делать, мне бы не позволили честь мундира и уважение к старости. Хотя в данном конкретном случае стоило бы! Есть такие милые типажи, которые испортят вам всю кровь, наплюют в душу, обвинят во всех грехах и уйдут не извинившись, с чувством исполненного долга.

По счастью, в этот момент к нам на палубу поднялась Эльвира, в вечернем платье цвета чёрной морской волны, накинутом на плечи прозрачном палантине и туфлях-лодочках на шпильках в тон губной помаде. Я обернулся, дабы сразу увести её отсюда, но не успел...

— О, профессор Хам Хмельсинг! — неожиданно радостно кинулась она к старичку.

— Моя худшая... — На его лице отобразилось подобие язвительного удовольствия. — Вы были такая... мхм...

— Такая что? — с угрозой уточнил я, забыв, что переспрашивать что-то у него бесполезно.

— Такая вся...

— Да, это я освещаю конференцию для «Городского сплетника». А вы-то что здесь забыли, старый маразматик? — Эльвира нежно приобняла его за костистые плечи.

— Я, милочка, здесь просто по совету моего... Морской воздух полезен для моих...

— Понимаю, вы опять на охоте? — Она заговорщически посмотрела ему в глаза и сжала кулачки.

Профессор вытер старческую слезу и попытался ущипнуть её за попу.

— Эй! — Я рефлекторно схватил его за руку.

Моя спутница с возмущением округлила глаза, но в этом возмущении явно читалась симпатия к нетрезвому извращенцу.

— Простите, рука сорвалась, милочка, и... Ну отпустите же, вы, грязный...

Эльвира выразительно кивнула мне, и я выпустил его из захвата.

— Держитесь от неё подальше!

Старичок потёр пострадавший локоть, кинул на меня злобный взгляд и быстро захромал прочь.

— Он был твоим преподавателем? — поражённо спросил я. — С такой чудесной особенностью, не сказать дефектом, речи?!

— Это никому не мешало. Мы всё равно его не слушали, — беспечно откликнулась она, грациозно опираясь на перила.

— А что он у вас вёл? Ну, в перерывах между запоями...

— Читал лекции по психологии бытового вампиризма. Говорят, в молодости он был известным охотником, буквально одержимым борьбой с вампирами, пока они его не покусали пьяного в тёмном переулке за пабом. С тех пор он изучал вампиров только с научной точки зрения, даже купил по ним докторскую и выбрал мученическую стезю преподавателя пединститута, где я училась.

— Но он сказал мне, что не любит журналистов, и даже, приняв меня за твоего коллегу, повёл себя просто как свинья. Выходит, он ненавидел всех своих студентов?

— Конечно, за что мы его и сами ненавидели всем сердцем, — улыбнулась Эльвира, с любовью оглядываясь на скрывающегося из виду старика и беря меня под руку. Я на мгновение замер, это было приятно. Она впервые взяла меня так под руку, прижавшись к ней грудью.

Но я не смог сразу выкинуть из головы этого седого Хама Хмельсинга. Что-то в нём настораживало, хотя, возможно, причиной тому была только моя профессиональная подозрительность.

— Он что-то недоговаривает... — Я всё-таки не удержался, чтобы не заметить это вслух.

— Он всё время недоговаривает, — рассмеялась Эльвира. — С тех пор как его покусали. Слишком большой стресс, охотники жутко не любят, когда их дичь кусается...

Мы прошли по средней палубе от носа до кормы, пока я восстанавливал нервы. Всё-таки её учителю удалось меня задеть, последний раз в славянской внешности меня упрекали однокурсники по академии, но там всё решали кулаки, и я быстро завоевал должное уважение. Надо быть проще, вспомнить, зачем я здесь, забыть о службе и переквалифицироваться в газетного фотографа. И я вновь занялся снимками...

Эльвира же присоединилась к группе вампиров, собравшихся у доски объявлений. На плакате с крупной надписью «Ежегодная конференция по вопросам искусственного питания и нетрадиционной косметики» висел план мероприятий. Итак, уже сегодняшней ночью нас ожидало:

- 1) Торжественное открытие.
- 2) Дегустация красных вин.
- 3) Ужин а-ля фуршет.
- 4) Шельмование изменников.
- 5) Концерт самодеятельности.

— Каждый год этот дурацкий концерт Эдика Калинкина, — угрюмо прошипел и оскалил клыки остроносый вампир, судя по рисунку вышивки на рубахе, из Маадьярии.

— Разрази меня гром, да этот эмигрант из Ухрюпинска дьявольски далеко пошёл, — сказал вампир с огненной шевелюрой и в скоттландском килте в красно-зелёную клетку.

— За такое, с позволения сказать, пение его часто посылают... Но он всегда возвращается! Опять будет нудеть под рояль свои печальные арии о бедном пастушке-вампире, который хотел укусить одну юную овечку, но всё никак не решался, — эстетствующе добавил мурмынец-традиционалист, и все сочувственно закивали.

В этот момент прозвучал трагический пароходный гудок, и мы медленно, под разноголосый хор вампиров со всех палуб, наконец-то отчалили. Меня вдруг замутило, надеюсь, это реакция на тоскливый вурдалачий вой (недаром в былые времена им пытали на допросах самых злостных преступников), а не морская болезнь. Правда, в море я ещё ни разу не был, но вроде бы вестибулярный аппарат у меня в норме, на каруселях никогда не тошнило, даже на небезызвестной «Дороге в ад на тележке шахтёра» не укачало, а там, вы знаете, такие виражи, что буквально видишь перед носом свои же пятки!

До начала торжественного открытия у нас было больше часа, и мы успели всласть прогуляться по всему пароходнику, посмотреть читальный и танцевальный залы, заглянуть на камбуз, в музыкальный салон, конференц-зал, пройти по шлюпочной палубе и, сев там на одну из скамеек, полюбоваться на огни удаляющегося берега. Ощущение качки значительно притупилось. Мы молчали, очарованные моментом, а наш кораблик мирно покачивался на тихих волнах, утверждая в душе покой и безмятежность...

А в результате неожиданно засиделись и немного опоздали к самому началу открытия конференции. Когда мы вошли в зал, где проходило это мероприятие, какой-то толстый маадьярский вампир, в чёрном готическом фраке и с золотой звездой на груди, уже зачитывал доклад перед разноразной вампирской публикой. Эльвире, как зарегистрированному представителю прессы, разумеется, освободили место в первом ряду, а мне пришлось жаться у стены, старательно щёлкая фотоаппаратом.

Кажется, здесь собрались вампиры всех видов. Правда, они предпочитают, чтобы их называли нациями (мурмынские вампиры, российские упыри, харвадские вурдалаки), слово «вид» опускает их к животным. Тогда как они, по уверениям их же учёных умов и историков, в большинстве своём являют пример самых высокоразвитых и цивилизованных существ в нашем мире!

Такое высокомерие, конечно, мало кому может понравиться. Поэтому остальная часть мира дружно считает их выскочками и снобами. Даже тихие рабочие домовые называют их «наши благородные господа-кормильцы» исключительно в ироническом смысле. Действительно, все вампиры непонятно с чего мнят себя аристократами, хотя в большинстве

своём имеют самое пролетарское происхождение...

Итак, судя по костюмам, здесь собрались виндусы, цыгане, израильтяне, маадьяры, румалы, поляки, россы, а ещё выбритты, парижсцы и, кажется, высокогорные скотты, если судить по изгвазданным в сырой могильной земле килтам, в которых они щеголяли.

Первый оратор, доктор Пияв из Поркса, выступавший с открывающим конференцию докладом, отстаивал новые технологии в вампирском пищевом, доказывая, что это повысит популярность вампиров и даст им возможность сыграть большую роль в жизни общества.

— Искусственный заменитель крови — это будущее вампирской цивилизации! — уверенно вещал он, и журналисты торопливо записывали основные тезисы.

— Вампиры по своей сути противники всего растительного. Наш организм естественно отторгает растительную косметику, равно как и кровь на растительной основе, — услышал я раздражённый шёпот рядом со мной. Это был трансильванский вампир с беджиком представителя общества «За вечные ценности».

— Не у всех, о брат мой скептический, — с милой улыбкой возразил доктор Пияв. Чуткий вампирский слух иногда мешает вампиру сохранить диалог с приятелем в тайне от других вампиров, его слова слышат сразу все его соплеменники в радиусе километра. А обладающие особыми способностями ещё и дальше, эти бедолаги даже днём не могут спокойно заснуть в своём гробу в специальном подземном бункере из-за вечной болтовни соседей — вампиры любят потрепаться...

— Моя семья вот уже пятьдесят лет прекрасно обходится лишь томатным соком. И только по праздникам мы позволяем себе чуточку мягкости, — продолжал доктор Пияв елейным тоном святого проповедника. — И, как видите, я бодр, свеж, занимаюсь серьёзной научной деятельностью и ничуть не страдаю по крови невинно убиенных крыс...

По залу прокатился громкий страдальческий вздох, как я потом узнал, большинство уже устало от желания доктора Пиява привить всем подряд тот образ жизни, который вела его семья, своим навязчивым примером он заставлял обычных вампиров чувствовать себя кровавыми мясниками и злобными пережитками общества. А кому приятно такое о себе слышать?

Следующим взял слово некий Полидори, оказавшийся представителем какой-то мощной косметической фирмы. Он объявил, что в рамках главной цели ассоциации «Вампиры нового поколения» в его фирме разработали солнечную косметику с эффектом постепенного приучения вампира к солярию как к закаляющей и повышающей иммунитет процедуре.

Дальше шла получасовая демонстрация продукции с подробным описанием свойств кремов и бальзамов, омолаживающих организм, на основе 0,0002 % раствора серебра, ботекса внутривенно, и увлажняющего молочка для тела с «ароматом свежеспущенной крови четвёртой группы, резус положительный». Вопреки устоявшемуся заблуждению, вампиры всё-таки изрядно стареют, а в поисках вечной молодости и серебром не побрезгают...

Затем и он уступил место новому оратору, который заинтересовал меня настолько, что я даже забыл о своих обязанностях фотографа. Дело в том, что он не был вампиром. Даже больше — он был противником всех кровососущих. Невысокий смуглый мужчина, в костюме-тройке, с гладко выбритой головой, горделивым профилем и скальповой прядью, спускающейся к левому уху. Плюс два орлиных пера и боевая раскраска.

Заметив мой изумлённый взгляд, он дружелюбно улыбнулся и кивнул, представившись:

— Чунгачмунк Большущий Змей из племени Черепах. Последний индеец славного племени теловаров из Северной Примерики, окончил Гавгард, экономист, свободно владею шестью языками. На вашу конференцию приглашён согласно древнему договору. В прежние времена вампиры-эмигранты, переселяясь в прерии Примерики, заключали соглашение с местными индейцами о разделении зон охоты. Если кто-то нарушал территорию и выходил на кровавое дело в непосредственной близости от стойбища, то воины племени покидали

вигвамы, превращаясь в тотемных зверей, и шли прогонять врага! Но времена изменились, и я рад приветствовать всех вас как друзей, а не врагов...

Зал слаженно поаплодировал, расцвёл скалорезными улыбками. Трогательный юмор ситуации, как мне потом объяснили, заключался в том, что тотемом теловаров была черепаха. С медведями, волками или бизонами вампиры, благоразумно, ничего не заключали. А свирепые черепашки, бегущие мстить тебе по горячему следу, это всё-таки не столь страшно...

Собственно, об этом индеец и говорил, коротко, по существу, благодаря присутствующих за то, что договор соблюдается, а то многие его братья-охотники как ушли в поход лет двадцать назад, так до сих пор и не вернулись, хотя за соседним холмом их уже видели.

Вампиры дружно аплодировали ему стоя!

А меня вдруг опять замутило, я посмотрел в окно. Мы шли вдоль береговой линии, держась не более мили от полосы прибоя. Это немного успокаивало. Капитан был явно не дурак и, похоже, не собирался выходить в открытое море на речном теплоходе, даже если вампиры самонадеянно называли его лайнером и ждали от скромного пассажирского судёнышка равных возможностей с океаническим рассекателем волн.

Эльвира стенографировала, карандаш в её тонких пальчиках так и мелькал, я волевым усилием подавил подступающую тошноту и сделал несколько фото с учётом её просьбы: «Взять крупно оратора и поснимать с разных точек аудиторию». Работа газетного фотографа оказалась весьма необременительной, а в чём-то даже увлекательной.

Все вампиры, сидящие на почётных местах, представляли собой интересные типажи. Бледные, строгие, сплошь косящие под дворян (даже полуграмотные оборванцы-ракшасы), худющие до непристойности и вечно улыбающиеся своим потаённым мыслям. Они слушали ораторов вполуха, о чём-то перемигиваясь меж собой. Курили, ни у кого не спрашивая разрешения, строили глазки Эльвире и ещё двум молоденьким журналисткам — корреспондентам других изданий.

Один что-то насыпал в стакан с водой, возможно, лекарство, но какое у вампиров может быть лекарство? Они и не болеют-то никогда. Самое страшное, что их может прихватить, — это несварение желудка, оттого что кровь попалась несвежая или просто он до икоты ею упился.

Второй, явно москвитянин с беджиком «Не брак!», вообще сидел с ноутбуком на коленях, нагло сливая в Интернет всё, что его здесь забавляло. Судя по ехидной улыбочке, его комментирование происходящего на конференции было весьма хлестким. Пополняет враньём свой ЖЖ, к радости услужливых френдов и визжащих девочек-подпевал...

Однако стоило мне всерьёз заняться работой, как был объявлен перерыв на чашечку горячей искусственной крови и свободное времяпровождение для желающих выйти в туалет. После чего следовало продолжение конференции в приватной обстановке за банкетным столом...

Эльвира встала, потянулась и, не закрывая блокнота, предложила мне пройти с ней в ресторан поужинать. Уже за столиком, показывая ей на экране фотоаппарата отснятые кадры, я обратил внимание на некоторые детали, которые не сразу бросались в глаза.

Один из итальянских вампиров протягивал кому-то записку за спиной оратора, жаль, из-за крупногабаритности последнего не было видно, кому именно. У двух маадьяр из рукавов выглядывали тонкие рукояти стилетов. Израильтяне же буквально были напичканы оружием — от засохших кусочков мацы для метания в глаз до мини-гранатомётов под длинными лапсердаками.

Но Эльвира отмахивалась от этих очевидно опасных фактов, как от надоедливых цветочных фей. К примеру, традиционные кинжалы вампиры носят как часть национального костюма, на деле они с затупленными лезвиями. Записки за спиной лектора — обычная практика, не отрывать же его выкриками из зала. А если мне и показалось, что кто-то кому-то что-то сыпет в стакан, то через два часа будет видно — недалёкие студенческие шутки с

пургеном для вампиров самое милое дело.

— Оставь это, не собираешься же ты их допрашивать без повода, — автоматически буркнул я себе под нос. — Твоя задача — фотографирование!

Да, повода как будто действительно не было. В ту минуту я и предположить не мог, как же быстро он появится. И весьма существенный повод! Но сейчас мне абсолютно не хотелось выглядеть в глазах Эльвиры нервным параноиком, и я был рад, что к этому времени как раз накрыли столы и начался полуторжественный ужин-банкет с дегустацией вин в честь открытия конференции.

Вампиры расселись за столы, каждый со своей национальной группой, вышколенные официанты в морской форме тут же поставили перед ними хрустальные графины с соевой кровью и новым искусственным заменителем, о котором долго вещал один из его производителей.

— А обещанная программой дегустация красных вин? — вполголоса уточнил я у обслуживающего наш столик официанта.

— Будет подано сию минуту, месье офицер, — тонко улыбнулся он. — Вас выдаёт военная выправка и насторожённый взгляд. Служите в полиции или военной разведке?

— Закроем тему. — Я уставился в меню.

Официант понимающе подмигнул и отошёл.

— Что это, котт де бёфф-стейк на Т-образной кости?! Я не ем кошек!

— А зря, они вкусные, хоть и дорогие. Но не облизывайся, на деле просто хорошо прожаренная свинина на косточке. Зато именно от этого словосочетания произошло популярное слово «котлета», — улыбнулась Эльвира.

— А, понятно, — неуклюже попытался выкрутиться я. — Просто у нас в Полякии традиционно считают, что это блюдо готовится из котов, пойманных в августе. К концу лета коты обычно жиреют.

— Да-а, — мечтательно зажмурилась она. — Как-нибудь надо заглянуть к тебе на родину и полакомиться натуральной пищей. Свозишь меня на охоту?

— Мой дядя — начальник охотничьего хозяйства, у них этих кошек по двору бегает, хоть из окна стреляй, — гордо выпрямился я, лихорадочно придумывая причины для вежливого отказа, если вдруг действительно придётся ехать. У меня ведь вообще нет дяди!

Но у Эльвиры уже загорелись глаза, она радостно продолжила:

— А как ты относишься к корейской кухне?

— Собаки там тоже есть, — неуверенно кивнул я.

— О... мм... как соблазнительно! Но это не скоро, а пока я, наверное, буду пюре-эпатаж!

— Постой-постой, у нас эпатаж — это когда пюре надевают тебе на голову?!

— Какая у вас запущенная, дикая, необезображенная культурой страна... — с нескрываемой завистью вздохнула моя журналистка.

— Если «киш» — это запеканка... — продолжал я, изучая меню. — Дай угадаю. Киш-миш — запеканка из мышей! Так?

— Моя любимая, — покивав, облизнулась Эльвира.

— Тогда я возьму, пожалуй, эпатаж-а-кресен, это ведь пюре с крысой, я правильно понял?

— К сожалению, с обычным кресс-салатом. И кто его ест в нашем мире?

— Но уж эпатаж-кресси точно с крысой?!

— Вегетарианский, с луком и морковью, — покачала она головой, глядя на меня с жалостью. Эх, не поесть мне сегодня крысы! — Как так вышло, что, служа в Парижске, ты не знаешь наших самых популярных блюд?

— Во-первых, прослужил я там недолго, во-вторых, больше учился, чем служил, в-третьих, жалование сержанта не позволяло шататься по дорогим ресторанам, а в-четвёртых, как видишь, я там не прижился. Славянская морда, как выражается твой бывший наставник...

Тот же подмигивающий официант подал нам наконец красное сухое черногогорийское вино «Рванац», и разговор плавно перешёл на другую тему. В какой-то момент я отвлёкся от рассуждений моей милой собеседницы о пользе ежедневной бутылки вина для цвета лица девушек и услышал обрывки разговора за соседним столиком.

— Мы — потомки ангелов и женщин, с которыми они воссоединились, и потому должны питаться кровью. Ибо именно кровь крыс — единственное, что смогло заменить амброзию, которой насыщались наши прародители на небе. Историю ещё никто не отменял! — горячо доказывал самый молодой в компании маадьяр.

— Альтернативную историю? О да... Но поверьте, скорее наши праотцы были наказаны за то, что ослушались Бессмертного, и он сделал их детей чудовищами, которые не могут выжить без крови. Но, разумеется, это всего лишь легенда, калька с более древних мифов, согласно которым Творец, создавая мир, населил его людьми, вампирами и чертями, — чуть насмешливо отвечал толстый вампир, явный типаж учёного...

— Не спорю, коллега, ведь всем известно, что людей выдумали, чтобы пугать детей. Хотя с научной точки зрения можно признать, что они вымерли в результате эволюции. А мы, вампиры, были всегда, даже до сотворения мира! Поэтому мы однозначно порождение древней Тьмы, а не кудрявых светлых ангелов... — поддержал его седой вампир в тупецкой феске с кисточкой.

Видимо, обсуждалась очередная многотомная теория происхождения вампиров. Они безумно любят мусолить эту нескончаемую тему...

— Вампиры как потомки ангелов, сошедших на землю и вступивших в связь с первобытными чертовками? Интересное мнение. — К компании присоединился ещё один вампир с бокалом искусственной крови в руках.

— Это уже вполне доказанный факт! — горячился молодой маадьяр. — Поначалу наши прародители быстро умирали, так как не могли пить материнского молока и глотать любую земную пищу, но потом аналог небесной амброзии был найден, и это оказалась... крысиная кровь! Только она, питая, продлевает нам жизнь. А не какой-то томатный сок... Лишь тёплая кровь — наша единственная, естественная, традиционная, проверенная веками пища!

— Возможно, возможно... Но сами постулаты в корне неверны! Лично я убеждён, что это была божественная кара для ослушавшихся Всевышнего ангелов-отщепенцев. Именно их дети не могут жить без крови крыс и вечно обречены быть изгоями общества! А после смерти их ждёт ещё и вечное проклятие! То есть всех нас оно ждёт, — качая головой, заключил толстый маадьяр со скорбью, к которой примешивалась изрядная доля театральщины.

— Я бы скорее назвала это наказанием крыс. Их-то за что было карать? — не выдержав, возмутилась Эльвира. Она произнесла это достаточно тихо для ушей чёрта, но не вампира.

Дискутирующие за соседним столиком разом уставились на нас. Да и не только они...

— Может быть, и есть за что, нам не дано постигнуть промысел Высшего Разума, — с масляной улыбкой чуть поклонился итальянский вампир, в котором я узнал рекламировавшего косметику для солярия, что подтверждал его беджик с надписью «Кармил Полидори — специалист по макияжу». А я-то всегда думал, что Кармил — это женское имя. Но у этих вампиров всё не как у чертей...

— Верно, — закивали его соратники, — не нам судить само Небо!

— Но амброзия и кровь? Какое в них сходство? — не отступала Эльвира.

— И та и другая дарует бессмертие, и это всё, что нам нужно знать, — зевнул сидящий неподалёку от нас вампир из выбриттов, с вальяжным видом откидываясь в кресле, так что стал виден и его беджик, который гордо гласил: «Лорд Рутвен».

Я подавился смешком. Вот в этом они все: нарочитое подчёркивание своего аристократизма, каждый второй вампир обязательно лорд, граф или князь. В крайнем случае незаконнорождённый отпрыск таинственного знатного рода, а какого именно, загадочно умалчивается, потому что род этот слишком высокий, чтобы упоминать его вслух, чаще

всего намекая на королевский дом.

Но, видимо, мой смех был слишком вызывающ, присутствующие с упрёком развернулись в мою сторону. Вампиры очень обидчивые, как и все нацменьшинства, и всё время подозревают, что их ущемляют в правах. В своё время партия вампиров-политиков правого толка долго добивалась, чтобы их народ наконец-то признали неоднократно подвергавшимся безобразным угнетениям и гонениям. Можно подумать, не они сами были в этом виноваты! Сильно сомневаюсь, что такое признание им нужно было, но добивались, лишь бы к их вечным претензиям начали прислушиваться, раньше-то над их придирками просто смеялись. Однако поправка в закон прошла, вампиры победили. И сейчас смех (читай: издевательство) над вампиром уже шёл по статье «ущемление прав нацменьшинства»! За что суд мог и с должности снять, и срок дать, и штраф выписать немалый в зависимости от «тяжести нанесённого оскорбления»...

Пришлось соорудить независимо-отрёпленную физиономию. Когда им стало нечем подпитывать свои подозрения в «вампироненавистничестве», они сразу успокоились и вернулись к поискам ответа на вопрос, откуда они произошли. Теория о предках-ангелах была не новой, скорее даже весьма популярной в среде вампиров, и они носились с ней по поводу и без, только бышний раз напомнить себе, но больше окружающим о своей предполагаемой исключительности.

Эльвира демонстративно достала блокнот и написала так, чтобы я видел: «Самое главное, что эта дурацкая фантазия об ангелах стала пропагандистским оружием традиционалистов, так как полностью оправдывает питьё крови! Бедные мои крыски...»

Я улыбнулся, взял у неё карандаш и сделал ниже приписку: «100 %». Она тоже улыбнулась и с намёком постучала ноготком по пустому бокалу. В самом деле, нам-то какое дело до всего этого пустопорожнего спора? Мы почти одновременно кивнули официанту, тот долил вина — вкус «Рванца» великолепен, его поставляют, с чёрных склонов Бувды...

Эльвира вновь начала что-то писать, а я погрузился в мысли. Надо же, оказывается, есть вампиры-вегетарианцы, вампиры-традиционалисты и вампиры нового поколения, пьющие искусственный заменитель. Вот они сидят, рассуждают о томатном соке и о крови, чокаются, обсуждают проблемы сосуществования в социуме. Дружно спорят о том, какие радужные перспективы ожидают их всех после слияния партий «За традиции, уклад и веру предков!» и «Кровососы с левым уклоном в сторону Зелёного Мира!».

Похоже, что все типы вампиров собрались на этом корабле. Носители восточной и западной культур, ещё несколько столетий назад развязывающие непримиримые войны из-за того, кто вампир, а кто упырь, смеются, хлопают друг друга по плечу, фотографируются вместе в национальных костюмах...

Но это лишь видимость. Внешнее. Внутри же здесь всё напоминает настоящий серпентарий, гигантский клубок ядовитых пресмыкающихся со смертельным ядом на кончике клыков. Вампирам нельзя доверять. Никому. Никогда. И они сами это знают, поэтому их даже силой не заставишь повернуться к собрату спиной. Даже если они в одной социальной и национальной группе...

Меж тем на маленькой сцене, где стоял большой белый рояль, начались приготовления, зажглись зеленоватые софиты и к нам вышел молодой вампир в небесно-голубом свитере и туго облегающих джинсах. Виртуозно засучив рукава, он с делано-смущённой улыбкой откинул крышку рояля и взял первый аккорд. Это был тот самый парень, которого я видел ещё с пристани с немного странной девушкой в предыстерическом состоянии. Значит, он и есть их знаменитый артист Эдик Калинин. Приглашённые вежливо замолчали.

— Ну, послушаем, какую музыку сочиняют эти эстеты в голубом. — Я с насмешливой улыбкой повернулся к Эльвире и вдруг увидел, что она не сводит с этой бледной немочи восторженного взгляда. Меня она, кажется, даже не слышала.

Бегло пробежавшись тонкими пальцами по клавишам, вампир запел неожиданно мягким тенором:

Здравствуй, нежная овечка,
Я хочу твоё сердечко,
Улыбнись, и я навеки твой...

Моя милая овечка,
Перейдём со мною речку,
Посидим со мной в глуши лесной...

Моя сладкая овечка,
Я целую тебя в плечико,
Я хочу тебя, хоть волком вой!

И зал уныло подхватил известный, похоже, всем здесь припев:

О, тёплая кровь моей чудной овцы,
Точите резцы, точите резцы!

— Пошли отсюда, — потянула меня за рукав Эльвира, — скука зелёная!

— Но... я подумал, тебе это нравится...

— Мне?! Да он поёт это на каждой конференции, искренне убеждённый, что такая нудятина достойна стать всемирным гимном вампиров нового поколения! Хотя-а... А давай ещё немного послушаем, — вдруг передумала она. — Чем-то он берёт, этот парень, не пойму чем, но... мрм... он милый!

— Наверное, голосом, — съязвил я, потому что голос у него был ужасный, у нас, чертей, так медоточиво и сладко поют только геи. — А я, пожалуй, пойду, гм... если понадобится, я в баре.

Эльвира что-то невнятно пробурчала в ответ, и я под неодобрительными, косыми взглядами вампиров пошёл к выходу. С гордо поднятой головой, но в душе у меня будто совы толпой нагадили... То есть настроение ни к чёрту! И чем ей мог понравиться этот лощёный хлыщ?!

Я уже поднимался на третью палубу, где сегодня, прогуливаясь, заметил бар, а вслед мне всё ещё несло слаженным хором:

Навек нас связала томления нить,
Разок укусить, разок укусить...

Мне захотелось сплунуть, до того от всей этой дряни было тошно. Я бухнулся на высокий стул в баре и тупо заказал себе пиво, когда услышал за спиной:

— Дзень добри, друже! Пан ведь с Полякии. Ми слухали, цо ви з поляцким выговором?

— То так, есм из-под Крякова, — сразу обернулся я.

— То добрже, пан, — широко улыбнулся мне дородный глава поляцкой делегации в расшитом кунтуше. — А есм з-под Величек. Были в той земле чи нэ?

— Так, панове, — ещё раз кивнул я. — Быв малем, упадал в шахту, ну же спасли.

— Чёрне Боже. — Шестеро моих земляков перекрестились левым знаменiem. — Як спасся-то пан?

— Мой старий хлоп Якуб Вендрович вытягнул за гайтан. Он же и настоял, цоб я учився на полицейского.

— За то треба випить, — предложил первый, и по его знаку мне налили гранёный стакан из тайно пронесённой бутылки. Отказать я не мог, пригубив глоток тёмного крестьянского самогона. Вампиры выпили то же самое, но пополам с томатным соком.

— З яких земель шановне панство? — Я поклонился остальным.

— З-под Маршавинска.

— 3-под Черноцерковска.
— Маршавинск, Маршавинск... Это не то место, где есть памятник злодью Сусанину?
— То так, пан, — широко приобнял меня один из вампиров. — Мий дед був у том походе, и Сусанин его вбил!

— Он многих вбил, — сурово согласился я.

— За то теж треба випить, — вновь подняли чарки поляцкие упыри.

Отказать я опять не мог.

...Последнее, что я помню, — распахнутые в изумлении глаза пришедшей за мной Эльвиры.

На следующее утро я проснулся с больной головой. Как будто сотня мелких бесов пинала её изнутри маленькими ножками в футбольных бутсах. Я валялся на смятой кровати полностью одетый, только ботинки аккуратно стояли у кровати. Эльвиры в комнате не было. Это хорошо.

В смысле хорошо, что она не осталась стоять надо мной немым упрёком моего позора. Сержант полиции, находясь на задании, напился в первый же день и рухнул, бросив её одну на растерзание всем вампирам этой проклятой конференции! Полный провал, полный...

Но тут до моего слуха донёсся звук льющейся воды в ванной. Ага, она принимает серный душ. Боль сразу утихла. Как будто бесы тоже заинтересовались и отвлеклись на куда более интересные фантазии. Шум воды стих. Я поспешно вскочил с кровати, чтобы приветствовать её так, как будто ничего не случилось. Но «бесы» опять взяли за своё, перейдя в моей бедной голове на какое-то дикое регби без правил!

Стиснув зубы, я с удвоенной энергией выполнил пару гимнастических упражнений и сделал вид, что неспешно навожу порядок, заправляю постель. Когда она встала в дверях, пришлось обернуться. Не могу сказать, что я не ждал этого момента, наоборот, скорее жаждал затаив дыхание...

Но Эльвира не стала делать мне подарок, не заслужил, да я и сам знал это. Она вышла одетая, даже шейный платок в тон брючному костюму (весьма элегантному, кстати) не забыла повязать.

— Утро злое, — громко поздоровалась она, язвительно прищурясь.

— Злое, злое... Как ты спала?

— С твоим-то храпом? Отлично. Лучшего снотворного не придумаешь.

— Спасибо, — смутился я, это было приятно, и наконец решился спросить о том, что меня действительно мучило. — Скажи, что вчера со мной было? Прости, но я абсолютно ничего не помню. Надеюсь, хоть не запятнал честь мундира?

— Ха!

От этого задушевнейшего «ха!» мои бесы мигом улетучились, оставив меня один на один с чувством долга и стыдом.

— Ты правда не помнишь? Ну тогда тебе будет интересно. Собирайся, расскажу по пути. Думаю, мы ещё не пропустили завтрак.

Я взял чистую одежду в ванную, быстро умылся (душ приму потом), переоделся и пошёл опустив голову, как побитый пёс, за бодро цокающей каблучками журналисткой. Пока шли, Эльвира, не стесняясь ничьих ушей, громко рассказывала, что я вытворял, напившись с поляками...

Как немзыкально пел «Эва Польна нэ сгинэла!», как заставлял мурмынского упыря повторять слова гимна, или он нас не уважает?! Как на спор кидался пончиками в бармена, как мерился со всеми армрестлингом, а проигравшего заставлял пить ту самую поляцкую самогонную дрянь! Как развлекался, сбивая летучих мышей, в которых всё ещё превращаются в сумерки некоторые вампиры-традиционалисты, метким выстрелом пробки из-под шампанского! Нет, нет, не-э-эт...

— Гостей конференции! Ай-ай-ай! Как вы могли, сержант Браздинский?! Они уже отправили жалобу в нашу... то есть мою редакцию. Меня ждёт страшный разнос от шефа по возвращении!

— Это был не я, — густо покраснел я.

— Ещё как ты! — И Эльвира демонстративно скосила глаза в сторону соседнего столика, откуда на меня угрюмо взирали два вампира с синяками вполлица. Лично я не мог понять их недовольства. У нас, поляцких чертей, считается комплиментом, когда тебе стреляют вслед. Это значит — бояться и уважают! Зачем сразу обижаться-то? Так я ей и сказал...

— У вас, может, и да. Но эти выбритские вампиры — жуткие зануды и не понимают вашего простонародного юмора.

— Мне стоит перед ними извиниться?

— Да, и не один раз! — уверенно кивнула она.

Я сделал скорбное лицо (что было нетрудно) и, подойдя к выбриттам, коротко поклонился:

— Простите за вчерашнее, господа. Я не хотел вас оскорбить. Не учёл разницу менталитетов. Надеюсь, мы останемся друзьями и вы позволите мне угостить вас шампанск...

— О нет! — резко прижавшись друг к другу, взвыли они.

Адское пекло! Зачем я напомнил о шампанском, теперь у них с ним не лучшие ассоциации...

— Извините ещё раз...

— Сэр! Вы не джентльмен, но мы даруем вам извинение, — выдержав паузу, процедили вампиры и оба, задрав носы, отвернулись.

Я молча откланялся (голова продолжала невыносимо болеть) и присоединился к Эльвире, которая набирала еду со шведского стола. Она встретила меня сочувственным взглядом, в котором уже не было осуждения. Я понял, что прощён, и это несколько утешило уязвлённое снобами-выбриттами самолюбие. На завтрак взял только чай, есть не хотелось совершенно...

— Не переживай, — улыбнулась Эльвира и погладила меня по руке. — Хочешь, как-нибудь после конференции постреляем в них вместе?

— А как же твой шеф? — Я удивился и обрадовался её предложению.

— А-а, кажется, я поспешила паниковать. Забыла, что он тоже не любитель вампиров. — Она насыпала себе низкокалорийных сушёных пауков и залила молоком (популярный завтрак, мой шеф сейчас только на них и сидит, его очередная «эффективная» диета). — Три года назад они укусили его собаку, теперь она спит только в кладбищенской земле, а утром грязными лапами разносит её по всему дому.

— Да, похоже, что особенно их никто не любит. — Я серьёзно посмотрел ей в глаза, хотя долго в них смотреть без риска потерять душу было невозможно. — Твоё предложение очень заманчиво, но вчера я позволил себе забыть, зачем сюда приглашён. Фотоотчёт, видеоряд, иллюстрации к прошедшему мероприятию! Я — представитель прессы. Кого и где снимаем сегодня?

Эльвира понимающе улыбнулась:

— Ладно, тогда нам надо бодренько подкрепиться и через пару часов бежать в конференц-зал. Сегодня выступают традиционалисты. А они, в отличие от вегетарианцев, натуры горячие. Значит, будет шумиха, скандал, оскорбления оппонентов и, надеюсь, хотя бы маленькая драка...

— Обещаю фоткать без передыху!

Высокомерные вампиры потягивали кровь из высоких бокалов через разноцветные трубочки и делали вид, что не обращают на меня внимания. Я выпил две или три чашки зелёного чая с лимоном, но это мало помогло, в голове всё ещё гроыхало. Можно под шумок принять стопку в баре, но при Эльвире как-то неудобно...

Когда наконец мы вышли подышать свежим воздухом, мимо нас прошмыгнули два

стройных вампира из Мурмании с надувными гробами под мышкой.² Они шли на шлюпочную палубу, к маленькому бассейну.

Я знал, что вампиры нового поколения не только не спят днём (таких сейчас всё больше среди молодёжи, пока их организм не изношен, он более устойчив к солнечным лучам), но ещё и загорают, демонстрируя своё обмазанное бриолином мерцающее тело. Но, конечно, под пляжными зонтиками — с ними и загар ровнее, и риска меньше.

Минус лишь в том, что, как существа «высокородные», они напрочь лишены чувства стыда и загорают абсолютно голыми. Меня, как нормального мужчину, с такого воротит, но есть категория девушек, которые млеют от вялых вампиров с кожей в блёстках. У каждого свои возрастные комплексы... А вот искусственный загар в косметических салонах им категорически противопоказан, там просто убойная доза ультрафиолета, сжигающая вампира напрочь, до горстки пепла. Для них солярий — синоним крематория.

В бассейне уже загорали, плавая в своих надувных гробах в позе покойника, трое итальянцев и виндус. Набриолиненные — не продыхнёшь!

В общем, похоже, что только старички-традиционалисты до сих пор спали в своих каютах, остальные веселились, купались и заказывали лёгкие коктейли. Здесь же стоял стол со специализированной продукцией по уходу за кожей на солнце, и представитель фирмы раздавал желающим пробники нового крема для блестящего загара.

— Я бы тоже окунулась. Пойду за купальником. А ты не хочешь?

Я покачал головой, снял рубашку и, заняв два свободных шезлонга рядом — для себя и Эльвиры, прилёг на один из них. Не знаю, что больше слепило — солнце или тела вампиров (похоже, блеском для тела «Интимная искорка» по последней моде пользовались практически все), но, едва я прикрыл глаза, как сзади раздался язвительный голос:

— Чудесное утро, не правда...? Было бы, если бы не толпа кровососов вокруг и все они...

— Зачем же вы тогда поплыли на лайнере вампиров? — несколько раздражённо спросил я, с трудом заставляя себя повернуться к этому типу.

Бывший учитель Эльвиры, с растрёпанной седой шевелюрой, в семейных трусах, с жёлтыми детскими надувными нарукавниками и вечным недовольством в поджатых губках, подозрительно уставился на меня:

— А вам, конечно, всё здесь...?

— Это моя работа, я фотограф. А что здесь делаете вы? Я уже спрашивал вас об этом вчера, и вы не ответили. Может, вопрос не понравился?

Видимо, мои слова попали в точку. Он оскорблённо взвился, раздувая ноздри:

— Это что, допрос или...? Я обратился к вам только потому, что вы здесь один из немногих... Это единственная причина, и ничего более мне вам не...

Я промолчал и снова закрыл глаза, давая понять, что мне тем более нет до него никакого дела. К тому же голова раскалывалась, надо срочно спросить пару таблеток спазмалгона у стюарда...

— Не буду вам докучать, молодой...

— Сделай меня такой же! Умоляю, сделай! — А это уже совсем другой голосок, нежный и девичий. К тому же я вроде его уже где-то слышал...

— До чего дошло, нет, вы только...! — возмущённо закудахтал Хам Хмельсинг, удаляясь к бассейну. — Чертовки хотят стать грязными...! Ничего святого у нашей молодёжи, куда смотрят их...!

Я снова открыл глаза и с любопытством поискал источник тронувшего меня нежного голоса. Это была та самая юная девушка, что привлекла к себе моё внимание вчера на пристани, а потом громче всех аплодировала, когда её идеал в голубом свитере сел к роялю и

² Все вампиры теперь берут с собой надувные гробы. А что? Удобно и практично — надул, поспал, сдул, скатал, положил в сумочку.

пробежался пальцами по клавишам. Теперь она расположилась в шезлонге у корабельного борта неподалёку от меня.

Сам Эдик Калинин (такое имя трудно не запомнить) — вампир, красавец, музыкант и певец — стоял у перил, раскинув руки и подставляя тёплому морскому ветру своё сухощавое телосложение. Девушка мялась за его спиной, то и дело поправляя тёмно-красный купальник и нервно заламывая руки. Он, естественно, не обращал на неё ни малейшего внимания. Странная пара...

Как я сразу не заметил, что она чертовка? Хвост, конечно, купированный, но, видимо, недавно, она всё ещё двигает задом так, словно хвост у неё есть. И золотистый пушок, покрывающий спину, тоже явно свидетельствовал о её чертовском происхождении. Видимо, вчера меня ввело в заблуждение её бледное лицо и отсутствие рожек, наверняка так же спиленных.

Ага, у неё ещё и красные линзы. Да девочка просто косит под вампира! Многих беспокоит эта распространяющаяся с недавнего времени среди юных чертей мода на вампирскую тематику. Но все понимают, что это только временное увлечение и оно проходит, как все детские болезни. Чертенята помладше играют в очкастых волшебников на метле, а малыши-горгулии — в говорящих драконов с планеты Перн. Но чтоб реально пытаться стать вампиром?!

— Я готова стать на колени!

— Я сказал, нет. Ты не понимаешь, о чём просишь...

— Ах так, ну ты ещё пожалеешь об этом!

— Быть может, девочка, быть может... А пока принеси мне крем, мой кончился.

Юная чертовка, сжав кулаки и кусая губы, поднялась и, выпрямив спину, быстрым шагом ушла с палубы. Обнажённые вампиры демонстративно уступали ей дорогу, словно боясь запачкаться...

— Что-то произошло? — спросила у меня подоспевшая Эльвира и, понизив голос, многозначительно добавила: — Мимо только что пробежала Памелла. Она была в ярости!

— Кто? Какая Памелла? — Я уставился на Эльвиру (она выглядела сногшибательным совершенством в бордовом купальнике), но спохватился и с трудом заставил себя смотреть ей только в глаза.

— Да нынешняя девушка Эдика Калинкина! Она тоже своего рода знаменитость. Звезда последних страниц светских журналов. Тема статей неизменна: когда наконец он сделает её вампиром. Романтично, правда? — Эльвира посмотрела на голую звезду долгим взглядом с поволокой. Я отогнал от себя пошлую мысль, что она его неприкрыто воделеет...

— Сделает вампиром кого? Но ведь это невозможно, потому что... Она чертовка, и этим всё...! — сердито профырчал вернувшийся из бассейна профессор.

— Да, она, конечно, никогда не станет такой, как они. Это её и бесит, — сострадательно вздохнула моя мечта. — Но его укус всё равно способен изменить сущность чертовки. Если пёс моего шефа предпочитает спать в могильной земле, а не в конуре на тёплом коврике, то и она, возможно, начнёт есть мясо с кровью или загорать без одежды. Почему нет? Ну хочет глупышка стать вампиром, и всё тут! А если женщина чего-то хочет, то она это получит любой ценой...

— Бред и... ик... ик! Это просто сублимация комплекса девичьей...?! — повысил голос Хам Хмельсинг.

Ого, судя по запаху, он уже успел где-то принять на грудь...

Я откинулся в шезлонге и постарался отключить голову, мне это почти удалось. То есть если у Эдика, его пассии и профессора есть проблемы, то это не значит, что я должен взваливать их на свои плечи. Я полицейский. Хорошо, в данный момент скромный газетный фотограф. Но по-любому не психолог и не брачный агент! Пусть сами разбираются, боль в висках только-только начинала гаснуть, новые стрессы мне не нужны...

— Ты уверен, что не хочешь разок нырнуть? Там весело, я перевернула пару гробов с

вампирами.

Свежевыкупанная Эльвира встала передо мной. Чертовски соблазнительная, яркая, со стекающими по гладкой коже жемчужными каплями воды. Наверное, я всё-таки за депиляцию у женщин, хотя золотисто-рыжий пушок, которым обычно покрыты все чертовки, её бы тоже красил. Да такую девушку вообще ничем невозможно испортить...

— Нет? Ну тогда всё, пора за работу!

Усилием воли я оторвал взгляд от её пупка и начал подниматься. Боль сразу вернулась, но долг превыше всего...

— Идём, лентяй! — Она цапнула меня под руку и почти силой увела с палубы. Автоматически я ещё раз отметил загорающего певца-вампира и спешащую к нему Памеллу...

Всё, что было дальше, как-то прошло мимо меня. Я даже не помню, кто читал доклады, о чём, с каким успехом, кого и как шельмовали и чем мы во время этого конкретно занимались. Эльвира у кого-то брала интервью, я не переставая щёлкал фотоаппаратом. Каждый кадр отдавался звоном в моей тяжёлой похмельной голове. Сколько помню, в последний раз я пил эту самогонную дрянь с одноклассниками на школьном выпускном. Зачем было вчера и всё было как было?!

Наконец Эльвира не выдержала, повела меня в бар и заставила выпить рюмку водки.

— Хочешь, приляг отдохни. Потому что ты мне будешь нужен через час на конференции.

Я благодарно кивнул, с трудом добрался до своей каюты, поставил будильник, рухнул, и дальше ничего не помню.

Проснулся оттого, что чьи-то сильные руки поставили меня вертикально. Эльвира строго смотрела мне в глаза.

— Конференция уже началась. Я бы тебя не будила, но сейчас будет выступать старейшина всех вампиров, и это необходимо сфотографировать.

— Ну и сфотографировала бы сама, — буркнул я, чувствуя угрызения совести, ибо будильник я элементарно не услышал.

— Да запросто! Только ты куда-то засунул фотоаппарат, и я не могу его найти.

Теперь уж мне пришлось проснуться окончательно. Голова ещё болела, но не так, как днём. После коротких поисков мы убедились, что в каюте его точно нет. В конце концов, злополучный фотоаппарат обнаружился в баре. Я умудрился тихо забыть его на барной стойке. Да столько глупых промахов у меня в жизни не было, а тут за два дня?!

Хорошо, что бармен, толстый чёрт с непроницаемым лицом добродушнейшего маньяка, прибрал его от греха подальше и сейчас вернул при первом намёке. Хотя и потребовал назвать марку аппарата. Я не знал, но Эльвира, разумеется, вспомнила, фотоаппарат-то редакционный.

А в результате на лекцию вождя традиционалистов мы опоздали. Зал был полон, все ждали, но, по счастью, главы всех вампиров ещё не было. Поскольку свободных мест не осталось, мы с Эльвирой встали у двери.

Мимо нас, толкнув меня острым локтем, пролетел молодой мурмынский вампир. Он вскочил на сцену, опрокинул два микрофона и, повернувшись к залу перекошенным лицом, истерично прокричал:

— Великий Арон Мультиури мёртв! Его убили!

Над залом пронёсся тихий стон ужаса.

Вампиры вставали, хватались за сердце, плакали, требовали подтверждений, свистели. Назревала паника и хаос...

Тело среагировало быстрее, чем мозг. Я быстрым шагом дошёл до сцены и повернулся к залу:

— Я сержант полиции Ирджи Браздинский! Всем оставаться на местах и сохранять спокойствие!

В зале мигом повисла затаённая тишина. Видимо, где-то глубоко внутри даже такие

эгоисты, как вампиры, привыкли подчиняться государственной власти.

— До тех пор, пока корабль не прибудет в порт, объявляю себя ведущим расследование этого преступления. — Я вытащил из нагрудного кармана свой полицейский значок, демонстрируя его сидящим в зале. Хорошо, что не потерял, как фотоаппарат, и не забыл в номере, а то бы выглядел полным дураком, а главное, не смог бы взять ситуацию в свои руки. — Если среди присутствующих есть другие представители полиции, охраны, юристов — прошу подойти ко мне.

Никто не шевельнулся.

— Я могу вам дать своих ребят, офицер, — деликатно прокашлявшись, сказал капитан. — У нас уже очень давно не было никаких инцидентов, поэтому о профессиональной охране мы не позаботились.

— Сколько здесь выходов?

— Из зала? Три. По двум сторонам сцены и центральный, для зрителей.

— Поставьте своих матросов у дверей. И никого не выпускайте.

По залу разнёсся возмущённый ропот, выкрики и свист.

— До моего распоряжения никто не выходит, — громко повторил я.

Капитан кивнул и быстро отдал распоряжения. В одно мгновение у всех трёх дверей уже стояли по два дюжих стюарда.

— Безобразие, мы не обязаны вам подчиняться! Кто вы такой?! А Лестат вышел! Я тоже так хочу! Убийца вампиров на корабле! Мы все здесь как овцы в загоне! «Точите резцы, точите резцы-ы-ы!» Выпустите нас сейчас же! А у меня клаустрофобия, я даже в гробу с крышкой спать не могу-у-у...

Неожиданно кто-то сзади положил мне руку на плечо, я резко обернулся. На меня пристально смотрел индеец, рассказывавший вчера про родовое заклание, которое при первой опасности заставляет их народ превращаться в черепах и гнать врага по следу. Его лицо было сурово...

— Чунгачмунк готов помочь бледнолицему вождю!

— Мне не... ах да, конечно. Спасибо. Но думаю, что пока не нужно, — попытался вежливо отказаться я, но увы...

— Я следопыт. Могу идти по запаху убийцы. Нас учили отслеживать кровососов.

— Ещё неизвестно, кто это сделал, вполне возможно, что это и не вампир.

Индеец посмотрел на меня с такой тонкой улыбкой, что я понял — другого зла он в этом мире в упор не видит. Я вынужденно похлопал его по плечу и поймал того молоденького вампира, который в этот момент как раз срывался с места, намереваясь нарезать круги по залу с тем же дурным воплем: «Арона Мультиури убили-и-и!»

— Где вы обнаружили тело? Отведите меня к нему.

Нужно было как можно скорее осмотреть место преступления, пока там не натоптали или убийца не ликвидировал улики. А ведь это ему легко удастся, когда туда хлынет волна паломников, скорбящих и любопытствующих.

— А мне что делать, брат мой? — перегородил мне дорогу настырный индеец.

— Посторожите здесь, чтобы никто не выходил, — уступил я, больше чтобы отвязаться от вождя, чем сколько-нибудь веря в реальную помощь с его стороны. Мне не хватало участия профессионалов, но я знал, что доверять в этой ситуации, пока хоть что-то не прояснится, здесь нельзя никому.

Я взял молодого вампира под локоть, с трудом удержавшись, чтобы привычно не завернуть ему руку за спину, и пробился к дверям.

— Почему вы сказали, что его убили? — Мы быстро шагали по палубе к ВИП-каюте старейшего главы традиционалистов.

— Что же может быть очевиднее мёртвого тела?!

— Хорошо, как вы обнаружили тело? И кстати, представьтесь.

— В смысле? — окончательно стушевался вампир, видимо, он перенервничал и не понимал очевидного.

— В самом прямом. Только не волнуйтесь. — Я дал ему возможность выровнять дыхание. — Давайте знакомиться — Ирджи Браздинский, сержант полицейского отделения из Мокрых Псов. А вы?

— Я секретарь конференции, Никола Арнэри. — Он вытер набежавшую слезу, кое-как овладел собой и продолжил: — Преподобный опаздывал и...

— Преподобный? Он был священником?

— Нет, просто такова уважительная форма обращения к нашим старейшинам. А он был у нас самым старейшим старейшиной. Какая утрата... Какая страшная утрата для всего сообщества!

— В самом деле, — пробурчал я себе под нос. Голова перестала болеть после вчерашнего, но виски уже начинало ломить от нехороших предчувствий. Дело будет непростым...

Наконец мы дошли до нужной каюты. Мой сопровождающий открыл её, достав из кармана ключ. На мой молчаливый взгляд ответил сразу:

— На тот момент мне показалось, что запереть дверь будет лучше.

Я кивнул, в душе зауважав секретаря за умение сохранять холодный рассудок в такой сложной ситуации. Хотя, с другой стороны, подобное хладнокровие не вязалось с тем паническим отчаянием на его лице, с каким он объявлял о смерти преподобного, и настоящему сильной скорбью. Без фальши, в таких вещах уж как-нибудь привыкаешь разбираться...

ВИП-каюта Мультиури была раз в пять больше обычной и состояла из нескольких комнат. Но за телом далеко ходить не пришлось. Старейшина лежал всего в паре шагов от входа на смятом коврике, неуклюже подогнув под себя левую ногу и разбросав руки, словно старая, никому не нужная кукла, а из его впалой груди торчал деревянный карандаш.

Я быстро присел рядом, раздвинул пальцами веки и посветил маленьким брелком-фонариком. Если зрачок становится вертикальным, то вампир жив, припомнил я долгие лекции в годы своей учёбы в академии. Если зрачок круглый, то он умер. Если квадратный, то вампир пьян или очень удивлён. Увы, зрачок оставался круглым...

Признаться, я был в лёгком недоумении. На практике со смертью вампира полицейский может столкнуться раз в жизни, и то если крупно повезёт. Общеизвестно, что сами вампиры друг друга не убивают. Просто на свете очень много тех, кто был бы рад убить кровососа, и именно потому у вампиров вековой опыт выживаемости. Судите сами...

Они сильны, умны, хитры, всегда поддерживают друг друга и держатся стаями. Когда им требуется, они блестяще интригуют, натравливают, подставляют, но так чтобы взять и убить собственными руками — да никогда! Это верх дурного тона...

Вампира, убившего собрата, покрывают вечным позором и не пускают в приличное общество. Он становится изгоем, какие бы высокие цели мести или захвата власти ни преследовал. Нельзя, табу, незачёт! Чёрт побери, да над ним даже дети в любом супермаркете смеяться будут. Но если не вампир, тогда кто?

На корабле из приглашённых гостей не вампиры только я, Эльвира, её полусумасшедший профессор, кто-то из столичной прессы и команда, часть из которой тоже может иметь смешанную с вампирской кровь, видно по профилю и форме черепа. Ах да, и ещё этот индеец Чунгачмунк, который вообще непонятно кто, какая-то охотничья получерепаха. То есть круг подозреваемых не так узок, как хотелось бы.

Да, плюс ко всему ещё эта странная девушка, мечтающая стать вампиром. Её тоже не стоит сбрасывать со счетов, хотя это опять-таки нелогично. Если она хочет, чтобы её приняли, то должна со слезами умолять господина Арона Мультиури, а не убивать его. Да и каким образом? Кто поверит, что старейший вампир клана традиционалистов безропотно позволил убить себя юной, романтически настроенной дурочке?!

Я меланхолично начал осмотр помещения, Никола встал в сторонке, прикрыв узкое лицо руками...

Распахнулась дверь, и за моей спиной раздался милый голос:

— Проверенный закон бытия: где есть полицейский, там всегда появляется труп. Если бы я не знала, что спьяну ты продрых полдня, точно бы решила, что ты его и грохнул, чисто для поддержания традиции.

— Я страж закона, — строго напомнил я. — И вынужден взять это дело в свои руки. По крайней мере, до прибытия береговой полиции или высших чинов.

— Чем я могу вам помочь, пан офицер? — в струнку вытянулась Эльвира. — Ты же не всерьёз предполагал, что эти добрые моряки удержат меня в общем зале...

— Для начала оставь свои неуместные шуточки. И как-нибудь успокой парня, он уже начинает всхлипывать, а меня это отвлекает.

Представительница прессы привычно кивнула, сострадательно выгнула бровушки и что-то мягко зашептала на ухо бедному вампиру. Я же наконец смог сосредоточиться на трупе.

Никаких видимых телесных повреждений, кроме торчащего карандаша в груди, на первый взгляд заметно не было. Осторожно приоткрыв рот убитого вампира, я убедился, что пены на губах нет, как нет и резко характерных запахов яда. Версию отравления почти наверняка можно отставить. Как и физическое удушение, никаких посторонних следов на шее не было...

— Как его убили? — сипло спросил секретарь. Он всё ещё стоял у двери и старался не смотреть на тело.

— Судя по всему, вот этим деревянным карандашом.

— Но это невозможно! То есть... не может быть, чтобы тело преподобного Арона было таким трухлявым. Ведь ему не было ещё и пятисот...

— Но он был старейший? — уточнил я, хотя и сам никогда не думал, что вампира так легко убить.

— Он стал им не по возрасту, разумеется, есть вампиры и старше. Господин Мультиури прожил достойную жизнь, не запятнав её ни единым неблагоприятным поступком. Поэтому и получил титул старейшины. Простите, я не могу здесь больше оставаться, мне слишком больно видеть его. Вы позволите мне удавиться?

— Что сделать? — недопонял я.

— Удалиться, — поправился он.

— Конечно.

И секретарь выскочил из каюты, его плач был ещё долго слышен в узком коридоре...

Задумчивая Эльвира осторожно подошла ко мне и присела рядом на корточки.

— А чему ты особенно удивляешься? Кол — самое традиционное оружие для убийства вампиров. Чего гадать?

— Согласен, другой причины для смерти нет, — признал я. — Яд, железо или пуля не причинили бы ему вреда. А вот обычный деревянный карандаш, воткнутый точно в сердце... Кто-то хорошо разбирается в физиологии вампиров.

— Я тебя умоляю, — криво улыбнулась девушка. — Это кто же на корабле, полном вампиров, не разбирается в их физиологии?!

— Тоже верно. И всё-таки думаю, косметический карандаш что-то здесь не...

Нас прервал деликатный стук в дверь. В каюту осторожно вошли помощник капитана с двумя матросами.

— Пан офицер, — с явно выраженным славянским акцентом обратился ко мне старший, — капитан сказал, что вам может понадобиться помощь.

— Да. Будьте добры, предупредите береговую охрану, что у нас чрезвычайное происшествие. Проследите за тем, чтобы никто никаким образом не мог покинуть судна. Я закончу осмотр тела, а ваши матросы перенесут его куда-нибудь в отдельное помещение, где нет солнечного света и достаточно холодно.

— Будет исполнено, пан офицер, — кивнула команда. — Располагайте нами.

— Да, на корабле есть свободная каюта? Мне понадобится комната для допросов.

— Найдём, — козырнул помощник капитана.

Я ещё раз бегло осмотрел ногти трупа, проверил карманы и разочарованно махнул рукой:

— Уносите.

Пока матросы возились с телом Мультиури, а Эльвира уже что-то деловито строчила в блокноте, я ещё раз обратился к помощнику капитана:

— Когда мы прибудем в порт?

— Развернём судно и будем завтра к вечеру.

— Тогда выпустите всех из конференц-зала. Тех, кто будет мне нужен, я допрошу лично.

— Думаю, вам подойдёт каюта номер тринадцать, пан офицер. Она на средней палубе и часто свободна из-за суеверия пассажиров, как вы понимаете. Все боятся, что им чрезмерно повезёт...

Я кивнул и поблагодарил его. Мы суеверно боимся цифры «тринадцать», это нормально. Если вам начинает везти словно сумасшедшему, такое счастье не длится долго, а падать с высоты кратковременного везения в пропасть вечного невезения не хочет никто...

Когда моряки ушли и мы остались вдвоём с Эльвирой, я ещё раз внимательно осмотрел место преступления. Увы, никаких особенных улик найдено не было, современные убийцы редко оставляют на месте преступления свой паспорт, фотографию или водительские права.

— Ладно, главное, при любых обстоятельствах действовать строго по инструкции. Надо найти лист бумаги, составить список подозреваемых и поочерёдно вызывать их на допрос.

Опытная журналистка привычным жестом вырвала листок из своего блокнота, положила перед собой на столик и, держа наготове ручку, обернулась ко мне. Но прежде чем продиктовать ей первое имя, я на всякий случай осмотрел и все остальные помещения — спальню, комнату для приёма гостей, туалет, душ.

Всё было чисто. Следов борьбы, посторонних предметов и фактов сокрытия улик не обнаружилось. На крючке висел парадный халат покойного, это не подозрительно. Вот разве что в раковине в сливном отверстии застряла карандашная стружка. Похоже, что здесь недавно точили карандаш. Интересно, не тот ли самый?

Ну хоть какой-то след! Я оторвал кусочек бумажного полотенца, аккуратно завернул в него улику, убрал в карман и вернулся в кабинет.

— Так, список наиболее явных подозреваемых невелик, — признал я, и моя спутница быстро начала стенографировать на бумаге. — Это ты, Хам Хмельсинг, Чунгачмунк, та девушка Памелла или кто-то из команды.

— Ты и меня включил в список?! — возмутилась Эльвира. — Не верю своим ушам...

— Ну, во-первых, ты не вампир, во-вторых, сама признавалась, что не любишь кровососов. То есть ни моральных, ни национальных ограничений для тебя нет. Ладно, шучу, стандартный полицейский юмор, — поспешно добавил я, встретившись с ней взглядом. Ярость её глаз могла расплавить вечные ледники в Северном Аду и даже заставить их гореть синим пламенем.

— Профессор тоже ни при чём, — подумав, мрачно добавила она.

— Скорее всего, но у него есть реальная причина для мести. Будешь спорить?

— Нет. Но он ни при чём, уверена.

— Женская интуиция? — примиряюще улыбнулся я. — Хорошо, давай опросим свидетелей.

— А разве у этого убийства есть свидетели?!

— Свидетели всегда есть, даже когда они об этом не знают. Сначала появятся косвенные. Но постепенно из их разрозненных свидетельских показаний вычертится и вскрыется главный подозреваемый.

— То есть убийца?

— Возможно. Давай по порядку, начнём с этого сентиментального секретаря, который и обнаружил труп.

Я распахнул дверь и попросил дежурного матроса найти для меня Николя Арнэри и привести его в тринадцатую каюту. Тот растерянно развёл руками, но проходивший мимо молодящийся вампир в красном камзоле и с моноклем в левом глазу охотно вызвался ему помочь. Я подтвердил команду, и они оба бросились исполнять. А я ещё раз прошёлся по всем комнатам, заглянул во все углы, выпустил Эльвиру, вышел сам и запер дверь на ключ.

Когда мы спустились палубой ниже и дошли до каюты, отведённой мне для допросов, нервничающий секретарь уже был там. Мы вошли, я сел за стол, а Эльвира встала за моей спиной с блокнотом на изготовку.

Под нашими неподкупными взглядами глаза молодого вампира забегали...

— Я уже всё вам рассказал, — срывающимся голосом начал он.

— Вы рассказали нам, как обнаружили тело. Но мне нужно знать о всех пассажирах корабля, с которыми имел контакт преподобный, — сказал я, жестом предлагая вампиру сесть на койку напротив. — Вы ведь секретарь конференции, а значит, должны знать участников.

— Ну-у, не всех, конечно, но кого-то знаю...

— Понятно, скажите, у Арона Мультири были какие-то встречи в рамках конференции, заявленные в протоколе?

— Да, разумеется, я взял документ с собой. Вот, сначала два представителя словеновских упырей, потом — итальянская диаспора, господин Льюи, одна надоедливая девица, врач-ревматолог из Стумбула и ближе к рассвету — глава компании по производству искусственной крови с дегустацией образцов. Его рабочие часы планировались быть весьма насыщенными.

— Ясно, значит, последним в живых, мм... — замялся я. — Относительно живых — вас ведь совсем живыми не назовёшь?.. Итак, значит, его видел представитель компании по производству искусственной крови? По крайней мере, мог видеть.

— Нет, преподобный в последнюю минуту отменил встречу, — покачал головой Николя. — Перенёс на завтра.

— Хм... Это интересно. Почему?

— Он сослался на усталость, сказал, что ему надо отдохнуть и собраться с мыслями перед выступлением на конференции.

— Оно было важным?

— Для нас все речи старейшины важны!

— Да, да, разумеется, — рассеянно согласился я. — А кстати, почему с такой деловой востребованностью у него не было личного секретаря? Я так понимаю, что, несмотря на возраст, он вёл весьма активную жизнь...

— У него был секретарь, но преподобный уволил его буквально за неделю до конференции.

— За что, если не секрет?

— Не знаю точно, по слухам, что-то личное. Но, кстати, он здесь, на корабле, и если хотите, вы можете расспросить его сами, — предложил вампир, но как-то нерешительно, и как-то странно посмотрел на меня, или мне показалось?

— Так он здесь? Просто чудеса какие-то. Как его имя?

— Его зовут Лестат, фамилию не помню. Я вам больше не нужен? Тогда можно мне уйти? — Николя начал потихоньку сползать с койки.

— Хорошо. Только сначала вы не могли бы позвать этого самого Лестата?

Не успел он ответить, как в дверь заглянул тот вампир в красном камзоле, который вместе с матросом бегал за секретарём.

— Пригласить Лестата? — опять влез с инициативой шустрый вампир, быстро подкрутив тонкие усики. Час назад я их у него не заметил. И сейчас вдруг понял, что его лицо мне знакомо. Точно, дежавю. То есть я уже где-то видел этого вампира и, кажется, даже говорил с ним.

— Да, если вам не трудно, — задумчиво кивнул я, а когда обернулся, заметил, что

Николя уже рядом нет. Эльвира тоже развела руками — эти вампиры могут молниеносно исчезать, когда им этого хочется. Что всегда выглядит крайне подозрительно. Такое впечатление, что они все ведут себя так, как будто что-то знают, являясь и потенциальными свидетелями, и убийцами. А может, и теми и другими одновременно. Последнее, пожалуй, ближе к истине.

Я тяжело вздохнул, внутренне настраиваясь на долгий допрос узкого круга лиц. Понятно, что вызывать весь экипаж и всех пассажиров не имело никакого смысла. Все были взволнованы произошедшим убийством не меньше меня, и будь у них хоть какая-то информация, сами бы прибежали с докладом. И ведь ещё прибегут...

Эльвира, согнав меня со стула, в третий раз переписывала заметку, мучаясь над названием будущей статьи: «Таинственное убийство на лайнере вампиров», «Зловещая смерть на море» или «Свежий труп с карандашом в груди»?

— Они пришли, пан полицейский, — подобострастно раздалось рядом.

В дверном проёме опять торчала голова услужливого субъекта с моноклем. Его улыбка исчезла, как только он стал усиленно заталкивать в комнату целую процессию вампиров. Впрочем, когда они вошли, оказалось, что их только трое. Хотя трое — это тоже было много, когда ждёшь одного конкретного.

— Кто из вас Лестат? — Я удивлённо воззрился на вошедших.

— Я Лестат, — сплюнув жвачку на пол, сказал старый вампир с длинными седыми космами на затылке, похожий на обгоревший скелет, одетый в больничную пижаму.

— Мы все, — нервно поправил его лысый вампир с бегающими глазками в строгом костюме при белом галстуке-бабочке со следами оранжевого кетчупа и почему-то в сандалиях.

Третий, в молодёжно-байкерском прикиде, равнодушно кивнул и поднял два пальца вверх в знак «foreva»...

— Они все трое Лестаты, — методично подчеркнула запись в блокноте Эльвира, уступая мне место.

— Мне нужен только тот, кто до недавнего времени был секретарём у Арона Мультиури и встречался с ним вчера. Вы? — Я обратился к лысому вампиру явно бюрократического вида.

Кажется, ошибиться тут было невозможно, но мне повезло. Лысый отрицательно покачал головой.

— О нет... Я крупный промышленник и банкир Лестат, на мои плечи как раз и ложится всё финансирование этого ежегодного мероприятия, — сказал он дрожащим голосом.

— Понятно, почему у вас такой замученный вид, — пробормотал себе под нос я. И, обращаясь к старому вампиру, уточнил: — Тогда секретарь, видимо, вы?

— Нет, нет, нет... — испуганно отшатнулся он, пятясь назад, но дверь была надёжно прикрыта.

Тогда старик повесил голову и тихо забормotal, постепенно повышая голос:

— Я нелегал... У меня нет визы, но на конференции всегда так вкусно кормят. Вы вправе сдать меня в порту, но знайте, это будет неблагородный поступок! Недостойный такого красивого, умного, привлекательного офицера, как вы. Ваша милая девушка вам этого не простит! Да, месье, не простит. Правда, мадемуазель?

— Лестат-нелегал, — хладнокровно чиркнула у себя в блокнотике Эльвира. — Думаю, мы можем вас отпустить. До приезда миграционных властей, разумеется...

— Тогда, полагаю, вам нужен я, — скромно поклонился и вышел на шаг вперёд третий — потрёпанного вида брюнет-байкер, в тёмных очках и кожаном прикиде, более всего похожий на вышедшую в тираж рок-звезду. — Я так понимаю, вы хотели допросить именно меня?

— Пока это неофициальный допрос, — честно предупредил я. — По прибытии корабля в порт вас будут ещё раз допрашивать те, кому поручат это расследование. Я же могу лишь надеяться, что вы не откажетесь посотрудничать с полицией, ответив на мои вопросы. В

противном случае...

Он буркнул что-то невразумительное себе под нос, что должно было означать согласие.

— Остальные могут быть свободны. Но, конечно, если у вас есть для меня информация...

На секунду мне показалось, что пугливый финансист хочет что-то сказать, но вдруг передумал. Старик же явно находился в каком-то отрешённом состоянии — судя по одеянию и туманной пелене в глазах, возможно, что его подняли прямо с постели, точнее, вытащили из чужого надувного гроба.³

— Как долго вы служили у синьора Мультиури? — начал я, когда лишние присутствующие покинули каюту. — Почему уволились? Или за что вас уволили?

— Да, меня уволили. Этому старому хрычу не нравилось, что мы с моей рок-группой ночами репетируем в секретарской. Ну и потом, он дважды поймал меня с наркотиками.

— Вы употребляли наркотики? — сразу построжел я, делая знак Эльвире. Она тоже сдвинула брови и сделала пометку с двойным подчёркиванием.

— О, слегка покуривал травку, как и все музыканты, — безмятежно отмахнулся Лестат. — Но один наркоман в обществе сплошных алкоголиков выглядит бельмом на глазу. Там, где все пьют сорокалетний коньяк, кокаину не место, с этой формулировкой меня и вышибли.

— Вы употребляете наркотики до сих пор?

— Что вы, офицер, давно завязал, — ответил рок-музыкант с такой мечтательной полуулыбкой, что его сразу можно было арестовывать за хранение белого порошка. Но, увидев мой ответный взгляд, мигом проглотил улыбку и уже без кривляния спросил: — Чем я могу помочь?

Так-то лучше. Я ещё с полминуты посверлил его глазами и продолжил допрос:

— Что вы можете рассказать о вашем бывшем хозяине? Выкладывайте всё. С самого начала.

— Хорошо, но я не знаю, что именно может быть вам полезно. — Вампир сел на койку напротив и потёр пальцами виски. — Его корни из старейшей армянской династии. Большая группа троюродных и четвероюродных братьев-спекулянтов из Армяннии, называвшие друг друга «ара», обосновались в Италии, открыли своё тёмное дельце и постепенно перетасили всю родню и соседей, обставив это дело перед миграционными властями как «воссоединение семьи». Итальянское правительство поздно чухнулось, разбогатевшие на фальшивом коньяке братья уже сменили фамилию и теперь позиционировали себя как добропорядочных граждан, переписав на своём фамильном гербе девиз «Ара! По политуре?!» на «Аро Мультиури». Хотя общий смысл оставался тем же. Ибо кровь без коньяка они не пили, традиционно зазывали к себе в рестораны чертей из самых запойных бомжей и пьяниц, делая из их крови коктейль и отводя душу...

Образ старейшины как достойного гражданина и уважаемого мэтра за каких-то полминуты развеялся в пух и перья.

— Вижу, вы немного разочаровались в «преподобном»? Что делать, жизнь вампира длинна и в массе безрадостна, а как-то зарабатывать на достойный уровень существования надо всем. Тем более что честно трудиться нас не заставишь. Мы лишь эксплуатируем пороки окружающих...

— Да, понимаю, — нехотя выдавил я. Ненавижу такой откровенно-снисходительный тон, никак не могу привыкнуть. Но надо! Если хочешь жить в обществе, приходится соответствовать и быть толерантным даже по отношению к таким высокомерным типам.

³ Вампиры сейчас берут в поездки не только надувные гробы, но и пакет могильной земли для аромата, что гораздо практичнее прежних негабаритных дубовых гробов, набитых чернозёмом. С запуском массового производства надувных гробов многие мебельные фирмы и компании по грузовым перевозкам обанкротились. Но зато экологи праздновали победу: спасённые от вырубки дубовые рощи сохранялись для летних оргий крылатых баньши.

Хотя его хозяин, похоже, был ещё хуже.

— Когда вы его в последний раз видели?

— Вчера вечером. Мы сохранили видимую вежливость отношений.

— У него были враги?

— Не больше, чем у любого из нас, — пожал плечами вампир. — Но Арон презирал их. Он даже таскал в халате осиновый карандаш с надписью «Мemento мори!», демонстрируя, что не боится смерти. Разве что...

— Продолжайте.

— Я не уверен, что это важно, однако... В последнее время старик склонялся к переменам. Ходили упорные слухи, что его речь на конференции должна была произвести настоящий переворот. По крайней мере, уж точно поставить точку в вечном споре традиционалистов и сторонников искусственного питания.

— Думаете, великий Мультиури стал бы пить соевую кровь? — хмыкнула моя «стенографистка».

— Думаю, что многие политические вопросы в наше время по-прежнему решаются деньгами, — всё с той же полуулыбкой ответил Лестат. — Я могу идти?

— Да. Если вы снова понадобится мне...

— Всегда к вашим услугам, офицер. И я действительно завязал, поверьте.

Угу, так и поверил, нашёл наивного дурачка...

Когда бывший секретарь покойника вышел, мы вместе просмотрели записи. Ничего особенного, но и не так уж плохо для начала. По крайней мере, теперь мне понятно, на кого стоит обратить более пристальное внимание, а кого вызвать на допрос вторично. Хотя мотив преступления по-прежнему неясен. Месть, борьба за власть, личные счёты, роковое стечение обстоятельств? А возможно, и всё сразу...

— Ты знаешь, в какой каюте остановился твой учитель Хам Хмельсинг?

— Да, я его приведу, — охотно откликнулась Эльвира. Ей явно нравилось принимать участие в расследовании. Уж куда больше, чем самой быть жертвой преступления...

— Не стоит, здесь найдётся кого послать, — задумчиво буркнул я. — У меня почему-то такое чувство, что наш добровольный помощник никуда не ушёл.

— Вы правы, пан полицейский. — Из-за двери мгновенно высунулось знакомое лицо. — Я подумал, что вам ещё может понадобится помощь.

— Конечно. Спасибо за содействие. Кстати, как вас зовут?

— Как меня зовут, месье? — удивился он.

— Да, как вас зовут? — с нажимом повторил я. Когда тебе вот так старательно навязывают услуги, это портит настроение, мешает думать и наводит на нехорошие подозрения. — Ладно, идите и позовите Хама Хмельсинга, это пожилой чёрт из каюты... — Я обернулся к Эльвире.

— Девяносто восемь, — сказала она, оторвавшись от записей.

Вампир с усами быстро кивнул и испарился.

— Станный тип, — поморщилась моя подруга. — Так и не представился, хотя ты просил его дважды...

— Согласен. Иногда бывает, что кто-то пытается примазаться к расследованию, чтобы хоть как-то компенсировать свою личную несостоятельность.

— Но ты допросишь и его тоже?

Я, подумав, согласился:

— Обязательно, но позже. Пока пойдём по списку. А по списку у нас следующий...

К нам постучали, и в каюту буквально влетел нечёсанный хамоватый профессор. Судя по блаженной улыбочке и ословелому взгляду, он опять был пьян.

— Вы меня...? — Он со значением поднял одну бровь.

— Да, звал. — Я уже понял, как с ним разговаривать, да и Эльвира переведёт, если что. — Мне необходимо задать вам несколько вопросов.

— Вы подозреваете меня в...?!

— Нет. Официально вы помогаете следствию. Если не возражаете, конечно?

— Конечно, я...! — язвительно вскинулся он.

Переглянувшись с Эльвирой, мы предпочли счесть, что не возражает.

— Можете вы сказать, где вы были в промежутке времени с десяти утра и до начала конференции?

— Разумеется, могу, но не...! Я гулял по верхней палубе, немного принял для... И смысл мне кого-то...?!

— Не убивали? Ясно. Вы знали убитого?

— Не имел... — презрительно сплюнул прямо на пол Хам Хмельсинг.

— Понятно, не имели чести, — поморщился я.

— Да, вы совершенно правильно...

— Что ж, вы свободны.

— Свободен? Но...

— Что «но»? — вздохнул я, не собираясь больше помогать профессору, доозвучивая за него фразы. Но, поскольку он тянул с ответом, явно издеваясь, пришлось уступить. — Вы что-то видели?

Хам Хмельсинг снова сфокусировал внимание на мне, подумал и решился:

— Она плакала в коридоре, но я не знаю, что... Хотелось подойти и спросить, может...

— Кто плакал?

— Та чертовка с... Но она отвернулась и начала рисовать себе...

— Что рисовать?! — окончательно запутался я.

Пьяница выразительно ткнул себе пальцем в глаз, пояснив:

— У неё потекла вся...

— Ладно, большое спасибо. — Я потерял терпение, встал и распахнул дверь. — Вы свободны.

Старик увидел открытый выход, икнул и, покачиваясь, вышел, один только раз ударившись лбом об косяк. Причём не обиделся и не удивился...

Эльвира сострадательно покосилась на меня. Ей-то привычно, этот тип у неё преподавал, а я уже чувствовал повышенное нервное сердцебиение. Может, сделать короткий перерыв? Но нет, отдыхать некогда, до вечера нужно проверить максимальное количество подозреваемых...

— Мне нужен список пассажиров.

В дверь тут же заглянул мой добровольный помощник:

— Конечно, сейчас сбегая к капитану! Могу ли я ещё чем-нибудь быть полезен, офицер, может, чашку кофе? Немного виски? Хорошо прожаренный стейк?

— Нет, спасибо, я работаю.

— Да, понимаю, понимаю, — закивал вампир. — Быть может, тогда мне заменить вашу спутницу? Она явно устала, и я мог бы вместо неё записывать показания подозреваемых. У меня очень хороший почерк. В прошлом столетии я служил секретарём у Бориджей!

Я поднял на него заинтересованный взгляд, встал, шагнул к дверям и повторил:

— Спасибо, нет.

— Конечно, конечно, вам видней. Но если я только понадобится — к вашим услугам, сэр!

Он резко развернулся, чтобы бежать выполнять поручение, но...

— Где вы были сегодня с десяти утра и до начала конференции? И кстати, как вас зовут? — быстро спросил я, перехватывая вампира за рукав, прежде чем он успел выскочить в коридор. Я давно заметил, что у него не было биджики, это подозрительно, хотя и могло иметь вполне невинное объяснение — забыл нацепить с вечера или потерял в суматохе на конференции...

Он застыл на месте и, не поворачиваясь, медленно ответил:

— Не помню.

— Как это? — вмешалась Эльвира, сразу хватая блокнот. — Не помните своё имя? Как

интересно...

— Вы хотите знать моё имя? Правда?! — неожиданно просяив, обернулся вампир. Клоунничает или говорит серьёзно, я пока не мог понять. — Что ж, тогда начну издалека. В тысяча триста двадцатом году мой дедушка вступил в Союз левых радикалов, правого крыла, центристского толка натуралов, под знамёна Ричарда Покусаю Всех На Месте! Помните его? Он был такой натурал, что всегда ходил только голым и чуть было не сделал нашу страну вампирской монархией. Тогда ещё была популярна песенка: «Делегат делегату брат! Будь вампир ты, а будь депутат. От чертей, от горгулий, неважно — долю крови получит каждый!» А знаете, кто сочинил этот гимн? Вы не поверите, именно мой дедушка! Так вот потом он...

— Стоп. — Я хлопнул ладонью по столу. — Какое это имеет отношение к тому, где лично были вы с десяти утра до заявленного начала речи господина Арона Мультиури?!

— Честно говоря, никакого, — подумав, признал вампир. — Просто я думал, что вам как образованной личности должно быть интересно, почему я стал таким, что и имени своего не помню. А ведь корни моей плохой памяти кроются ещё в глубокой древности. Например, моя двоюродная прапрапрабабушка забывала даже свой собственный адрес! В детстве её постоянно приводили домой соседи, разумеется укутанную и накормленную, что, как вы понимаете, очень устраивало её родителей...

— Ладно, мы с вами ещё поговорим, а пока вы свободны. Только принесите мне список всех участников конференции и позовите...

— Никого не звать! — решительно поднялась Эльвира. — Я мигом на кухню, и пока ты не поешь, никаких больше допросов!

Через пятнадцать минут она заставила меня съесть два кекса и практически силой влила в горло чашку горячего чая с лимоном. И только когда я, сытый и довольный как удав, развалился на койке, то понял, как же я на самом деле устал. Ничто так не утомляет психику, как допросы, а допросы вампиров вдвойне. Они же врут на каждом шагу — по поводу и без повода. И не потому, что хотят, просто не могут иначе, традицию потенциальной лжи они впитывают с молоком матери...

— Ты сыт?

— Вполне.

— Отдохнул?

— Ну так...

— Тогда пошли. — Эльвира быстро встала из-за стола, хватая меня за рукав. — Идём на палубу, тебе надо элементарно проветрить мозги.

— Нет, мне ещё кучу народа нужно допросить, — вздохнул я.

— Успеешь. Никуда они с корабля не денутся. По крайней мере до заката, когда превратятся в летучих мышей и попробуют сдунуть отсюда как тополиный пух.

— Тем более. Значит, у меня времени только до заката.

— Мы в море, милый. Летчим мышкам ни за что не долететь до берега.

Подумав, я согласился выйти на палубу. Она была права, мне нужно сменить обстановку, чтобы хоть на десять минут подставить лицо под потоки свежего морского воздуха и...

Я не успел закончить мысль, потому что за дверью раздался неясный шум, толкотня и вскрики. Да что ж там такое? Ага, это верный Чунгачмунк активно отпихивал в сторону моего нового помощника «забыл своё имя».

— Я обещал, что буду помогать вам, мой бледнолицый брат! А этот подозрительный тип не хочет уступать мне место.

— Я тоже помогаю полиции! — в свою очередь возмущался вампир с усиками. — Какого дьявола этот краснокожий дикарь лезет не в своё дело?!

— Полиции должны помогать честные граждане. А все вампиры на этом корабле под подозрением.

— Что, я под подозрением?! — картинно схватился за сердце вампир. — Вы меня

арестуете?

— Успокойтесь, никто не под подозрением и никто не будет арестован, — тяжело вздохнул я. — Если вам обоим нечем заняться, так и быть, станьте у дверей, охраняя мой кабинет и записи от посторонних лиц.

— Слушаюсь, сэр!

— Хук, мой бледнолицый брат!

Я покачал головой, зашёл обратно в каюту, сунул протоколы допросов за пазуху (не оставлять же их с этими подозрительно-активными «добровольцами») и вышел вслед за Эльвирой прочистить мысли на свежем воздухе.

Выходя на палубу, я чуть не сшиб стройного вампира с заплаканными глазами.

— Грубиян, вы наступили мне на ленточку от пуант! — истерично выкрикнул он.

Я поспешно сделал шаг назад и посмотрел под ноги. На нём действительно были пуанты, развязавшуюся ленточку которых он сейчас завязывал, изящно вытянув вперёд ножку, как балерун в заштатном кафешантане. Собственно, улыбающуюся журналистку он-то пропустил, а вот мне напрочь загородил дорогу. И с какой целью — непонятно, я всё равно обошёл его...

Этого вампира я механически отметил ещё вчера. Он о чём-то страдал в сторонке, и его «очаровательное» лицо выражало большую внутреннюю муку. Парень был одет как богатый плантатор Нового Света, пытающийся выглядеть французским дворянином восемнадцатого века — бархатный камзол, сорочка с пышным жабо и до черноты засаленными кружевными манжетами. И вообще, на мой взгляд, на нём было слишком много кружев...

— Держу пари, на нём даже трусы с кружевами, — словно прочитав мои мысли, заметила Эльвира мне на ухо, приподнявшись за моей спиной на цыпочки.

Меж тем манерный тип в пуантах величаво расхаживал взад-вперёд, нигде не задерживаясь дольше чем на минуту. Если он к кому-то обращался, большинство присутствующих делали вид, что не слышат, и ретировались, а если кто-то особо приветливый отзывался, он сразу закрывал лицо руками и, рыдая, убегал.

— Моё имя Льюи Слёзы де Пуант дю Лак, — неожиданно подбежав ко мне, сообщил он. И отбежал так же резво, даже не дождавшись моей реакции.

Угроздило же родителей так назвать ребёнка, такое имя не забудешь, как и его самого. Впрочем, я уже вроде говорил, что вампиры нормальной психикой не отличаются...

— Он на тебя как-то странно поглядывает, — нервно заметила Эльвира. — Говорят, ему нравится ходить в пуантах и красить ногти лаком. Ну как если бы этим он отдавал дань уважения своим предкам, славным де Пуант дю Лакам.

— А ты откуда всё знаешь?

— Ха! Вообще-то я уже третий год освещаю как представитель прессы эти их конференции, — поморщила носик моя спутница. — Мне надо в дамскую комнату, быстренько покурю в форточку и вернусь. Если начнёт приставать, просто рявкни на него погромче, особенно он боится маленьких девочек, используй это.

— Как? Я не очень похож на маленькую девочку!

Кажется, я начал паниковать, что просто неприемлемо для представителя порядка, тем более при исполнении.

— Ну тогда брось в него носком.

— Неужели помогает? — удивился я, смутно представляя, как буду при всех снимать обувь, отбиваясь носками от манерного вампира в пуантах. — А если промахнусь?

— Не знаю, сама не проверяла, но многие специалисты рекомендуют. И целься лучше!

Что бы там ни рекомендовали многознающие специалисты, я не собирался над этим задумываться, голова была занята более важными проблемами. Кто убийца? У кого были мотивы? Случайна ли эта смерть? Не было ли подобных убийств в прошлые годы? Не имеем ли мы дело с серийным убийцей?

Пока после четырёх допросов в плане расследования я топтался на том же месте. Но предаваться чёрным мыслям не хотелось, я, наоборот, надеялся проветриться, чтобы потом

со свежими...

И тут этот Льюи Слёзы неожиданно вцепился мне в рукав:

— Пойдите, не уходите. Вы эффектный мужчина, а все эффектные мужчины всегда меня влюбляют. Ах, как я устал от этого...

— Да не собираюсь я в вас влюбляться, — довольно жёстко пресёк я приставания вампира, отдирая от себя его руку.

Но парень оказался неожиданно сильным и наглым, жарко шепча мне на ухо:

— Они любили меня, но их любовь была холодна, а в вас чувствуется животная варварская страсть! Наденьте же на меня наручники.

— В каком смысле? — попятился я.

— Ну арестуйте меня, это я убийца! Я хочу, чтобы только вы, лишь вы один надели на меня это холодное железо, силой сковали мои руки, ограничили мою свободу и повели за собой.

— Да идите вы, — попытался отмахнуться я, позорно пятась к спуску на нижнюю палубу.

— За вами куда угодно! — кричал Льюи, заливаясь слезами счастья. Я попробовал отодвинуть его в сторону, но вампиры невероятно сильны, не каждому чёрту с ними потягаться.

Тогда я вспомнил совет Эльвиры и как можно громче рявкнул:

— Пошёл прочь с дороги, грязный извращенец! А то всё маме расскажу.

Быть может, маленькие девочки сейчас выражаются иначе, но Льюи прикрыл выпучившиеся от ужаса глаза ладонями, сгорбился и, рыдая, бросился прочь. Хорошо хоть носком не пришлось воспользоваться, а то со стороны полицейского офицера это выглядело бы как-то глупо. То есть куда глупее, чем в обычном случае...

Ну, наконец-то меня оставили одного, но, как оказалось, ненадолго. По палубе ко мне спешил капитан.

— Как продвигается расследование, сержант?

— Кое-что уже проясняется, — уныло соврал я. — Но мне потребуется список пассажиров.

— Конечно. Через пять минут мой помощник принесёт его вам.

— Благодарю.

— И вот ещё, там по средней палубе бежит пассажир и орёт, что он убийца, — флегматично добавил капитан. — Похож на психа в пуантах, но мало ли...

О небо, только этого мне ещё не хватало. Если слезливый Льюи убедит всех окружающих в своей виновности, мне никогда не докопаться до правды. Настоящего убийцу просто не будут искать, наши суды тоже не заинтересованы в долгих расследованиях, им бы лишь кого засадить...

— Мы взяли на себя смелость запереть его в его же каюте. Впрочем, он особо и не сопротивлялся. — Подбежавший к нам матрос передал капитану ключ.

— Хорошо. Вы всё сделали правильно, — вынужденно согласился я. — Пойдёмте, посмотрим на это чистосердечное признание.

По пути к нам присоединилась Эльвира, которая только-только успела вернуться с перекура. Надо будет побеседовать с ней на эту тему, не люблю, когда от девушки пахнет сигаретами, даже вполне пристойными...

— Проходите, офицер. — Капитан открыл дверь каюты сто один и пропустил меня вперёд. — Вот он. Я, с вашего разрешения, пока займусь своими обязанностями.

Он козырнул мне и вышел. А в каюте, естественно, мирно сидел себе пристававший ко мне всего пять минут назад блондин с заплаканными глазами — Льюи де Пуант, чёрт его побери, дю Лак! Он всё же достал меня, не так, так эдак! Признаюсь, в первую секунду, когда я встретился с его наглым взглядом, у меня по телу даже мурашки побежали, а потом появилась здоровая злость...

— Я знал, знал, что вы придёте за мной, эффектный мужчина! Ещё никто не проходил

мимо меня просто так, а вы намеренно наступили на мои пуанты... О, это был знак!

— Сейчас он будет рассказывать тебе историю своей жизни (вернее, нести тот бред, что напридумывал сам себе за двести лет вампирского существования), пока не сведёт с ума сентиментальными описаниями своих чувств к скрипачам, маленьким девочкам и французскому театру. — Эльвира быстро спряталась за мою спину, шепча на ухо. — А если сойдётся, то начнёт всё сначала! Некоторые мои коллеги застревали у него на целую неделю. Не все из них сохранили рассудок, а выживших вообще было немного.

— Почему?! — так же шёпотом, краем рта спросил я.

— Потому, что вампир не может не есть неделю. Он всех журналистов уже достал предложением дать интервью. И ведь до сих пор попадают наивные идиоты, что идут к нему как овечки, а он натурал...

— В смысле? Я думал, совсем наоборот...

— Тьфу на тебя! Вечно у мужчин одно на уме, — смешливо фыркнула она. — Натурал — в смысле традиционалист, пьёт кровь. И журналистскую особенно!

Но Льюи, кажется, даже не слышал Эльвиры, по крайней мере, не обращал на неё никакого внимания. Он пристально смотрел лишь на меня.

— Говорят, вы полицейский. Если это так, то я вторично прошу арестовать меня, милостивый господин! Ибо я и есть убийца. — Он сделал многозначительную паузу и продолжил, беззастенчиво разглядывая меня: — У вас необычные черты лица. Вы славянин? Да! Ведь поляцкие упыри называли вас пан Браздинский. Чудесно, чудесно... Вот только пан меня ещё не арестовывал.

Я устало кивнул Эльвире, она достала из сумочки блокнот и авторучку. Делать нечего, приступим к допросу на его условиях и его территории. Посмотрим, кто кого...

— Итак, вы — убийца, я правильно вас понял? Вы признаётесь, что убили Арона Мультиури?

— Арона Мультиури? О, возможно, среди них был и Арон. Я убил тысячи и не спрашивал, как их зовут, — обиженно отвернулся вампир.

— Вы что, издеваетесь?! — остолбенел я.

— И буду продолжать убивать, если только вы меня не остановите! Я убийца! Убийца!

— Не беспокойся, на самом деле он убивает только крыс и газетчиков, — шепнула мне Эльвира, опустившись в кресло и запрокидывая ногу на ногу. — Хотя это тоже некрасиво. Успокойтесь, господин Пуант дю Лак. Всё в порядке, мы вас непременно арестуем. Хотя бы за намеренный увод следствия по ложному следу...

— О, да вы, кажется, журналистка, моя прекрасная? Хотите взять у меня интервью?

— В другой раз, господин дю Лак, — мгновенно собралась Эльвира. — Сейчас я немного занята.

— Правда? — капризно надул и без того слишком пухлые губы навязчивый вампир, недоверчиво оглядывая Эльвиру. Повернулся ко мне, состроив приветливую улыбку, и опять начал гнуть своё: — Хотите, расскажу вам историю своей жизни?

Моя спутница предупреждающе округлила глаза, сигнализируя: «Не поддавайся!» Я обречённо взял из её рук блокнот и приготовился записывать.

— Это ваша каюта?

— Нет, просто каюта... — загадочно отозвался Льюи. Интересно, чья же, как не его, была эта одноместная каюта с прачечной через стенку. Матросы сунули дебошира куда надо.

— Кто вы по профессии?

— Я вампир, — гордо ответил он.

— Понятно...

Все вампиры так говорят. Они думают, что вампир — это уже профессия, им и в голову не приходит, что кто-то на этом свете ещё и работает.

— Я наблюдал за вами... — Дю Лак многозначительно подвигал подщипанной бровью.

— Не отвлекайтесь. Вопросы здесь задаю я.

— И что? Неужели вы не почувствовали нитей связующих нас токов?! А потом, когда

вы заговорили со мной и что-то изменилось в самом воздухе... — Он посмотрел на Эльвиру злобным взглядом, откровенно говорящим, что она здесь лишняя, и снова повернулся ко мне с елейной улыбкой. — Нам обоим дьявольски повезло, что мы встретили друг друга! Присядьте, я расскажу вам про мой последний рассвет и прощание с солнцем...

— В другой раз, — поспешно возразил я, потянув за руку сидевшую в кресле Эльвиру и пытаясь к двери.

— Другого раза может не быть, ваша жизнь быстротечна, а мне уготовано иное. — На длинных ресницах Льюи блеснули слёзы.

— Минуточку, — задержался я. — Какое ещё прощание с солнцем? Вы же и так родились вампиром?

— Ах тот багрово-алый закат! О, это был волшебный миг, навеки запечатлённый у меня в сердце. Не верьте тем, кто думает, что у нас его нет... — не обращая на меня внимания, продолжал врать Льюи. — Итак, слушайте и внимайте, я готовился стать самым великим вампиром...

Эльвира ткнула меня в бок кулачком, и я будто очнулся от нервного оцепенения:

— С вами всё ясно — вы не убийца, вы больной!

— О как жестоко вы ошибаетесь...

— Пока считайте себя запертым под домашним арестом. Но если посмеете ещё хоть раз отвлекать меня от расследования, попрошу капитана перевести вас в карцер, — жёстко обрезал я, и мы с Эльвирой покинули каюту.

— Куда же вы? Я только начал, мы могли бы так хорошо поговорить, без этой настырной... — выкрикнул было Льюи, но тут же, равнодушно укладываясь на кровать, добавил: — Хорошо, мой герой, я дам вам интервью позже, вы ведь вернётесь... ко мне...

Суровый капитан терпеливо ждал нас в коридоре.

— Что скажете? — спросил он, протягивая мне листок со списком пассажиров.

— Он никого не убивал, маниакально-психический бред от невестребованности в обществе. — Я с трудом сдерживал злость на отнявшего у меня столько времени и немало потрепавшего нервы идиота-вампира.

— Так я и думал, — флегматично кивнул капитан корабля и, пожелав мне удачи в дальнейшем, направился вверх по трапу.

— Вы позволите мне записать ваше мнение по поводу всего произошедшего? — елейно пропела Эльвира и, подцепив капитана под локоть, удалилась вместе с ним. Ничего личного, только работа, как говорят все журналисты... Ненавижу их профессиональную этику!

Из-за случившейся трагедии все запланированные по расписанию мероприятия на сегодняшний день были отменены и объявлен повсеместный траур. Я походил по палубам, надеясь выбросить из головы все мысли об этом убийстве, но автоматически посматривая по сторонам, не ведёт ли кто себя подозрительно? Моё следствие опять зашло в тупик...

Я уже не знал, за что уцепиться. Оставалась речь Арона, которая, возможно, была написана и которую, так же возможно, похитил убийца. Вот её непременно следовало найти, она ключ к разгадке смерти старейшины! Обычный обыск ничего не даст, вряд ли преступник держит экземпляр у себя в каюте на столике. К тому же никто не позволит мне без специального разрешения прокурора шарить в багаже иностранных гостей. Так что остаётся полиция? А ничего, ждать...

Вследствие траура все пассажиры были предоставлены сами себе. Кто-то читал, кто-то скорбел, кто-то пил. В игральном салоне скучающие вампиры коротали время, потягивая соевую кровь и перекидываясь в примитивного дурачка и пиковую даму. А вы думали, в покер и вист? Угу, как же, они ведь только мнят из себя аристократов.

— Как продвигается расследование, месье офицер? Не хотите ли немного отдохнуть и сыграть с нами партейку?

Но, бросив наметанный взгляд на все три карточных стола, за которые меня приглашали, я быстро оценил обстановку:

— У вас меченые карты, у вас четыре туза в рукаве, у вас краплёная колода, а вы двое

кашлянием и перемигиванием подаёте играющим сигналы о картах противника.

Повисла нехорошая тишина. Когда я вышел из салона, прикрывая за собой дверь, там внутри уже назревала логичная драка. Играли-то на деньги, а кому приятно чувствовать себя жертвой шулера?! В другое время я бы, конечно, исполнил свой служебный долг и вмешался, но сегодня у меня было дело поважнее. Я должен был изучить предоставленный капитаном список пассажиров и продолжить допрос.

Пришлось вернуться в тринадцатую каюту, на страже которой честно стоял одинокий теловар. Рьяный помощник-вампир, как я понимаю, куда-то исчез. А вот индейский вождь при моём появлении радостно подпрыгнул:

— Где ты был, мой бледнолицый брат? Почему на твоём служебном поясе нет скальпов? Узнал ли что-нибудь важное для расследования?

— Вот понять не могу, почему индеец, ненавидящий вампиров, так хочет поймать убийцу вампира? — не выдержав, задал я вопрос, который меня мучил с момента, когда «черепаха» предложил свою помощь.

— Я должен, брат, — сурово кивнул он. — Как и ты, я лишь исполняю свой долг.

— Какой долг?

— Служить порядку, старший брат.

— Понятно.

Я покачал головой, открыл дверь и пропустил его вперёд.

— Где вы были с девяти утра и до начала конференции? — ровно начал я, садясь сам и кивнув на койко-место напротив.

— Ты подозреваешь меня?! — Чунгачмунк сделал каменное лицо, не реагируя на приглашение садиться. — Я воин, а не убийца!

— Нет, я задаю этот вопрос всем кому только можно, — вздохнув, признался я. — Конкретных подозреваемых пока, к сожалению, нет. Можете мне помочь?

Чеканное лицо индейца слегка расслабилось.

— Разузнайте у свидетелей, сколько времени отсутствовала на шлюпочной палубе девушка, которая всё время ходит с этим певцом, Эдиком Калинкиным. Её зовут Памелла... — я заглянул в список, — Памперсон. Но сначала найдите её и приведите ко мне.

Индеец молча кивнул, со значимым видом стукнул себя кулаком в грудь и бесшумно выскользнул в дверь. Я же углубился в список пассажиров, не ожидая, впрочем, найти там хоть сколько-нибудь весомую зацепку. Все эти имена (за исключением нескольких услышанных вчера и сегодня на корабле и с кем я успел познакомиться) мне были неизвестны. Я неожиданно узнал, что приведённых ко мне троих Лестатов звали: Лестат Великолепный, Лестат Так Себе и Полный Лестат! Кто из них кто, я без особой необходимости решил не уточнять. Вполне возможно, что тот, кого я допрашивал, даже не был Полным...

Буквально через несколько минут в каюту постучалась и вошла Памелла. Девушка явно была напугана, она отводила глаза и кусала губы, а судя по мокрым глазам, еле сдерживалась, чтобы не заплакать. Бедняжка явно находилась на предпоследней грани истерики.

— Присаживайтесь, пожалуйста.

Она прикусила губу и села с прямой, как линейка, спиной.

— Вы знаете, что на корабле произошло преступление. Сразу предупрежу, что ни в чём не подозреваю лично вас, просто таковы наши полицейские правила, мы обязаны допросить всех. Понимаете меня?

Она молча кивнула.

— Вы в порядке? Может, хотите стакан воды?

— Нет...

— Хорошо, тогда скажите, где вы были в предполагаемое время убийства?

— Загорала на палубе у бассейна.

— С самого утра и до начала конференции? — уточнил я.

— Да, — не моргнув глазом солгала она.

— То есть в течение почти шести часов вы ни разу никуда не уходили?

Она, жутко покраснев, опустила глаза.

— Может быть, только раз... Да, один раз я выходила за кремом для Эдика. Конечно, ведь все слышали, как мы с ним перед этим слегка... мгм... поспорили.

Так, она всё-таки решила не скрывать этого. Меня по-прежнему смущало лишь то, что она пошла за кремом, когда на столе под зонтиком рядом с загорающими была представлена куча кремов для загара. Специально, чтобы вампиры тут же на себе их и опробовали. Впрочем, за отказ от пробников тоже никого не привлечёшь...

В этот момент в комнату бесшумно вошла Эльвира, судя по довольному лицу, интервью было удачным. Она привычно встала позади меня, готовая к работе. Что ж, её помощь как женщины может оказаться бесценной в допросе девушки...

— Почему он послал вас за кремом, когда всё необходимое можно было взять на месте?

— Эдик пользуется только своим, дорогим кремом фирмы «Ypirlaitkondms», — дрогнувшим голосом пояснила Памелла. — А всё, что лежало на столиках у бассейна, было экспериментальное и дешёвое.

— То есть нелейбловое, — не сдержавшись, тихо заметила Эльвира, я опустил голову, чтобы спрятать улыбку. Всеми миру известно болезненное пристрастие вампиров к известным и модным маркам с кричащими названиями.

— Ну и что? — обиженно обернулась к ней девушка. — Вам-то какое дело, что у Эдика есть вкус?! Он сам знает, что ему лучше! Вампиры вообще лучше всех разбираются в качестве, им фуфлю не подсунешь.

— И поэтому вы побежали за его кремом, хотя перед этим он явно оскорбил вас?

— Ничего он меня не оскорблял! Что вы в этом понимаете?! — Её начала бить дрожь.

— Вам холодно? Может быть, накинете мой пиджак?

— Нет, спасибо, у меня всё хорошо! — вдруг пронзительно взвыла Памелла, закрыла лицо руками и зашлась в бурных рыданиях. — Это я! Я его убила! И Эдик! Он мне помогал...

— Каким образом? — осторожно уточнил я.

— Карандашо-ом... — прорыдала она, на секунду подняв голову и посмотрев на меня.

Эльвира подошла к ней и успокаивающе погладила по волосам.

А вот об оружии убийства знали немногие. Похоже, что это признание серьёзно. Но лично я никогда бы не принял Памеллу за убийцу, не видел ни смысла, ни мотива.

— Эдик Калинин? — Эльвира ответила мне недоуменным взглядом. Глаза у неё были совершенно круглые от удивления. Её кумир оказался замешан в грязном преступлении...

— Зачем вы это сделали? — мягко спросил я, кивнув Эльвире, чтобы вела протокол допроса. Дважды просить журналистку о таких вещах не приходилось.

— Видите ли... он не хотел давать согласия на то, чтобы Эдик сделал меня вампиром. Вы же знаете, вампиры очень жёстко контролируют прирост численности собственного населения. Мы все... то есть я пока нет, они все друг другу конкуренты.

— И?

— Мы пошли к синьору Арону попросить разрешения, чтобы Эдик сделал меня вампиром. — Памелла громко высморкалась в платок, который я успел ей подать.

— Кажется, Эдик этого не хотел. Все видели, как вы ругались, — вставила моя подруга.

Мадемуазель Памперсон посмотрела на неё, словно увидев впервые.

— А вы кто такая? И откуда можете знать, хотел он или не хотел?! — вспыхнула она, но так же быстро потухла. — Да, но потом мы помирились, и Эдик признал, что я права. Мы с ним уже два года вместе и подошли к такой черте, когда пора или расставаться, или переходить на новый уровень отношений. Эдик выбрал второе. Несмотря на некоторые противоречия между нами, он меня любит и не захотел меня терять.

— Значит, вы поставили ему ультиматум? — загорелась Эльвира, как истинная

журналистка охочая до сенсаций, даже вымышленных.

— Да, — поджала задрожавшие губки Памелла, сдерживая новые слёзы, пока Эльвира, сияя улыбкой, записывала её показания. — Я не буду давать интервью, если вы что-то из этого опубликуете... я ничего больше не скажу.

— Она ничего не напишет. — Я успокаивающе похлопал девушку по руке. — Но вы же понимаете, что ваше признание и так вызовет большой скандал в вампирском обществе.

Быть может, мне показалось, но на секунду во взгляде Памеллы мелькнуло удовлетворение.

— Так что было дальше? Вы пошли к синьору Мультиури вдвоём?

— Да... то есть, — она запнулась, — нет. Сначала пошла я. Ещё накануне я узнала, какую каюту он занимает...

— Он был один?

— Да, и любезно согласился выслушать меня-а-а... — Памелла снова зарыдала, я молча ждал. Наконец, уняв рыдания и поискав чистое место в платке, она утёрла слёзы и продолжала: — Я сказала ему: «Синьор Мультиури, Эдуард согласился сделать меня вампиром. Почему мне нельзя стать вампиром? Вы же знаете, как давно я этого хочу!» — «Нет!» — сказал он. «Но почему? Вы же знаете, как я предана образу жизни вампира! Я даже соевую кровь пью каждый день, уже два года!» — «Соевую?! Всё! Мне это надоело. Убирайтесь вон! Мне надо готовиться к выступлению, на котором я расправлюсь, как с толстыми крысами, с вампирами-отступниками с их „современными“ взглядами!» В этот момент я и... то есть в этот момент в комнату на крыльях мести (достойнейшая вампира страсть!) ворвался Эдик. Он услышал последние слова старого хре... этого уважаемого старца. «Вы не смеете так разговаривать с моей девушкой!» — вскричал он гневно. Он у меня такой благородный. «Ещё один изменник, вон отсю...» Не знаю, что хотел сказать Мультиури, потому что Эдик уже выхватил карандаш (он всегда подкрашивает брови) и пронзил этого дряхлого идио... мудрого отца вампиров в самое сердце. Он умер не сразу, пришлось добивать, засаживая карандаш всё глубже и глубже! Ну вот в принципе и всё, — закончила девушка и мило заулыбалась. Слёзы у неё уже давно высохли, она покачивала ножкой под столом и, судя по всему, была вполне спокойна и счастлива.

Я с трудом сохранял хладнокровие. Такая непосредственность просто повергала в шок.

— Хорошо. Теперь посмотрите, правильно ли моя помощница записала ваши показания, и поставьте под ними подпись, если всё верно.

Девушка быстро пробежала глазами запись, кивнула и расписалась.

— Что ж. Теперь я должен вас задержать.

— Вместе с Эдиком? — уточнила девушка.

— Разумеется. Вы и ваш сообщник будете переданы правосудию завтра вечером по прибытии в порт.

— А сейчас нас запрут в одной каюте? — с надеждой приподнялась она.

— Я поговорю на эту тему с капитаном, — пришлось пообещать мне. Пусть думает, что у неё всё получилось. — Пока же вам придётся оставаться здесь. Но для чистоты допроса прошу вас пройти в туалет. Я вас вызову.

— Он будет всё отрицать, — уже совершенно не скрывая своей радости, пропела Памелла. — Но я говорю вам правду. Это мы его убили. После суда нас посадят в одну камеру? Правда, офицер? Как вы думаете, сколько нам дадут?

— От пятнадцати до двадцати пяти, — рассеянно пожал плечами я.

— Прекрасно, мне как раз хватит, чтобы... — Но тут она прикусила язычок.

Когда наша «убийца» скрылась в ванной, мы с Эльвирой страдальчески переглянулись.

— Эта дурочка всё врёт, — шёпотом просемафорила она.

— Врёт, — кивнул я. — Но не всё. Она искренне считает себя убийцей и примазывает к этому Калинкина. А вот он-то тут явно ни при чём.

— Ты так уверен?

— Да. Посмотри, за дверью должен стоять кто-то из наших добровольных

помощников? Пошли любого за этим модным певцом.

— Я и сама могу сходить, — предложила Эльвира, но тут же смилостивилась: — Ладно, ладно, не делай такое лицо, словно ты ревнуешь! Сейчас посмотрим, кто у нас там есть...

Через минуту она впустила в каюту стройного индейца с непроницаемым лицом, но с победно сияющими глазами...

— Вы разузнали то, о чём я вас просил?

— Да, бледнолицый брат, — сдержанно кивнул индеец. — Можно я буду называть тебя вождь Блестящая Бляха?

— Разрешаю, — вынужденно согласился я. — Но не тяните, что удалось узнать?

Индеец с важным видом достал из-за пазухи свёрнутый в трубку листок и, развернув его, торжественно прочёл:

— Она выходила два раза, после второго раза пробыла всего несколько минут и ушла с Эдиком под ручку. Это подтвердили несколько свидетелей.

— Отлично. Пригласите ко мне Эдика Калинкина.

— Да, вождь Блестящая Бляха. Хук тебе!

И он молниеносно скрылся за дверью. Надеюсь, этот его «хук» означает одобрение...

— Интересно, где наш второй добровольный помощник?

— Лорд Рутвен?

— Это лорд Рутвен?! Тот, который обсуждал вчера происхождение вампиров?

Теперь понятно, почему он показался мне знакомым.

— Да, это он, только усы наклеил зачем-то, — повела плечиками Эльвира. — Подозрительно, правда?

Я хмыкнул, сердясь на самого себя. Эти вампиры, конечно, идиоты, и мало ли почему ему вдруг вздумалось наклеить усы (они вообще склонны к маскарадности)? Но то, что он вился всё время рядом и навязывал свою помощь, говорило о том, что ему зачем-то нужно было быть в курсе того, как протекает расследование. И на этот раз идиотом был я, что не заметил это вовремя. Из ванной уже доносился шум льющейся воды и весёлая песенка. Похоже, что мадемуазель Памперсон решила не терять время и принять ванну.

В этот момент в каюту без всякого стука вошёл Калинкин.

— Хотели меня видеть? — вальяжно растягивая слова, спросил он, задумчиво глядя куда-то в угол потолка и держа руки в карманах растянутых штанин. Дверь он открыл ногой.

При виде этого гламурного красавчика Эльвира восторженно вздохнула. Я еле сдержал зубовный скрежет.

— Да. Садитесь, пожалуйста. Прежде всего я должен вас спросить, не хотите ли вы сделать добровольное признание?

— Признание? — сдержанно удивился он. Теперь я понял, что для меня в нём казалось непостижимым, он весь был какой-то мягкий. Нет, не внешне, фигура у него была очень даже угловатой, даже костлявой, я бы сказал. Но в остальном он был словно вата или как флаг на ветру и полностью подчинялся стихии. При этом не выказывая собственных мыслей и эмоций. Будто у него их совсем не было.

— Да, признание в убийстве. Мы тут выслушали рассказ вашей подруги, вот он. — Я протянул ему листок с записью показаний Памеллы. — И подумали, почему бы и вам не помочь следствию.

Томный певец лениво подтянул к себе лист бумаги и начал читать. Только на секунду мне показалось, что его лицо изменило выражение и на нём отразился слабый интерес.

— Понятно... только я этого не делал, — не меняя тона, сказал он, пожав плечами и откидываясь на стуле с блуждающей чарующей улыбкой на губах, которая, судя по прибалдевшему выражению лица моей подруги, уже свела с ума тысячи женщин.

Вот бы встать и врезать кулаком по этому приторно-сладкому личику, чтобы убрать с него эту идиотскую улыбку! Но я вдруг понял, что дело тут даже не в чести мундира, просто у меня не поднялась бы рука, до того он был мил, гадина...

— Но вы заходили вместе к Мультури, как здесь написано?

— Нет. Я там не был. — Он зевнул, не снимая ни на миг с лица своей тошнотворной улыбки.

Не сводившая с него глаз Эльвира едва сдержала сладкий стон. На меня она так никогда не смотрела. Но я, конечно, обычный полицейский, а не модный вампир-певец.

— А где вы были?

— На палубе. Загорал. Потом ходил на массаж. Потом делал стрижку. Кстати, не посмотрите, ровно ли меня подстригли сзади? — Он повернулся ко мне затылком, кажется, там был небольшой перекося, но я заверил его, что всё идеально ровно. Так, маленькая личная месть...

— Не знал, что здесь есть массажный салон и парикмахерская.

— Ну конечно нет, здесь даже примитивного джакузи нет, — слегка раздражённо ответил этот тип. — Я привёз своего парикмахера, а массаж отлично делает мой стилист. Не хотите воспользоваться?

Я покачал головой:

— В другой раз. Примерно в котором часу пополудни вы ушли с палубы вместе с мадемуазель Памперсон?

— Я не слежу за часами. Памелла ушла куда-то по своим делам, а я на массаж, как вам и говорил, — он перекинул ногу на ногу.

— А куда именно пошла мадемуазель Памперсон, вы не знаете?

Он покачал головой.

— Вы узнаете этот карандаш?

Я вытащил из внутреннего кармана своей куртки пакетик и показал ему карандаш.

— Вроде такой есть у Памеллы, — не глядя, ответил он.

— Вы уверены, что он не принадлежит вам?

— Уверен. Я не пользуюсь косметическим карандашом, — гордо заявил он, да и я сам видел, что брови у него светлее тона этого карандаша. Конечно, я не эксперт в таких вопросах, но явно брови не выглядели накрашенными.

— Хорошо. Вы свободны. Точнее, будете. После очной ставки. — Я повернулся к Эльвиру. — Позови, пожалуйста, задержанную. Если она ещё в ванной, поторопи и помоги ей одеться.

— Есть, офицер, — хмыкнула Эльвира, глядя на меня недовольно, никто не любит, когда ими командуют. Особенно свободные журналисты.

Через минуту Памелла вышла к нам в банном халате и наматывая на ходу полотенце на голову. Наконец она выпрямилась, сияя свежим и чистым личиком.

— Пора идти в тюрьму? Я готова, — счастливо возвестила она и только тут заметила Эдика за высокой спинкой кресла.

— А теперь устроим маленький перекрёстный допрос, — улыбнулся я, жестом приглашая парочку сесть рядом на койку.

— Зачем, сержант? Я же сказал, что ни в чём не виноват? Если эта сумасшедшая кого-то убила, чего ради я должен идти в тюрьму?!

— Как ты можешь? — вспыхнула Памелла. — После всего, что нас связывало? После всего, что я для тебя сделала? Этот благородный пан офицер обещал, что нас посадят в одну камеру.

— Что-о-о?! — Похоже, Эдуарду Калинкину впервые изменило хвалёное вампирское хладнокровие.

— Да! Да! Да! Он сказал, что минимум пятнадцать — двадцать лет мы будем неразлучны. Я до сих пор не могу поверить в такое счастье.

— И не верь, — жёстко оборвал её молодой вампир. — Господин Бразинский, я ещё раз заявляю, что невиновен и ни в какую тюрьму не пойду. Вы меня слышите?!

Эльвира закатила глаза, кусая губы, чтоб не рассмеяться. Я откинулся на спинку стула и с наслаждением вытянул ноги. Пока эти двое орали друг на друга, как психованная пара

мартовских кошек, я встал и открыл дверь.

— Присмотри за этими двумя голубками, — попросил я, подходя к дверям и подмигивая своей добровольной «стенографистке». — А вы, Чунгачмунк, следуйте за мной. Надеюсь, у вас есть какое-то оружие?

Индеец в ответ молча откинул полу пиджака, демонстрируя томагавк, украшенный росписью и перьями. Отлично, годится.

— Куда мы идём, брат? — спросил индеец, бесшумно скользя рядом.

— Возможно, арестовывать убийцу.

— Ты истинный вождь, Блестящая Бляха! Я горд, что мне довелось быть твоей правой рукой.

На самом деле повода для гордости было мало, особенно у меня. По крайней мере, пока мы не пришли к нужной каюте.

— Открывайте, Рутвен, я знаю, что вы здесь.

На самом деле я не знал, конечно, но это известный трюк у нас в полиции. В пятидесяти случаях он срабатывает. Изнутри послышался тихий истерический вскрик, шум и невнятная возня.

Я кивнул Чмунку, чтобы прикрыл меня, и тремя ударами ноги вышиб дверь.

— Стоять на месте, вы арестованы по обвинению в убийстве преподобного Арона Мультиури.

Лорд Рутвен прекратил лихорадочное пакование чемоданов и, обернувшись ко мне, резко выхватил из-за пазухи старинный кремнёвый пистолет. Выстрел прогремел так быстро, что, если бы индеец не успел толкнуть меня в плечо, о дальнейшем развитии событий вы узнали бы только из газетных сводок.

Чунгачмунк издал леденящий душу крик индейцев, взмахнул над головой томагавком и тут же превратился в маленькую черепашку с крошечным топориком в левой когтистой лапке. Злодей демонически захохотал и вытащил из-за рукава длинный испанский стилет. Но к этому я уже был готов. Он кинулся на меня, быстрее молнии, но годы занятий в секции дзю-дзю не прошли даром — я перехватил вампира за запястье и резко крутнулся на месте. Нож вылетел из его руки, с хрустом вонзившись в потолок! Вторым ударом я попал ему в висок, вот так дерутся у нас в полиции...

Едва не вышибив головой дверь, лорд Рутвен приземлился, как кошка на четыре лапы, и кинулся от нас прочь по палубе. Когда я попытался его догнать, на меня толпой навалились знакомые упыри из Полякии, вывалившиеся из кают-компания. Усатые паны радостно загородили мне дорогу, доставая из-за пазухи фляжки с чёрным самогоном.

— Цо так поспешэн, пан офицер? Краше випейте з нами.

— Я нэ могу. Он... — Я указал рукой в направлении завернувшего за угол вампира. — Он казал, цо я... цо мы... цо вся Полякия — пся крев!

— Цо-о?! Рэжь курву!!!

И шумная толпа, оттолкнув меня, бросилась в погоню.

— Таки шо происходит? — Из соседнего окошка высунулся характерный нос изряльтянина.

— А шо тут скажешь? — автоматически откликнулся я. — Вон тот необрезанный поц в драном лапсердаке подговорил поваров в камбузе сунуть в соус для говядины некошерный свиной жир. И как после этого жить?

— Бей гоев! — показался и второй изряльтянин. — Таки за это надо убивать на том же месте!

Выпрыгнув из окна, они вытащили из карманов по кастету и мудро кинулись в обход, дабы взять преступника в клещи.

— Задача усложняется, — сам себе под нос пробормотал я. — Покалеченный преступник всегда вызывает жалость суда присяжных.

— Блестящая Бляха, держись, я иду-у! — Из прохода наконец-то показалась запыхавшаяся черепашка.

Я со вздохом подобрал индейца на руки и ускорил шаг. По ходу дела я наглым враньём вдохновил на погоню ещё и кротких виндусов, флегматичных выбриттов и горячих харвадов.

Бегущий впереди солидной толпы Рутвен нырнул в машинное отделение. Всей кучей мы ломанулись за ним и замерли, сражённые ужасным зрелищем. На горке угля, перекрывая стук работающих механизмов, подпрыгивал вдупель пьяный профессор Хам Хмельсинг, истошно вопя:

— Я утащу вас в...!

Присевший рядом Льюи чиркал зажигалкой, поджигая газеты, которыми были обложены стоящие в углу ящики с каменным углём. Эти двое намеревались спалить весь корабль! Три матроса-кочегара, не прерывая своей адской работы, пытались отогнать их лопатами, но пьяный Хам Хмельсинг, увёртываясь и расплёскивая виски направо и налево, старательно орал:

— Поджигай, Льюи, мальчик...! Поджигай их к...! Мы вместе избавим мир от...! Ты будешь единственный, кто...!

Естественно, мы всей толпой — и поляки, и изрыльтяне, и выбритты — кинулись тушить пожар. А Рутвену в общей суматохе, естественно, удалось сбежать. Когда стало ясно, что все справятся и без нас, я потребовал, чтобы Льюи и Хмельсинга задержали и заперли понадежней. А потом, заметив, как знакомая фигура под шумок выскальзывает наверх, подхватил на руки чудом не затоптанную черепашку и в одиночку продолжил погоню.

— Стойте, Рутвен! Вам всё равно некуда деться с корабля. Чистосердечное признание смягчает наказание!

Вампир обернулся и, злобно ощерясь, показал мне язык. Мы дали два круга по палубе, пока подозреваемый не получил небольшую фору и не нырнул в зал, где проходило траурное мероприятие символического прощания с памятью Арона Мультиури. Все вампиры были в одинаково чёрных плащах с алым кантом, что выглядело до жути театрально, но добавляло торжественности. На сцене стоял большой портрет маслом, изображающий обнажённого Арона Мультиури в полный рост, единственной одеждой которого была голубая лента с орденом Почётного миллиона, изображающего золотую овцу. Как же меня достал этот извращённый вампирский гламур!

Я стал искать глазами Рутвена, когда в зал забежал Николя и опять начал с истерики:

— Пожар! Пожар! Мы все погибнем!

Вампиры медленно встали, положили руку на сердце и монотонно запели:

Моя сонная овечка,
Я хотел сказать словечко
О любви, но тут опять прокол...

Моя дивная овечка,
Твой отец пронзил мне печень,
Под ребро вонзая острый кол!

Ну вот, только траурных песен тут и не хватало... Я так понимаю, что ради этой овцы вампиры уже готовы были идти на смерть. На самом деле, конечно, никто из них умирать и не собирався, но многозначительность обстановки того требовала. Пожар угрожал гибелью всему кораблю.

— Может, тоже подпоём? — деловито пихнула меня локтем в бок подросшая журналистка.

— Позже, — отмахнулся я. — Сейчас моя задача — поймать преступника. А ты что же, оставила двоих подозреваемых?

— Да брось. Они уже вовсю целуются. Я заперла дверь и пошла тебя искать. — Эльвира протянула мне ключ. — Кого ты там собрался арестовывать?

— Вон он! — Я указал пальцем на пробирающегося через сцену лорда Рутвена.

— Пожар! Я же говорю, пожа-ар! Спасайтесь кто може-э... — Рот Николя заткнула широкая ладонь капитана.

— Успокойтесь, всё в порядке, — громко объявил он. — Попытка воспламенения ликвидирована. Два пьяных поджигателя заперты в трюме. Продолжайте ваше мероприятие.

Я краем глаза успел заметить, как вампиры бесстрастно уселись на прежние места, спокойно оборвав куплет на середине, и, осторожно обогнув портрет старейшины, продолжил погоню. Выбежав в коридор, я увидел, как он заворачивает за угол, и недолго думая метнул в него черепашку. Тяжёлый панцирь индейца гулко стукнул вампира по затылку! Рутвен рухнул, проехавшись носом по палубе...

— Вы вправе требовать адвоката, но не советую. — Мне хватило минуты, чтобы подбежать, прыгнуть ему на спину, завернуть руки и защёлкнуть наручники. Хорошо, что я всегда, даже при гражданском костюме, ношу с собой наручники. Старая привычка, ещё со времён академии, и она всегда себя оправдывает...

— Как болит спина-а, — раздалось сзади, и вернувшийся прежний облик Чунгачмунк, шатаясь и держась за поясницу, кое-как помог мне поставить Рутвена на ноги.

— Хау, бледнолицый лжец. Тебя будет судить совет вождей!

— Хау-ха-хау... — злобно прошипел пленённый преступник. — Всё это шито белыми нитками. Вы ничего не докажете, у вас ничего против меня нет!

Мы под руки отвели его в тринадцатую каюту на допрос. Отперев дверь, я практически пинками выгнал из каюты двух влюблённых, которые после бурного примирения уже опять начинали ссориться.

Эдик уходил, зажав руками уши, а девушка рыдала и орала ему вслед:

— Мерзавец, подонок, негодяй! Ты всё равно сделаешь меня вампиром, а то по судам затаскаю!

Я заперся на замок и, поставив Чунгачмунка с томагавком на изготовку охранять выход, приступил к ведению протокола. То есть тех записей, которые я должен был предоставить местной полиции по факту сдачи подозреваемого.

— Итак, мистер Рутвен. У меня к вам несколько вопросов. Вы вправе не отвечать, но это отягчит вашу совесть. Когда вы решили убить главу клана традиционалистов Арона Мультиури?

— Ничего я не решал! Вы из меня ничего не вытянете.

— Так, значит, вы всё-таки признаётесь, что убили его?

— Нет, — буркнул лорд, обняв себя за колени и мрачно уставившись в одну точку.

— Но зачем тогда пытались сбежать? Следили за мной, наклеив фальшивые усы? Зачем подслушивали у дверей? Не хотите говорить? Хорошо, давайте я попробую рассказать вам, как всё произошло...

— Попробуйте.

— Скорей всего вы уже были в каюте Мультиури, когда туда пришла мадемуазель Памперсон. Вы спрятались где-то, очевидно в ванной, и слышали всё, что между ними происходило. Девушка умоляла старика разрешить ей стать вампиром (бессмысленная просьба, но она не врала, когда рассказывала об этом). Он отвечал ей, возможно сначала терпеливо, потом и грубо (её настырность кого угодно из себя выведет) попытался выставить за дверь, и девушка (случайно или нарочно) проткнула его своим косметическим карандашом. Но её карандаш не был осиновым.

— Неужели? — не сдержался негодяй.

— Увы, именно так. Косметические карандаши для подводки губ или бровей делают из самой мягкой древесины. То есть в лучшем случае карандаш мог вызвать обморок или шок, но никак не смерть! Старик скорей всего просто притворился мёртвым, чтобы отделаться от неё (по крайней мере, на его месте я бы не упустил такой возможности), девушка убежала. А вы вышли из ванной и решили воспользоваться случаем, зная, что эмоционально неустойчивая мадемуазель Памперсон признается в убийстве при первом же допросе. Вы следили за ходом расследования, чтобы удостовериться, что оно движется в нужном вам

направлении. Но, подслушивая под дверями, поняли, что рано или поздно я догадаюсь, что допрашиваю невиновных, и тогда вы испугались. После первого же короткого допроса вы решили, что я начал подбираться к истине, страх заставил вас потерять голову и броситься в бега...

— Как же, по-вашему, я убил его? А главное, зачем мне его убивать?! Мы были достаточно дружны со старым козл... то есть с покойником.

— Вы увидели в щель или в замочную скважину (я уже убедился, что у вас талант в подслушивании и подглядывании), как девушка ударила Мультури карандашом и тот упал. Вы поняли, что это шанс, и вам в голову пришла гениальная идея — вы заметили в кармане висевшего халата осиновый карандаш с надписью «Мemento мори!»...

В этот миг у Рутвена перекошилось лицо.

— Старина Арон носил его при себе, шокируя друзей-вампиров. Вы схватили это смертельное оружие, быстро и осторожно подточили его ногтем над раковиной (я нашёл там стружку, которая будет приложена к делу) и вышли к Мультури. Возможно, он даже сам позвал вас, крикнув, что девица ушла. Хозяин уже вытащил из груди безобидную деревяшку, рассказал, как провёл её, и вы вместе посмеялись. Но в тот миг, когда старейшина потерял бдительность, вы тут же вставили ему в грудь осиновый карандаш! Мультури умер мгновенно, ведь карандаш вошёл в уже подготовленное отверстие и яд сразу сделал своё дело. Дождавшись, пока стихнут последние судороги, вы вытащили орудие убийства и снова воткнули в рану косметический карандаш глупенькой Памеллы. Теперь все улики против неё были неоспоримы.

— Всё это ложь! Где доказательства? На одних стружках обвинения не построишь, вас засмеют!

Я кивнул Чунгачмунку, и тот быстро обыскал вырывающегося вампира. Карандаш был обнаружен у него в нагрудном кармане.

— Тот самый. Экспертиза покажет, что на нём ваши отпечатки и что именно им был убит Арон Мультури. Я догадывался, что вы не выбросили его. Обычный преступник первым делом избавился бы от орудия убийства, но не вампир! Вы хотели сохранить его как бесценный раритет, а может, со временем и продать на аукционе через подставных лиц — ещё бы, осиновый карандаш, которым был зверски убит всесильный глава клана традиционалистов! Это могло обогатить вас, а вампиры всегда нуждаются в деньгах...

— Да, мне были нужны деньги! — истерически взвизгнул лорд Рутвен. — Он требовал у меня двадцать золотых дукатов, которые я ему проиграл в кости аж в тысяча шестьсот двадцать седьмом году! Представляете, каждое лето он присылал мне вежливое напоминание о долге, на гербовой бумаге с шестью печатями, заверенной нотариусом. За три с лишним столетия это меня порядком достало!

— То есть вы убили его из мести в припадке раздражения?

— Ну-у... не только, — заёрзал вампир. — Процентом на эту двадцатку, как вы понимаете, тоже изрядно набежало. Да, нехорошо как-то получилось. Я вообще-то и не собирался его убивать. Это вышло как-то спонтанно. Девчонка жаловалась ему на того молодого эгоиста, старый Арон только устало отмахивался. Дескать, зачем вам это нужно? Быть вампиром не так хорошо, как вы думаете. Вечная проблема с дневным сном, отсутствие нормального секса, невозможность есть вкуснейшие салаты из свёклы с чесноком, поедание сырых крыс, да теперь ещё и гарантированный переход на искусственное питание. Не говоря уж об этих скучных ежегодных съездах с навязшей в глотке этой дебильной песней про овцу...

— Тут мы вас понимаем, — переглянувшись с индейцем, согласился я.

— Так вот, когда она его ткнула карандашом, я чуть не рассмеялся: дурочка, не этим надо было... И в тот же момент увидел в кармане его парадного халата настоящий осиновый карандаш, который он из выпендрёжа таскал с собой, и... меня осенило! Но как вы догадались?

— Интуиция, логика, дедукция. Но главную роль сыграл тот факт, что вы клеили себе

усы и у вас внешность классического злодея. Особенно эти грозные брови. Судя по безупречной форме, вы их регулярно подщипываете?

— Спасибо, мне приятно, что вы считаете их безупречными. — Не знал, что вампиры могут зардеться, но лорд Рутвен зарделся от удовольствия, пригладив левую бровь наманикюренным пальцем. — Многолетняя практика, постоянное ношение щипчиков и хороший визажист. Вампиру надо следить за собой.

— Вы подпишете признание? — строго спросил я, чтобы напомнить о серьёзности ситуации.

— Да. Почему бы и нет?

— Пожалуйста. — Я протянул ему бумагу и ручку.

— Авторучка? Этим я писать не буду. Я требую традиционное перо и чернильницу! И не могли бы вы открыть окно, здесь тяжело дышать...

Я лишь чуть-чуть приотпустил раму, впуская немного свежего вечернего воздуха, и начал шарить в ящике стола в поисках чернильницы. Капризы, как у нашего Флевретти... Действительно, на теплоходе, где проходят ежегодные конференции вампиров, во всех каютах были и чернильницы и перья.

— Прошу вас. — Я протянул ему перо. Но негодяй лишь улыбнулся и резко вскочил, в мгновение ока превращаясь в летучую мышь. Беспольные наручники со звоном упали на пол...

— А теперь попробуйте меня арестовать, полицейская ищейка!

Этот коварный тип специально тянул время за разговорами, на самом деле просто выжидая наиболее благоприятного часа, когда вампиры становятся сильны и могут трансформироваться.

Видимо, Рутвен надеялся махнуть в окно, скрывшись в темноте, но я успел плеснуть на него чернилами из склянки, впервые в душе похвалив вампиров за бессмысленную приверженность традициям. И тёмно-серое крыло нетопыря, вылетающего в щель полуотпущенного окна, мгновенно окрасилось в фиолетовый цвет!

Мы с Чунгачмунком кинулись вслед, разумеется через дверь, а не в окно, преследуя летучую мышь с меченым крылом. Очень надеюсь, что она не полетит напрямик в море, пытаясь добраться до берега! Я резко свернул за угол и чуть не сбил с ног Эльвиру, идущую с двумя бутылками шампанского.

— Помнишь, я обещала тебе вместе пострелять в этих вампиров, — широко улыбнулась она, указывая на целую тучу таких же нетопырей, кружащих над палубой.

У меня просто не было времени объяснить ей ситуацию, потому что первым же выстрелом из бутылки моя подруга сбила ближайшую летучую мышь. По иронии судьбы ею оказался беглый лорд Рутвен! Судьба-а...

...Через шесть часов в морском порту нас встречали три полицейские машины и одна санитарная. Дежурный офицер принял от меня протокол допроса, искренне благодаря за содействие. Я узнал его, парень с отличием окончил академию на три года раньше меня.

— Этот ваш «лорд Рутвен» давно в розыске, — сказал он. — Ещё двести пятьдесят лет назад он ограбил английского аристократа и завладел его документами. Настоящее имя этого «лорда» Михаил Рывин, но больше он известен в определённых кругах под прозвищем Мишка Бровастый. Ходили слухи, что он давно за границей, и нате вам, взялся за старое, убивать он умеет...

Так вот откуда его маниакальная страсть к уходу за бровями, вот почему он выщипывал брови — чтобы не узнали его преступного прошлого!

Скованного Хама Хмельсинга мне позволили лично сопроводить в машину «скорой помощи».

— Зачем вы это сделали? — вздохнул я. Мне было немного жаль хамоватого старого пьяницу, большей частью потому, что знал: эта история расстроила Эльвиру.

— Вселенная требует, чтобы мертвецы лежали в..., а вампиры — суть мертвецы, они не должны... да ещё разгуливая по нашим городам или устраивая сборища на океанских...

Разве это не противоестественно, вы же сам...?

— Нет, в мире все виды и национальности должны иметь равные права на жизнь и свободу.

— Вы ещё об этом...

— Пожалее? Вполне возможно, — не стал я злить старика, которого ждал сумасшедший дом. — До свидания, месье Хмельсинг. Рад был знакомству.

А вот Льюи Слезы кричал, когда его сажали в полицейскую машину:

— Мы все убийцы! Мы все прокляты! Я признаю свою вину и призываю всех честных вампиров: сдавайтесь сами, идите в тюрьмы, только там мы искупим вековую вину нашего народа!

Все старательно отводили глаза и, как я понимаю, разделять его энтузиазма отнюдь не собирались.

Эльвира с трудом сдерживала рыдания, пыталась смущённо бормотать, что профессор не виноват, что его наверняка заставили, что всё это ужасная ошибка и всё будет хорошо. Но сама в это не верила...

На прощанье капитан пожал мне руку:

— Поздравляю с успешным окончанием операции, офицер!

Я поблагодарил его и, извинившись, повернулся к сбегавшему по трапу Николя Арнэри:

— Перед тем как все сойдут на берег, вы не хотите отдать мне кое-что?

— Не понимаю, о чём вы? — вздрогнул вампир.

— О речи Арона Мультиури. Она у вас, а теперь дайте её мне. — Я требовательно протянул руку.

— Откуда вы об этом узнали? — убито спросил секретарь конференции, опустив глаза и вытаскивая из внутреннего кармана сложенные вдвое листы бумаги с затёртыми уголками.

— Никаких чудес. Я просто проверил всех. Ни у кого из имевших доступ к телу экземпляров не оказалось. Оставались только вы.

— Но я мог их уничтожить!

— Могли, конечно, — кивнул я, засовывая бумаги за пазуху. — Но вряд ли бы это сделали. Я видел, с каким трепетом вы относились к покойному, к тому, чем он занимался, и так далее. Вывод мог быть только один — скорее всего вы не решитесь уничтожить его наследие, даже если оно может привести вампиров к гражданской войне.

— Да, это бомба... Настоящая бомба, способная вдребезги разнести хрупкое равновесие кланов. Я лишь хотел послушать его сердце, распахнул пиджак и тут же увидел бумаги. Я сразу понял, что это. Слухи стали реальностью, и я не мог, хотя бы из любопытства, не заглянуть в текст. Поверьте, если это будет опубликовано, вампиры передерутся. Будет страшная резня! Прошу, обещайте мне... — Побледневший более обычного Николя порывисто схватил меня за руку, с мольбой заглядывая в глаза.

— Разумеется, никто из вампиров этот документ не увидит. Бумаги не имеют прямого касательства к убийству, поэтому я могу это обещать. Но я должен приложить их к делу, которое будет храниться в архиве в нашем участке в самой дальней и пыльной комнате, где его прочтут только мыши. И то перед тем как сгрызть...

— Вы благородный чёрт! Если вам хоть когда-нибудь понадобится секретарь-вампир, просто дайте мне знать. Я у вас в долгу...

Ну, естественно, всевидящая Эльвира всю дорогу пыталась выцарапать бумаги у меня из кармана, и я трижды ловил её за руку, пока, в конце концов, ей это не надоело и она не прекратила свои бессмысленные попытки ограбить офицера полиции. Мои знакомые поляки успели налить ей перед уходом, и с трапа она спускалась пьяная в хлам, привалившись ко мне и приплясывая на ходу. Меня же вновь накрыло морской болезнью, хотя корабль стоял плотно пришвартованный к берегу, едва покачиваясь. Но, видимо, я снова расслабился, и меня укачало. А ведь до этого был так занят, что некогда было и думать о тошноте...

Когда вампиры парами и группами сходили на берег, с верхней палубы ещё доносилось

заунывное:

О чудная кровь моей бедной овцы!

Мы с Эльвирой тупо посмотрели друг на друга и вздохнули, одновременно пропев:

Точите резцы, точите резцы...

— А что дальше произошло с этой овцой? — спросил я, отходя подальше.

— Не помню, — зевнула моя спутница. — Вроде потом она сама упрашивала сделать её вампиром, чтобы бегать вместе с другом по лугам, сияя шёрсткой под лунным светом. Овца же, какие у неё мозги, что с неё возьмёшь...

Уже в поезде Эльвира призналась мне, что успела поговорить с Люи.

— Я даже взяла у него короткое интервью. Представляешь, оказывается, дю Лак испытывал комплекс вины перед Хамом Хмельсингом, потому что он был одним из тех дурачащихся вампиров, которые в своё время остановили профессора в тёмном переулке. Разумеется, они хотели только пошутить и напугать, но у старика от испуга образовался вот такой дефект речи и поплыла крыша. Они переписывались весь последний год и вот якобы случайно оказались вместе на одном судне. Это мой учитель подбросил ему предложение стать последним вампиром, оставшимся после страшного пожара на корабле! Парня весьма грели подобные идеи. Представь, какая была бы отличная самореклама: «Я — единственный вампир, выживший после того огненного кошмара на огромном лайнере!» Мысль о том, что во время этого их «теракта» могли погибнуть не только вампиры, но и ни в чём не повинные матросы, капитан и простые пассажиры, этим двоим вообще не приходила в голову...

— Дикость, — согласился я. — Но знаешь, одного не понимаю, логики Памеллы. Вот когда она решила, что её поклёп сработает, неужели всерьёз думала, что их посадят в одну тюрьму, в совместную камеру, и он будет сидеть с ней двадцать пять лет, у них снова вспыхнет любовь, а так как за это время его воля ослабнет, то он непременно сделает её вампиром и они будут счастливы?! По-моему, бред полнейший...

Эльвира равнодушно пожала плечиками:

— А что такого, нормальная логика. Я бы тоже так поступила...

Мне оставалось медленно вернуть на место отвисшую челюсть и остаток пути размышлять о непостижимости женского ума. Бесполезно, я всё равно ничего не понял...

Глава 3

МАСКА ДЛЯ ВЕНИЦУАНСКОГО ЛЬВА

...Я с трудом открыл глаза, спину ломило, голова была тяжёлой, похоже, что даже трёх ночей хорошего сна будет недостаточно, чтобы отдохнуть после такого яркого и насыщенного событиями путешествия, каким была поездка на лайнере вампиров. Мне пришлось остаться до утра, чтобы помочь заполнить все бланки и дать свои показания местной полиции. А вот Эльвира, разумеется, умотылила в Мокрые Псы, как только взяла последнее интервью у убийцы, её материалы уже на следующий день пестрели во всех местных и даже столичных газетах... Подозреваю, что мою тайную любовь скоро переманят в Парижск, как журналист она явно прогрессирует, обладая редким умением оказаться в нужном месте в нужный час. Ну а меня, вне всякого сомнения, оставят в Мокрых Псах, комиссар Жерар ни за что не захочет расставаться с таким бесценным кадром...

Ладно, шутки в сторону, пора вставать и хочешь не хочешь, а отправляться на любимую работу. Я поднял себя за волосы, понёс в ванную, заставил умыться, побриться, одеться, выпить чашку кофе внизу в гостиничном ресторанчике и, почесав рога, пошёл на службу.

В участке все обсуждали главную новость дня. Нет, не раскрытие убийства негласного

главы вампирского мира, как, исходя из банальной логики или моих тщеславных соображений, можно было бы ожидать. По сути, да кто он нам, этот Арон Мультиури? С новым событием, потрясшим наш городок, ему было не сравниться. Потому что в Мокрые Псы приехал передвижной зоопарк редких животных с его главной диковинкой, веницуанским львом!

Сегодня с утра директор зоопарка и его заместитель зашли к нам в полицию, получили официальное разрешение на размещение и, оставив несколько афиш, попросили раздать по знакомым и, может, даже повесить у входа в участок. Обо всём этом я узнал, едва перешагнул порог...

— Слушай, ты ведь в Парижске служил, там всякого насмотрелся, а вот видел ли когда-нибудь веницуанского льва? А к нам его привезли! Представляешь?! — прыгал вокруг меня харизматичный капрал Флевретти. Против обыкновения у него возбуждённо горели глаза, он не мог усидеть на месте и носился по комнате с афишей, изображающей апатичного льва с грустным взглядом, свесившего хвост и сложившего маленькие крылья.

Кроме того, он ещё и читал книгу. Лев, я имею в виду, а не капрал. Всяких представителей семейства кошачьих у нас по зоопаркам хватало, но во всей фауне нашего мира это был единственный лев, который умел читать. И более того, делал это всё время, отвлекаясь только на сон, еду и репродукцию. То есть на львиц, но редко. Наверное, чтение слишком затягивало.

— Нет, не видел, — отмахнулся я, слегка уязвлённый, что никто даже не вспомнил о моей командировке. — Прошу прощения, капрал, но у меня ещё столько бумаг, связанных с делом о лайнере вампиров. Для меня это тоже важно...

— А вот в этом зоопарке он есть! Может, я сегодня уйду пораньше, месье Базиликус? — Даже не дослушав мой ответ, Флевретти с мольбой переключился на шефа. — Мне так хочется посмотреть на этого льва. Боюсь, после работы я не успею. Они пускают посетителей только до девяти вечера.

— Но, Фурфур, у вас смена до шести, — с добродушной твёрдостью напомнил комиссар.

— Так ведь мне ещё надо перекусить, приодеться, кое-кого захватить с собой и вообще... — покраснел капрал, хитро улыбаясь. Типа вы ведь меня знаете...

По-моему, он явно преувеличивал неотразимость своей улыбки, она скорее пугала разнородом крупнокалиберных зубов. Но женщины всё равно его любили! Невероятный факт, что их поймёт...

— Хорошо, уйдёте в семнадцать тридцать.

— Но, шеф?!

— Вопрос исчерпан, я тоже хочу посмотреть льва и ничего, служба превыше всего.

— Но, ше-э-эф...

Нытьё капрала могло длиться часами, поэтому я обрадовался, когда в участок, впуская внутрь холодный утренний воздух, бодро впорхнула Эльвира, как всегда свежая и прекрасная, словно кладбищенская лилия.

— Я буквально на минутку, принесла вам статью. Думаю, что герои недели должны прочесть о себе первыми. — Она раздала нам по экземпляру свежего выпуска столичной газеты.

— Когда ты успела? — спросил я, вежливо предлагая ей дешёвый растворимый кофе.

— Они передвинули менее важные новости в следующий номер, а я доделывала концовку уже на редакционном компьютере, причём не вылезая из Интернета. В общем, как всегда получилось!

Шеф бегло просмотрел газету и прочёл всю статью вслух, особо выделив абзац, где говорилось, что поимка преступника была возможна лишь благодаря мудрому решению комиссара Базиликуса отправить в вампирский тур своего лучшего сотрудника. Эльвира незаметно подмигнула мне. Пусть комиссар порадуется. Нам от этого ни жарко ни холодно, а благодушное настроение старины Жерара всегда на руку. Флевретти шумно выразил

подобострастный восторг, мне тоже пришлось одобрительно похмыкать, и шеф был вполне удовлетворён.

Я начал было перебирать бумаги с неоконченными отчётами, выбирая себе головную боль на сегодня, но совершенно неожиданно услышал над ухом:

— Вы, Браздинский, тоже неплохо поработали.

Я поднял глаза и встретился взглядом с тёплой, всё понимающей улыбкой комиссара. Он значимо кивнул головой в сторону болтающей с капралом журналистки, озорно подмигнул мне и, тяжёло покачиваясь на ходу, вернулся к своему рабочему столу.

Эльвира тоже пококетничала со всеми и вскоре ушла, одарив меня таким многообещающим взглядом, что я сразу понял: а день-то очень даже хорош, просто я не осознал это сразу...

До обеда время пролетело незаметно, я написал половину отчёта об убийстве на лайнере вампиров уже для нашего производственного архива. А потом был вызов на дело! По звонку какой-то особо нравственной горожанки комиссар отправил нас с Флевретти снимать с дерева кошку. Самое обыденное обстоятельство — кот занимался любовью с кошкой прямо на дереве на виду у всех. Вопли счастливых животных раздавались на всю округу. К нашему приезду зрелище уже собрало изрядную толпу народа...

— Разойдись, ничего интересного здесь не происходит, — сразу начал распоряжаться капрал. Но наблюдавшие за кошками черти, вампиры, домовые, гарпии и горгулии были другого мнения. Причём представители последних двух видов могли в минуту взлететь и давно уже снять кошек, но и крылом не шевельнули, хотя многие возмущались, что это зрелище не для детей, которых тут тоже стояло предостаточно и всюю глазевших на поучительное шоу...

В общем, кошек мы в конце концов сняли, отделавшись малой кровью, я — парой царапин, а Фурфуру кот дополнительно умудрился прокусить ухо. То есть он его и так исцарапал с ног до головы за прерванный процесс, так потом ещё и ухо прокусил, хоть серёжку вставляй. Все начали расходиться, только когда мы крепко повязали животное, завернули ему лапы за спину и надели наручники. Сама кошка была отпущена под залог и дёрнула в кусты. Мы неспешно собрали стремянку, из-за которой и пришлось брать полицейскую машину. Хотя быстрее было бы пройти пешком, но лесенка — служебное имущество, и на себе её тащить неудобно...

Зато по возвращении в участок нас ждало задание поважнее. Вернее, меня, потому что Флевретти сразу сбежал домой залечивать рану и чисто по-товарищески упросив как можно убедительнее расписать комиссару всю тяжесть его страданий и невозможность возвращения на службу. Я не стал с ним спорить, доказывая, что патрульному полицейскому на такие царапины вообще не стоит обращать внимания, и вернулся в участок один. Шеф без особого удивления принял известие, что капрал жутко пострадал при операции и пошёл залечивать страшные раны...

— Что ж, тогда на следующий вызов вам придётся отправляться одному, — каким-то невероятно будничным голосом объявил шеф. — А оно будет посерьёзней, чем снять с дерева кошек. Если этот симулянт Флевретти вернётся, я отправлю его к вам для поддержки.

— А вы сами пробовали когда-нибудь снять с дерева хотя бы одну кошку? — попытался я заступиться за ленивого и мнительного капрала. — Не говоря уж о двух, занятых процессом размножения. Оно, знаете ли...

— Ощущаете себя вуайеристом? Хотите об этом поговорить? Вот прямо тут и сейчас?!

— Э-э-э... нет. — Я сразу пошёл на попятный. — А что за задание?

— Полчаса назад звонил директор зоопарка. У них сбежал веницуанский лев. Нужно найти его как можно скорее и вернуть. Запишите сотовый директора и приступайте, сержант. — Комиссар склонился над бумагами, всем видом показывая, что разговор закончен.

— Вот так, как ни в чём не бывало найти и вернуть сбежавшего льва?! Но львы кусаются...

— Все кусаются, даже я.

— Э... мм... Тогда можно мне в крайнем случае использовать табельное оружие с боевыми патронами? Исключительно для самообороны?

— Конечно нет, Браздинский! — уже с закипающим раздражением рявкнул мой начальник. — Я что, должен разъяснять вам очевидное? Только холостые, только в самом крайнем случае и только в воздух! Веницуанский лев уникален, это крайне редкий экземпляр, если хоть один волосок слетит с его гривы, кое-кто слетит следом со служебной лестницы без права восстановления... Ну, вы меня поняли. А теперь идите и выполняйте!

Комиссар вновь с головой нырнул в дебри отчётной документации. Я козырнул и, молча развернувшись, вышел из его кабинета.

— Кстати, ваш отчёт о преступлении на лайнере весьма неплох. Очень художественно написано, моя жена любит почитать на ночь о кровавых вампирах, думаю, ей понравится, — внезапно раздалось мне вслед.

— Спасибо, надеюсь, мои литературные таланты её не разочаруют, — язвительно пробормотал я себе под нос и аккуратно захлопнул за собой дверь, чтобы скрыть собственное раздражение.

Нет, ну в самом деле, кому взбрёт в голову отправлять сотрудника полиции на ловлю дикого льва? И как он, вообще, мог сбежать из зоопарка? Куда они там смотрели, зоотехники, зоологи и ветеринары, у них же все животные уникальны?! Грустные мысли о том, что я буду делать, когда найду зверя, отметались сразу — вряд ли лев даст мне возможность зачитать ему его права, откажется от звонка адвокату, протянет лапы, позволяя застегнуть наручники, и послушно проследует за мной в участок...

Я отправился в центр города, расспрашивая всех на ходу, не видел ли кто веницуанского льва? К счастью (или наоборот), льва пока никто из них не видел, но большинство слышало и намеревалось непременно посмотреть. Поэтому никакого особого переполоха не наблюдалось. То есть не наблюдалось до моей просьбы — «В случае если увидите его на улице, не пытайтесь задержать сами, а сразу звоните в зоопарк и в полицию. Хищник всё-таки...»

Вот уже после этого начиналась настоящая паника! Дамы хватали в охапку детей и с воплями прятались в канализационные люки, мужчины храбро залезали на деревья и фонарные столбы, двери кафе и магазинов баррикадировались словно во времена гражданских войн за свободу однополых браков, а двое престарелых пенсионеров мило уточнили, можно ли им дружно покончить самоубийством, чтобы не напрягать лишний раз бедное животное разгрызанием их трухлявых костей. Полный бред, глухая провинция, что вы хотите...

Пожав плечами, я позвонил по сотовому телефону Растяпе-директору и выяснил у него предварительные подробности пропажи льва. Его исчезновение было обнаружено около часа назад, когда служитель пришёл кормить питомца и увидел, что клетка открыта, книга валяется, а льва нет.

— Найдите его, умоляю вас! Без главной звезды нам придётся закрыть зоопарк. Кому нужны несчастные пустоголовые попугаи, козлы-гадалки, страусовые жирафы, мельтешащие пони и старый енот-потаскун? Если лев не найдётся, через два дня нам будет нечем их кормить... и тогда мы отпустим их на волю... прямо здесь, в Мокрых Псах. — Плаксивым тоном директор попытался ещё и шантажировать меня.

— Не надо горячиться. Всё образуется. Мы вернём вам вашего льва, — ответил я. — Но скажите хотя бы, как он сбежал или улетел?

— Он не может летать, крылья слишком малы. Просто ночной сторож забыл у клетки газету. А лев дотянулся лапой и... ну вы меня понимаете...

— Не совсем, вы так и не...

Поздно, этот тип уже реально разревелся и отключил связь.

Ладно, сам разберусь. Наверное, льву не понравилась наша пресса и он умудрился открыть сложенной газетой засов и самостоятельно отправиться на поиски более

качественной литературы. Надо хоть с чего-то начинать, поэтому пойдём простым путём. Куда мог направиться лев? А кто его знает, начитанного...

Вот! Пожалуй, единственное, что я о нём помнил из школьного курса зоологии, — это то, что лев любил читать. Может, ему газета досталась вчерашняя и он ушёл поискать посвежее? А возможно, наша жёлтая пресса вообще ему не понравилась и он захотел классики? Газетных киосков вблизи зоопарка нет, а вот библиотека находилась не так далеко, можно дойти и проверить. В конце концов, чем я рискую?

Хотя эта версия и казалась почти абсурдной, но другой на тот момент просто не было. Можно сказать, что мне пришлось действовать скорее интуитивно, чем подчиняясь рассудку и логике. Но уже при подходе к библиотеке я понял, что был прав. Там явно что-то происходило! Изнутри раздавались вопли, крики, рёв и страшный шум, очень похожий на грохот падающих стеллажей с книгами. Когда я вбежал в распахнутые двери, то стал свидетелем жуткой картины...

Двое посетительниц-гарпий, взлетев до потолка, кидались друга в друга толстенными фолиантами, тощий библиотекарь-упырь, в больших очках с круглыми стёклами и костюме-тройке, повис на спине медведя-оборотня, обхватив его костлявыми ляжками, и пытался перегрызть его толстую шею. Медведь возмущённо ревел, одёргивал на пузе толстовку с нарисованным медвежонком, несущим факел, и крутился на месте, пытаясь сбросить «всадника»! Ещё трое любителей высокой литературы — пожилой рыжий чёрт и двое домовых в косоворотках, сцепившись, катались в драке прямо под столами, опрокидывая стулья.

Когда уставший от упыря оборотень шваркнулся спиной об очередной стеллаж, опрокинув и его, я понял, что пора наконец вмешаться.

— Сейчас же прекратить безобразие!

Никто не услышал. Да, собственно, и не захотел слушать... Ну как хотите, но уважать полицию вам придётся, ибо это — закон! Я достал табельный пистолет и выстрелил в потолок, холостым патроном разумеется, боевые нам выдают только в особых случаях. А на этого льва с боевыми идти не полагалось, не факт, что шеф и холостые одобрит. Но в данном случае сработало — все драчующиеся мгновенно замерли, где дрались...

— Отпустите мишку, — велел я библиотекарю.

Он нехотя сполз с облегчённо выдохнувшего медведя. Тот сразу же принял истинный облик толстого краснощёкого булочника.

— Что здесь со всеми происходит?!

— Веницуанский лев... закрыл книгу, — стыдливо косясь на разруху, чирикнула одна из горгулий.

— Не понял. То есть он был здесь, напугал вас, и... что?

Библиотекарь поправил очки на переносице и отряхнул колени.

— Прочёл три страницы и закрыл книгу, — наставительно повторил он, выпрямляясь. — Вы разве не знаете, почтеннейший, что если веницуанский лев закроет книгу, начнётся война? Поэтому крайне важно снабжать его хорошими книгами, чтобы он не терял к ним интерес. Его книга всегда должна быть открыта, и, если вы увидите, что он дочитывает или книга ему наскучила, надо вовремя успеть подсунуть ему новую. И не абы что, у него весьма тонкий вкус, и читать что-то вроде «Сноволуние (часть вторая). Поцелуй меня в пломбу» он не будет.

— Значит, вы дали ему ту книгу и он её закрыл?

— Я не виноват, видимо, это умственно отсталый веницуанский лев либо с притупившимся на хорошую литературу нюхом! Ибо я дал ему классику всех времён и народов «Унесённые вепрем»! Лев почитал немного, закрыл книгу и ушёл. Ему не понравилось! Но мог ли я знать, что ТАКАЯ книга может кому-то не понравиться? — Библиотекарь поражённо развёл руками. — Там ведь раскрывается грандиозная панорама гражданской войны между синими и серыми чертями за отмену монополии синих на использование кротов в землеройных работах. Ещё никто не раскрывал эту войну в столь

полной мере глазами представителя среднего рабочего класса...

— Да-да, понятно. Но куда побежал лев, кто-нибудь видел? — громко обратился я ко всем присутствующим.

Две горгулии снова пытались под шумок продолжить разборки, но при моём вопросе на время остановились.

— Кажись, в сторону базарной площади, — сказал один из домовых, незаметно ткнув стоящего сзади собрата локтем под ребро. Тот в ответ попробовал ущипнуть соседа побольнее и кивнул.

— Точно в сторону площади, вы не перепутали, других предположений нет?

Все присутствующие подтвердили это согласным мычанием, а булочник-медведь рыком благословил меня на дальнейшее преследование. Но ушёл я не сразу. Конечно, на данный момент лев был важнее всего, но мне всё равно пришлось задержаться, чтобы пригрозить всем зачинщикам драки реальным наказанием от семнадцати до двадцати трёх суток общественных работ. И это только за зачин! За последствия и нанесённые увечья кара будет значительно суровей, шеф полиции на такие вещи сквозь пальцы не смотрит.

Уж не знаю, кого и как проняло, но при мне они и фыркнуть друг на друга больше не смели. Я вытер нервный пот со лба и поспешил на базарную площадь. Откуда лев узнал, что там у нас большой книжный развал? Возможно, у него просто такой же нюх на книги, как у нормального хищника на мясо. Значит, этот точно ненормальный...

Пробегая через городскую площадь с ратушей, я вспомнил о маленьком книжном киоске, который стоял на краю квартала, и завернул поближе. Да, так и есть, лев не обошёл вниманием это место — стекло в витрине треснуло и еле держалось. Я кинулся внутрь в надежде застать там хищника, мирно выбирающего книгу. Но и здесь опоздал...

Продавец сидел на полу с припухшим лицом, злой как... впрочем, он и был чёртом. Неподаляку, заваленный горкой книг, лежал нокаутированный покупатель-вампир. Он слабо дёргал ногой и пускал розовую пену изо рта. Значит, жив или полумёртв, как и все вампиры.

— Куда направился лев? — деловито спросил я.

— Вроде туда, — прошептал тоже не слабо избитый продавец книг, прикрывая сиреневый фонарь под глазом и кивком показывая на оружейный магазин на другой стороне площади.

Если там хозяин лавки сидит и читает со скуки книгу, то это всё. Он инстинктивно кинет книгу в льва как первое, что есть под рукой, книга в полёте скорее всего откроется, лев на автомате прочтёт страничку-другую, и если он закроет её, то начнётся смертоубийство во всём городе! Потому что наш оружейный магазинчик — это вам не библиотека, в нём разве что оружие массового уничтожения не продаётся. И то не уверен, может быть, из-под полы запросто...

— Помогите ему! Перевяжите, дайте анальгин или влейте немного мартини в ноздри, но чтоб никаких больше драк. Вернусь, проверю, — грозно пообещал я и рванул через площадь к магазину с вывеской «Убей меня нежно», набранной из патронных гильз.

Гламурненькое название, но, насколько мне известно, это крупная фирма, имеющая свои филиалы почти во всех городах. Оружия у них предостаточно, право продажи детям от восьми лет только в присутствии родителей, пенсионерам скидки по праздникам — пали не хочу! Но что там могло понадобиться веницуанскому льву? Македонская инструкция по стрельбе с колена? Так он её вмиг закроет...

Я уже подбегал к дверям, когда изнутри раздалась ружейная пальба. Времени на рассуждения не оставалось, выстрелы меня только пришпорили. Я прижался спиной к косяку и ногой осторожно толкнул дверь, краем глаза заглядывая в магазинчик.

На счастье, внутри оказалось целых три продавца, но уж точно ни одного льва. Что, впрочем, отнюдь не помешало последнему совершить своё чёрное дело. В смысле на полу действительно валялся закрытый журналчик...

— Наконец-то мы с тобой посчитаемся за всё! — в полный голос кричали двое младших по возрасту и виду продавцов, паля из длинноствольных барабанных револьверов в

хозяина магазина.

— Я сам отправлю вас в рай! — яростно ревел тот, отстреливаясь из военного карабина.

— Прекратить немедленно! — взвыл я, разумно не входя в помещение.

Ага, как же! Все три ствола дружно обернулись в мою сторону, одновременно изрыгая ливень свинца прямо в закрываемую мной дверь. Хорошо она бронированная и ни одна пуля не ушла на улицу...

— Это полиция! — пытаюсь перекрыть выстрелы, заорал я, вновь распахивая дверь и пластом рухнув на пол, чтобы, перекатившись, взять их на мушку. — Где у вас лев?

— Лев? Так мы только что пытались его застрелить. Но, кажется... он ушёл? — неуверенно откликнулся раскрасневшийся хозяин. — Ничего не понимаю, господин офицер. Вот вроде сию минуту был здесь и...

— Тогда какого пьяного Вельзевула вы палите друг в друга?!

— Мы не знаем. — Из-за раскуроченного прилавка так же растерянно поднялись два молодых паренька, с недоумением разглядывая горячие пистолеты в своих же руках. — Мы вроде во льва стреляли. А потом всё как-то перемкнуло...

— Идиоты, — прорычал я, встал, отряхнулся и развернулся на выход. — Что он у вас читал?

— Журнал по новым моделям ручных пулемётов. Но ему не понравилось...

— Угу, видимо, этот лев — пацифист... В отличие от вас!

— А что с нами будет, сержант? Нас всех посадят?! — тоскливо вздохнул хозяин магазинчика.

— Да, как минимум на три недели за несанкционированную стрельбу в неподобающем месте.

— И что нам теперь делать?

— Наведите здесь порядок, — не оборачиваясь, бросил я. — Уберите всё оружие в сейфы и отправляйтесь в участок. Там напишете признательные показания. Надеюсь, что комиссар примет их к сведению и это хоть как-то смягчит вашу участь...

— Да-да, конечно, разумеется, мы так и сделаем, — нестройным хором подтвердили все трое. А хозяин в сердцах ещё отвесил младшим продавцам по подзатыльнику, те не протестовали.

Куда ушёл лев, они, конечно, не знали. Но, с другой стороны, не назад же в зоопарк он направился? Я завернул за оружейный магазин и вышел к базару, начинавшемуся уже в конце квартала. Ещё одно усилие, и передо мной открылись торговые ряды. На первый взгляд в обычном состоянии, без криков и драк, шума и гама, разборок и выстрелов. Я поспешил в ту часть, где был книжный развал. Торговцы мирно переругивались между собой, ожидая немногочисленных эстетов, покупателей антикварной литературы и просто «бэушных» книжек.

— Тут у вас лев не проходил? — запыхавшись, спросил я у ближайшего.

— Какой лев? — удивился угрюмого вида домовой с бородой до колен, продававший репринтные издания старинного славянского «Домовстроя» и современные книги по мистической отделке интерьера, уходу за соседским домом, пофигистской кулинарии, психологии семейных отношений с тещей и тремя её сёстрами, ну и так далее в этом ключе. Короче, всё, что интересует самих домовых и в чём они действительно хорошо разбираются.

Отлично, значит, я успел, здесь его нет, что радует, но, однако, где мне теперь искать самого льва? В какой район он сейчас мог направиться? В городке оставалась ещё только детская библиотека фантастики (но она на другом конце, отсюда кварталов шесть, даже зверю не учуять, если только ветер подует оттуда в его сторону) и музейное книгохранилище при замке на холме. Однако это тоже слишком далеко, то есть скорее уже за городом.

Я почему-то не сразу сообразил, что он может начать просто заходить в дома жителей, чтобы рыться в их частных библиотеках. На это у веницуанского нахала вполне хватит наглости или непосредственности, чего в нём больше, будет понятно, когда я наконец

доберусь до хищника.

На всякий случай я дошёл до конца рядов, решив больше не провоцировать продавцов расспросами о льве, чтобы не поднимать зря панику, если бы животное проходило здесь, это и так было бы видно. А раз драки нет, следовательно, и любые вопросы лишние...

Однако, дойдя до противоположного края площади, я, кажется, что-то увидел. Там стояло три киоска: овощной, газетный и сувенирный, набитый многочисленными подарками, которые туристы разбирают на память о Мокрых Псах, — магнитиками, вымпелами, открытками и прочей ерундой. Над ними-то и мелькнул буквально на секунду длинный оранжевый хвост. Признаться, я совсем забыл, что лев может прыгать как кошка и, похоже, так же, как все они, любит верхотуру, где спокойнее и никто не трогает.

Я осторожно начал выдвигаться к объекту. Лев устроился поудобнее, положив голову на лапы и одним движением носа раскрывая уворованную где-то книгу. Похоже, что только он вчитался, как со всех крыш к нему начали стягиваться кошки. Они тут почему-то против обыкновения не все чёрные, но все страшные, как Люциферовы дети. К тому же они в первый раз видели такого большого кота и, конечно, не могли не подойти познакомиться. Лев рассердился, что ему мешают читать, фыркнул на них и захлопнул книгу. Я опять не успел...

Кошки тупо посмотрели друг на друга и начали драку. Не помню, как мне удалось влезть на киоск с овощами, чтобы оттуда прыгнуть на крышу газетного, во втором прыжке кое-как зацепиться кончиками пальцев за крышу сувенирного, пытаюсь влезть туда, где катались визжащие клубки кошек, с которых во все стороны летела шерсть, на которую у меня ещё и оказалась аллергия! То есть полный блеск! И пока я, чихая, как больной бельчонок, со слезящимися глазами, пытался высмотреть, где тут лев, эта веницуанская скотина опять исчезла...

«Убью! Поймаю — придушу на месте, а кисточку с хвоста оторву на сувенир для Эльвиры, она такое любит...» — успел подумать я, падая с крыши. Одна из кошек, не удержавшись, кинулась вслед, мёртвой хваткой вцепилась мне в штанину и висела ещё минут десять после того, как я уже встал и побежал в погоню. Естественно, из-за неё я опять опоздал везде, где только можно...

Когда я бежал обратно через книжный развал, уже весь рынок кипел в огромной общей драке. Вопли и проклятия взлетели до низких облаков, элегантные черти месили простоватых оборотней-продавцов, домовые сцепились с горгулиями, два тролля ломали прилавки о каменные головы друг друга, упыри крали книги, ведьмы кусали их за ноги, фрукты, овощи и синие куриные тушки мелькали в воздухе как артиллерийские снаряды, с нереальной скоростью покрывая поле боя цветными брызгами сока и мякоти!

На первый взгляд трупов пока видно не было, но действие велось с таким размахом, что я даже не пытался выхватить пистолет, призывая всех к порядку. Меня бы элементарно не услышали, да ещё и затоптали бы вместе до кучи. Поэтому я сконцентрировался на главном виновнике! Лев, прекрасный огнегривый зверь с крылышками, недостаточными для того, чтобы поднять такой вес в воздух, неспешно трусил себе в сторону ратуши, где располагались наши городские власти.

— Гоните, гоните его в мэрию. Пусть лучше он там всех поубивает! — из последних сил советовали все вокруг, кто ещё держался на ногах. Я коротко благодарил и, перепрыгивая через павших, спешил следом за зверем. На этот раз ему не уйти...

До здания ратуши было не так далеко, но хищник, похоже, и не очень туда собирался. Он, разумеется, заметил погоню, но связываться со мной, когда я в мундире, явно не собирался. По крайней мере, при свидетелях. То есть у меня почему-то сложилось такое ощущение...

Я почти догнал льва, бегущего с книгой в зубах, но не был уверен, что мне делать дальше — встретить его с распростёртыми объятиями или попытаться повалить на спину, как-то умудрившись надеть наручники? Нет, не вариант — его лапа была вчетверо крупнее моей руки, наручники просто не застегнутся. Стрелять нельзя, шеф меня убьёт. Тогда, может

быть...

Рыжий веницуанец избавил меня от размышлений, сворачивая на полпути и забежав в платный общественный туалет, как в пещеру. Это было полуподвальное помещение, и, возможно, он нырнул туда, чтобы спрятаться и наконец спокойно почитать. Мгновением позже из туалета с визгом вылетела кассир-горгулия, обмотанная туалетной бумагой, и взмыла под небеса без всяких объяснений. Хорошо ещё посетителей не было, представляете, в каком виде высказывали бы они? Вот и я не хотел представлять...

— Хороший лев, добрый лев, законопослушный лев, — бормотал я, отважно спускаясь по ступенькам. — Ты ведь не будешь есть полицейского? Полицейских нельзя есть, нас даже кусать нельзя, мы при исполнении... Мы ведь поняли друг друга, правда?

Когда я вошёл внутрь, то увидел, что этот умничка удобно разлёгся на кафельном полу перед кабинками мужского отделения. Книга была раскрыта, а сам лев настолько углубился в чтение, что даже не поднял на меня взгляд. Я как можно осторожнее снял поясной ремень, сделал петлю и пошёл, намереваясь накинуть её ему на шею. То, что его шея куда толще моей талии, выяснилось минуту спустя после двух неудачных и неуклюжих попыток с моей стороны.

Раздражённый помехами зверь предупреждающе рыкнул, не прерывая чтения, но не более. Тогда я, расхрабившись, взял его за гриву и попробовал, ласково уговаривая, заставить идти с собой. Лев отрицательно покачал головой, посмотрел на меня долгим взглядом, огорчённо вздохнул и решительно поднялся на лапы, закрыв книгу. «Могила в подарок», — автоматически прочёл я на обложке. Вот и всё, настал мой смертный час...

Громоподобный львиный рык заполнил всё заведение, с удвоенной силой отражаясь от кафельных стен. Книга закрыта, войны не избежать, а в маленьком подвальном помещении туалета только я и он один на один. К чертям приказ шефа! Моя правая рука привычно потянулась к кобуре, лев зарычал и ударом тяжёлого лба отшвырнул меня в ближайшую кабинку. Я спиной выломал дверь и пребольнейше ударился копчиком об унитаз. Задница Вельзевулова-а!..

Но хуже оказалось другое: ища пистолет, я вдруг с ужасом понял, что где-то выронил его в этой заварухе! Скорее всего когда бегал по крышам от кошек, но какая сейчас разница. Лев взревел ещё раз, вызывая меня на честный бой.

— Так, значит, не хотим по-хорошему? Ладно, ты сам напросился...

Я похлопал себя по карманам, в тщетной надежде найти хоть что-то более-менее подходящее для самозащиты, а в голове уже начинала подниматься яростная волна праведного гнева. Я не сдамся этому хищнику! Что он, вообще, о себе возомнил?! Редкий зверь, гордость зоопарка, драный кот с кисточкой на хвосте и филологическим креном в куриных мозгах! Будь ты проклят со всей своей веницуанской магией! Пальцы нащупали что-то в нагрудном кармане, и я не глядя вытащил газету с репортажем Эльвиры об «идеально раскрытом убийстве на лайнере вампиров», который собирался прочесть наедине, не при Жераре с Флевретти. Лев медленно оскалил ужасающую пасть, запах от его клыков давил на психику...

— «Невероятное преступление было совершено в океаническом круизе, где труп главы целого клана вампиров-традиционалистов был найден в собственной каюте с косметическим карандашом в груди!» — автоматически прочёл я, на секунду забыв о хищнике.

Лев так удивился, что ему читают вслух, что сел на задние лапы и оттопырил уши. Я недолго думая продолжил чтение, потому как жить всё ещё хотелось. По его рыку (неодобрительному или одобрительному) я определял, какой абзац ему нравится, а какой — нет. Должен признать, литературный вкус у него, несомненно, присутствовал. По обоюдному согласию мы перешли к другим заметкам и статьям...

Газета уже была почти дочитана, оставался последний раздел о спортивных успехах баскетбольной школы Мокрых Псов, и я не знал, что делать дальше (тем более что лев не оказался фанатом нашей сборной и выказывал всё больше нетерпения), когда наконец в туалет осторожно вошли двое домовых, сотрудники зоопарка. Сделав мне знак не шуметь,

они накинули на него клетчатое одеяло, быстро сунули под нос ватку с чем-то наркотическим, надели на морду атласную маску для сна и, тяжело тужась, вынесли задремавшее животное наружу.

Я с трудом выпрямил затёкшие ноги, унял чрезмерно бьющееся сердце и тупо пошёл следом. Веницуанец был погружён в небольшой фургончик, домовые поехали так тихо, чтоб, не привести преисподняя, не разбудить зверя. Для верности я пешим строем сопровождал их до самого зоопарка. Горожане, группами и по одному, тянулись с повинными в полицейское управление. Ну пусть, шефу тоже надо хоть что-то делать, пусть составляет протоколы на драчунов...

— На всех ваших клетках написано: «Не кормить», а на клетке льва: «Не давать читать», — отметил я, пока домовые осторожно вносили зверя в его жилище.

— Ня уследили мы, чё у его чтиво закончилась, — ковыряя в носу, меланхолично пояснил лично работавший со львом зоотехник, деревенского вида старый лысый чёрт. Я невольно пожалел веницуанца: если книгами его снабжал этот неряшливый тип, то неудивительно, что бедняга соскучился по хорошей литературе. Культурный уровень благородного зверя явно был много выше, чем у его окружения.

Подоспевший директор зоопарка при всех пожал мне руку:

— Спасибо за помощь, сержант, огромное спасибо! Это удивительный экземпляр, занесённый в Чёрную книгу редких геральдических животных, представляет большую научную ценность, и его могли в любой момент просто похитить! Тем более что заманить в ловушку его очень просто — достаточно дать понюхать какой-нибудь свежий бульварный романчик, наш лев очень рассеян... Едва почуяв новый дешёвый детективчик, он сразу теряет остатки инстинкта самосохранения, который из-за высокого культурного уровня у него и так в зачаточном состоянии, и, как котёнок, идёт за кем угодно. Поэтому нам невероятно повезло, что в помощь зоопарку прислали такого высокопрофессионального офицера, как вы! Позвольте хоть чем-то вас отблагодарить. Вот вам целых два входных билета на завтра. Три не могу, вы же понимаете, они денег стоят... Но приходите, приходите, милости просим!

Я меланхолично сунул билеты в нагрудный карман, в последний раз посмотрел на мирно спящего льва, чихнул (остатки воздействия кошачьей шерсти) и подумал, что, быть может, сейчас он видит во сне сказочные королевства, пиратов и сокровища, таинственные острова, одиноких продрогших шпионов и частных сыщиков с трубкой в зубах, играющих на скрипке... Ну то есть всех персонажей прочитанных за последние месяцы книг. И тогда этот зверь показался мне такой родственной душой, что я невольно Улыбнулся мурчащему и подёргивающему во сне усами рыжему, гривастому библиофилу. С трудом оторвавшись от этого сентиментального зрелища, я козырнул директору и отправился в свой участок.

Жизнь быстро возвращалась в прежнее русло. Народ занимался своими делами, все уже забыли, из-за чего дрались, экстренно мирились и совместно восстанавливали всё то, что наломали и поразбивали, чинили ставни, закладывали разбитые окна фанерой, выметали осколки и щепки...

А в отделении меня ждал сюрприз.

— Браздинский, дружище! Ну как, вернул льва? И где дрых наш веницуанский котяра? — с порога напустился на меня капрал Флевретти. — Я сразу сказал комиссару, что он найдёт себе тихое место и просто завалится дрыхнуть. Знаю я этих львов, все они всего лишь большие ленивые кошки. А мы тут забегались уже, с ног валимся, устали оформлять всех, кого ты к нам понаотправлял. Имей совесть, и без того тут работы неупророт! Ты уж, братец, в следующий раз хоть разбирайся сначала, а не посылай народ всей толпой сразу в участок. Можно подумать, мне тут больше заняться нечем, а?

У меня от возмущения потемнело в глазах... Этот наглец спокойно явился хвастать перед шефом «боевыми ранами» и просиживал штаны в служебном кабинете, пока я, рискуя жизнью, в одиночку гонялся за львом, да ещё и меня же осыпает попреками! Но... это же капрал Фурфур Флевретти, своеобразный чёрт, эмоциональная натура, ранимая душа, и пора

бы мне уже привыкнуть к капризным особенностям его характера.

— Ладно, извини. — Я первым протянул ему руку.

— И ты меня, — тут же покаялся он. — Шеф смылся, я тут один на весь участок, а народ так и прёт косяком. Все в крови, все в синяках, все пишут заявления, просят учесть их чистосердечное раскаяние и не сажать на семьдесят лет в колонию строгого режима.

И вот каково мне было всё это выслушивать и протоколировать, сам понимаешь...

Ну что ж, тогда и его понять можно. Я в горячке действительно понаотправлял сюда кучу бузотёрствующих горожан, и на самом деле капрал очень неплохо справился.

— А где комиссар?

— Вышел за пирожками уже часа два назад, но с концами. Поможешь оформить ещё вон тех? А я пока сгоняю перекушу. — Капрал кивнул на сидящих в ряд нарушителей. Среди них я сразу узнал угрюмого бородатого домового и трёх, самого воинственного вида, кошек. Да, да, тех самых, с крыши киоска...

— Извини, мне до вечера свой отчёт написать надо. Если успею, тогда, может... но это вряд ли, — сказал я, прямо глядя ему в глаза.

Он вздохнул, надулся, а потом махнул рукой и вновь ушёл в работу. Вот так, все при деле, у каждого свои служебные обязанности. Иногда нужно быть жёстким в коллективе, иначе заедят. Отчёт про веницуанского льва получился довольно длинным и обстоятельным, надеюсь, жене комиссара, любящей хорошую литературу, он понравится...

Но всё равно, несмотря на победу, в одиночку одержанную в этой схватке, надо мной ещё три дня издевались в участке, потому что, когда при мне кто-то демонстративно захлопывал книгу,⁴ я невольно вздрагивал. Потом прошло. Просто я записался в библиотеку...

Глава 4 ДЕЛО О КРОВАВОЙ БЕЛОСНЕЖКЕ

...Что-то я увлёкся, рассказывая всё время о себе да о себе. Разумеется, не всё в этом городке с чудесным названием Мокрые Псы вертелось вокруг моей скромной особы. Если совсем уж честно, то я был популярен как новая диковинка лишь первые две недели, потом интерес местного населения пошёл на спад. Меня приняли, ко мне привыкли, перестали выделять из толпы, и, наверное, это было к лучшему.

Ребятишки из детского сада уже не показывали на меня пальцем, у них давно были новые впечатления и события, сплетни о моём романе с Эльвирой тоже угасли, так как мы ни от кого особо не скрывались. Газетчики не лезли с интервью, почему-то смерть Арона Мультиури постарались замять. Возможно, это вампирское лобби, им всегда невыгодна шумиха...

А вот последствия прогулки льва по городу за книгами чувствовались ещё как минимум пару дней. Время от времени то там, то тут вновь разгорались небольшие стычки. Хотя, возможно, кое-кто просто прикрывался происшествием со львом для сведения личных счётов. Мне таки пришлось арестовать пьяную компанию гномов, тайно сожравших одну шоколадку на троих в супермаркете и устроивших драку с заметившей это продавщицей на том основании, что «мы чё-то слухали про вашего тигру и нас накрыло-о-о...».

Так что дух войны с запахом львиного прайда ещё долго витал в воздухе. Шеф лично разогнал пистолетными выстрелами двух горгулий, не поделивших воздушные коридоры, Флевретти почти ежечасно принимал заявления от мужей, побитых жёнами, и от жён, покусанных мужьями на том основании, что противоположная сторона была застигнута за

⁴ По веницуанской легенде, если у изображённого символа Веницуанской республики, крылатого льва с книгой, книга открыта, то это значит, что данное произведение искусства (картина, скульптура, барельеф) было создано в мирное для республики время, если же книга закрыта, то в военное.

чтением книги. То есть все мы были при деле, и жизнь в отделении кипела и булькала, как компот!

Но наконец в середине следующей недели у меня всё же выдался свободный вечерок без заполнения отчётов, подписания бумаг о штрафах, разъяснений задержанным их прав и прочей служебной рутины. А поскольку передвижной зверинец планировал быть у нас ещё до субботы, я быстро набрал знакомый телефонный номер. Через три или четыре гудка она ответила:

— Алло, я вся внимание!

— Привет, это я.

— Я узнала тебя. Ты страшный полицейский детектив с большой бляхой, только и мечтающий приковать меня наручниками к...

— Э-э, не совсем так, — жутко смутился я, пока она счастливо хихикала у телефона. — Я тут подумал, ну... У меня два билета в зоопарк. Дал директор в благодарность, когда я им льва возвращал. С тех пор уже куча времени прошла, а я всё никак не мог собраться тебе позвонить. Ты уже была в зоопарке?

— Водила младших братьев — увы, не взяли! Но с Удовольствием пойду ещё раз с тобой, — мурлыкнула она в трубку. — Во сколько встречаемся? Через час тебе будет удобно? Успеешь добраться?

— Вполне!

Я был окрылён. Почти как веницуанский лев, которого надеялся снова там увидеть. Всё-таки этот величественный зверь оставлял какой-то след в сердце.

Мы договорились встретиться у входа в зоопарк, потому что он был почти рядом с её редакцией, и я ждал свидания с тем же нетерпением, с каким чертёнок ждёт взбучки за очередную пакость. Но Эльвира пришла не одна...

— Ничего, что взяла с собой братишек? А то мальчишкам так понравился зоопарк, что я решила воспользоваться случаем устроить им праздник. У мамы появились срочные дела, и она попросила меня посидеть с ними, а я же знаю, если оставить их дома одних, передерутся обязательно. Вот этот Чук, это Гек, а это Арк. Надеюсь, не перепутала, они тройняшки...

Я искренне заверил её, что только рад знакомству, и даже поочерёдно пожал малышам руку. Но не мог не чувствовать себя слегка разочарованным. Все три её братца были похожи на маленьких китайских поросят, только с рожками. Знаете, такие чернявые, симпатичные, упитанные, с умильными щёчками и танцующей походкой, но выгуливать их лучше на поводке, в строгом ошейнике и наморднике!

Естественно, Эльвира ими гордилась. Не дети, а командос с ножом в зубах и штанами на лямках, только и выглядывающие, где бы ещё напроказить, кого дёрнуть за хвост, кому подлить алкоголя в кефир, у кого из взрослых спросить сигарету, а отобрать шляпу. Я-то рос гораздо более спокойным мальчиком, слушался маму, ходил в спортивную школу по теннису, играл на пианино, брал уроки имеритинского танго и в полицейские пошёл исключительно из любви к порядку. Ну вот, я опять о себе. Итак..

Заплатив ещё за три детских билетика, мы медленно двинулись вдоль клеток, начав с разглядывания разнообразных попугаев, пока не дошли до гонджубасских, а мимо них надо было проходить быстро. Эти наглые птицы буквально орали на всех, рвались к общению, лезли в душу и могли за полчаса уболтать любого почти до смерти. Их кормили специальным составом зерновой смеси с добавлением наркотиков, потому что без них они могли умереть, а под кайфом гонджубасский попугай трепался без умолку, порой сообщая о своих же самочках такие вещи, которых детям пока лучше не знать. Эльвира благоразумно прикрыла братишкам уши. Двум. Два. Другими они, по-моему, всё слышали, да и третий братец явно горел желанием поделиться новой информацией...

Дальше были самые быстрые пони. Они металась от одного края вольера до другого, успевая откусить у зазевавшегося ребёнка половину печенья и слизнуть мороженое, прежде чем тот успеет позвать маму. При этом их круглые полубезумные очи имели такое невинное выражение, они так умилительно хлопали длинными ресницами и встряхивали кудрявой

чёлкой, что всё равно всем нравились и дети сами протягивали симпатичным лошадкам вторую половинку печенюшки...

Потом были знаменитые сонные аллигаторы, они просыпались на каждый пятый толчок, и ребятишки всех возрастов развлекались тем, что пробегали по ним, спрыгивая с носа. Это был дешёвый, популярный и весьма любимый детьми аттракцион, который проводили бдительные сотрудники зоопарка. Ровно на пятом толчке аллигатор просыпался, распахивая жуткую пасть, и ребёнок рисковал поплатиться хвостом. Шустрые братья Эльвиры, ухитряясь посматривать на меня свысока, уговорили её пустить и их пробежаться раз пять-шесть...

Опьянённые победой, они прыгали по дорожке меж клеток впереди нас и напугали трусливого симбабвийского жирафа, который прятал голову в песок, стоило скорчить ему страшную рожу. Поэтому его держат в вольере, наполненном пенопластовой стружкой, чтобы он не ушиб себе голову, и его вечно испуганные вытаращенные глазки всегда поражены конъюнктивитом.

Тонконогий единорог с белоснежной шерстью сидел в тройной клетке за семью тяжеленными навесными замками, обводя всех жутким до дрожи взглядом, полным небесной кротости. И матери испуганно уводили от клетки детишек, когда те, желая рассмотреть поближе страшного райского зверя, прижимались к ней вплотную и просовывали сквозь прутья любопытные носы.

— Смотри, у него голубые глаза! И какие огромные! Просто жуть. И этот изогнутый рог, как древний меч... ой, он им взмахивает! Ой, снова, бр-р-р. — Эльвира поёжилась и потёрла руками плечи, пытаясь отогнать мурашки. Мне тоже хотелось обнять её, согреть и успокоить, но я опять в который раз уже не посмел — три рогатых братца бдили за нами не хуже сторожевых пёсиков.

Да ей этого и не понадобилось, минуты не прошло, как Эльвира уже снова была счастлива.

— Вот не думала, что такую прожжённую журналистку, как я, может всерьёз запугать какой-то единорог в клетке. Ой, смотрите, какие аппетитные еноты, так и просятся на сковородку!

Она продолжала мило щебетать, шутить с мальчишками, а я, рассеянно глядя на диковинных животных, думал: какая же она всё-таки обаятельная и пора, пора уже предпринимать какие-то более активные шаги, иначе я могу её упустить. Нет, действительно, долго ли такая девушка может оставаться свободной, но вдруг она скажет, что видит во мне только друга? Это будет ударом похлеще, чем удар тростью под дых от бородатого карлика-экзгибициониста по кличке Коньячный Джентльмен, за поимку которого я был награждён моей первой медалью за отвагу. А потом долго лечился в полицейском госпитале, нормальное дыхание восстановилось не сразу...

Я даже не заметил, как мы дошли до клетки льва. Книгу у него отобрали, и веницуанец явно скучал. Но, когда мы встретились взглядом, в его печальных глазах промелькнуло узнавание. Он с надеждой глянул на мои руки, но понял, что я тоже не принёс ничего почитать, и взгляд его снова стал равнодушным. Лев опустил величественную голову на лапы, закрылся крыльями и отвернулся.

— Ты что, влюбился в него? — хихикнула Эльвира, когда мы повернулись, чтобы идти дальше.

Я покраснел. Во-первых, потому что она сказала правду, во-вторых, потому что это так заметно, и, в-третьих, да, влюбился, но не во льва же... Неужели она не понимает?

— Влюбился-влюбился! — пронзительно завопил один из братьев, тыча в меня пальцем и ухмыляясь. — Влюбился в нашу Эльвиру!

— Айн, цвай, драй! Эльвирка и полицай! — так же гнусно обрадовался второй, прыгая на одной ножке.

— А ей мама целоваться не велит, — на полном серьёзе напомнил третий.

Я готов был сквозь землю провалиться.

— А ну заткнитесь все, убью на месте! — потребовала Эльвира, профессионально отвесив каждому хороший подзатыльник. Опыт старшей сестры давал о себе знать, но мерзавчики быстро нашли моё слабое место, и теперь я должен был возвращать их уважение. То есть, конечно, если оно у них вообще ко мне хоть на чуточку да было. Только, думаю, если и так, то не ко мне, а к моей профессии и мундиру. Дети в массе своей любят полицейских и охотно играют в них, но, наверное, вряд ли кто по-настоящему хочет, чтоб полицейский вошёл в круг их семьи. Это же ни шалостей, ни обмана, ни мелких бытовых преступлений — сплошной закон и правопорядок за столом. Какому ребёнку такое понравится? Вот именно, никакому...

Впрочем, вернуть благорасположение братьев Эльвиры оказалось очень просто — полкило сахарной ваты на каждого вообще не деньги. Мальчишки разом приняли меня за своего, прыгали впереди счастливые, облопавшиеся и липкие.

— Вечером у всех троих заболят животы, — меланхолично резюмировала Эльвира. — Ну и пусть. Должно же быть у детей детство. Я чувствую, что ты хочешь меня о чём-то спросить?

— Да, — решился я. — Ты не хотела бы... В смысле ты ещё не задумывалась о создании семьи?

— Нет, а что? У тебя есть какие-то мысли и предложения?

— Нет, тоже нет. То есть да, но... ещё нет. — Как она угадала? Я смутился и попытался перевести тему. — Но вообще-то я не об этом. Знаешь, меня давно грызёт один вопрос и я не нахожу на него ответа.

— Спрашивай. — Она откинула чёлку со лба, поправила локон и улыбнулась.

— Я ведь совсем недавно переведён в ваш город, но уже за такое короткое время успел вляпаться в три серьёзных дела.

— Убийство на лайнере вампиров не считается, — поправила Эльвира.

— Конечно, конечно. Однако, согласно полицейской статистике, а также доступным данным Интернета, ваши Мокрые Псы входят в десятку самых спокойных городков страны, вот я и думаю: статистика врёт или со мной что-то не так?

— Конечно, статистика врёт! — с улыбкой поддержала меня она, заваливая информацией с пулемётной скоростью. — Ты бы знал, сколько дел, преступлений, нарушений проходит в таких вот маленьких городках, оставаясь нераскрытыми даже без малейших попыток расследования. Наш старина Жерар ещё хоть что-то пытается делать. Вот, например, в прошлом году была жуткая семейная драма. Две дочки-горгулии похитили свою же маму и два дня морили её голодом, требуя с папы выкуп на мороженое!

— Круто. И что, родитель заплатил?

— Ещё бы! Но Жерар уговорил его положить в указанную урну пакет с мечеными купюрами, и юных горгулий взяли прямо у лотка мороженщика. Их папа был в полном изумлении, теперь его дочки мотают срок в детской колонии, а жена с ним развелась из-за того, что он посадил своих же детей...

— Но ведь они морили её голодом?!

— Да, но она так красиво постройнела, — с чисто женской логикой парировала Эльвира. — А ещё два года назад у нас один глупый чёрт пытался взять банк, только забыл дома чёрный чулок на голову. Ну и в результате симпровизировал, купив в ближайшем магазине белковые сливки в баллончике и измазав себе лицо. Но когда попробовал в банке угрожать пистолетом, то кассирша при виде его рожи в сливках впала в хохот, и он ничего не мог от неё добиться. Маска начала таять, он бросился бежать, но сливки уже сползли на глаза, и он врезался лбом в толстенное пластиковое окно в паре шагов от двери. После чего потерял сознание, провалявшись так до подхода охранников. Представляешь?

— Но почему это дело не фигурировало в полицейских отчётах?

— Да потому, что, когда с него окончательно смыли сливки, то оказалось, что это внебрачный сын нашего мэра, и Жерар не мог его посадить, не нарываясь на неприятности с начальством. А однажды у нас пытались ограбить супермаркет. Лысый гном, угрожая

короткоствольным автоматом, набрал полный пакет денег, всю выручку за день. Когда вор выбежал на парковку, у него вдруг порвался пакет с деньгами, он сгрёб, сколько успел, в обе руки и пытался достать ключ от машины из кармана, потом открыть ключом машину, но не мог попасть, уронил автомат, тот выстрелил ему в ногу. Если бы не полиция, бедняга бы там на месте истёк кровью. А ещё...

Нашу беседу прервал телефонный звонок. Я быстро достал сотовый, звонили из участка. Это был капрал Флевретти, только он засиживается допоздна.

— Привет, Ирджи, слушай, тут такое дело. Сюда припёрся один краснокожий типус с перьями на голове. Не иначе как провёл ночь в курятнике. Говорит, что ты его знаешь. Он хочет у нас работать. Слышь? Ты чё молчишь?

Я от потрясения так икнул, что большой круглый леденец, который дал мне «посторожить» один из Эльвириных братишек, скользнул мне прямо в горло и там застрял. Я втянул ноздрями воздух в грудь, с трудом проглотив леденец величиной с мячик для игры в гольф. Мальчики посмотрели на меня как на преступника, одновременно открывая рты с намерением зареветь...

— Скоро буду, попридержи его, — сипло выдохнул я и дал отбой. — Прости, мне срочно надо в участок. Но мы ещё продолжим этот разговор?

— Конечно. Служба превыше всего! Звякни мне, как освободишься, поболтаем, — усмехнулась она и, встав на цыпочки, быстро чмокнула меня в щёку. — А ну, ребята, цыц! Кто со мной хочет посмотреть неуверенного в себе носорога в пенсне?

— Мы-ы!!

— А потом обещаю каждому по мороженому.

— Да-а!!!

И они, счастливые, держась за руки, вприпрыжку поспешили к этому противному носорогу. А я с огорчением и чёрной обидой на горькую судьбу, отнимавшую у меня даже вот такие простые семейные радости, поспешил в участок. А куда денешься, служба действительно превыше всего...

Всё равно зоопарк через полчаса закроется, при детях с Эльвирой толком не поговоришь, а тип в перьях может быть только один — героический индеец с лайнера вампиров, строгий и преданный Чунгачмунк. И какого же, спрашивается, чёрта, извините за фигуральное выражение, ему понадобилось в Мокрых Псах?!

Когда я толкнул громко заскрипевшую дверь полицейского участка, до меня сразу донёлся знакомый высокопарный голос, который я надеялся не услышать больше никогда:

— Долго мне ещё ждать моего вождя? Я думал, такие, как он, никогда не опаздывают. На корабле он был быстр, как ветер, и силён, как горбатый олень с моих родных прерий!

— А вот и он... Хук тебе, вождь Блестящая Бляха! — встав на одно колено, подмигивая и строя подобострастную мину, поклонился мне Флевретти, думая, что всё это выглядит очень смешно.

— В чём дело? Что произошло? Почему вы здесь? — игнорируя выходки капрала, строго спросил я.

— Я пришёл работать с тобой, вождь, — гордо выпрямился индеец.

— Зачем?!

— Чтобы учиться у тебя каждую минуту.

Я схватился за голову. Мысленно, конечно. Внешне пришлось сдержаться.

— Вообще-то такие вещи решает только начальство. Но думаю, свободных вакансий у нас нет.

— Но мы можем зачислить его как завхоза, — влез Флевретти. — Будет заведовать вещдоками.

— А у нас комната с вещдоками пустая! — сказал я с двойной досадой на Чунгачмунка и на капрала. Да и на шефа тоже, ибо теперь-то мне было известно, каким образом у нас в городке не было преступности.

— Правда? Ах да... — Капрал на минуточку искренне удивился, а потом столь же

искренне просиял. — Ну и что? Кто об этом знает, кроме нас? Конечно, может нагрянуть проверка, но поверь, будет только хуже, если мы не найдём возможности принять его на службу. Он же индеец, а значит — представитель национальных меньшинств.

— Что значит национальное меньшинство, о мой вождь? — впервые проявил недостойное любопытство сын далёких прерий с двумя перьями за ухом.

— И что, он будет сидеть тут, делая вид, что охраняет комнату с вещдоками, которых там на самом деле нет?! — пропуская мимо ушей вопрос, нажал я.

Флевретти ревниво вспыхнул:

— Сержант Браздинский, разумеется, я ниже вас по званию и не обучался в столичной академии, но зато чётко знаю субординацию. Какой смысл нам спорить о том, что вправе решать лишь комиссар Жерар? Только он, но не вы и не я, может сказать, будет принят соискатель на ту или иную работу в полиции или нет.

— Это тот самый индеец, который при виде врага превращается в черепаху! — не менее яростно вспыхнул я. — Причём отнюдь не в фигуральном смысле. Его растопчут на первом же задании, и кто будет в ответе?!

— Если у вас есть сомнения в пригодности данного кандидата к службе в отделении, — сухим официальным тоном продекларировал капрал, — доложите об этом шефу в письменной форме. И не мешайте мне исполнять мои служебные обязанности!

— Я не буду сидеть в пустой комнате, о мои бледнолицые братья, мне там страшно, — поспешил вмешаться Чунгачмунк. — Лучше я буду сражаться с преступностью!

— Ишь ты, прыткий какой, — одобрительно усмехнулся Флевретти, похлопав по плечу гордого индейца. — А где ты её у нас найдёшь, преступность эту? Мы бы и сами на неё с удовольствием посмотрели.

Ну теперь она у вас «появится», злорадно подумал я, мысленно давая клятву всеми силами этому поспособствовать. Нет, не появлению преступности, разумеется, а борьбе с фактами её сокрытия!

В этот момент двери распахнулись и в участок прошёл почёсывающий поясницу шеф.

— Забыл газету в кабинете, а там кроссворд для тёщи. Дома поедом съест, если не принесу, — проходя в свой кабинет, объяснил он. — А вы чего тут так разорались? С улицы слышно...

Последующие десять минут мы с капралом, перекрикивая друг друга, вводили начальство в курс щекотливой ситуации. Я настаивал на том, что Чунгачмунк не может претендовать на работу в участке по причине произвольного превращения в пресмыкающееся и отсутствия специального образования. Флевретти крыл тем, что не принять индейца мы тоже не можем, нас съест комиссия по правам национальных меньшинств, а специального образования у него и у самого нет, и ничего, как-то справляется...

— Значит, хочешь служить в полиции, сынок? — Шеф жестом подозвал к себе краснокожего.

— Да, Большой Отец! — уважительно выпрямился Чунгачмунк, всего тремя словами подписывая себе трудовое соглашение.

У меня опустились руки...

— То есть мы всё-таки берём его в штат, шеф? — подобострастно влез Флевретти.

— Берём, берём, — утирая сентиментальную слезу и по-отечески целуя индейца в обе щеки, кивнул комиссар Жерар. — Но, конечно, только под поручительство Браздинского.

— Моё поручительство?! — Я от изумления чуть не присел на столик с кофеваркой.

— Но вы же с месье Чунгачмунком, как я понимаю, уже сработались, будучи вместе на лайнере вампиров? Так что кому, как не вам, знать его плюсы и минусы. Продолжайте и дальше работать на пару. Вы же сами хотели себе помощника?

Индеец просиял. Нет, нельзя это спускать на тормозах. Я мигом вспомнил ползущую на помощь черепаху и вздрогнул от перспективы иметь при себе такого напарника.

— Можно вас на два слова, комиссар? — Я едва ли не силой вытащил Базиликуса в

коридор и прикрыл дверь. — Послушайте меня, шеф. При всём уважении к отваге и доблести Чунгачмунка, проявленной им в деле расследования убийства главы клана Арона Мультиури, зачем нам в отделении сотрудник, который при первой опасности превращается в черепаху? Какая от него польза?! И я вовсе не хотел ни помощника, ни напарника, я даже ни разу не просил вас об этом.

Но старина Жерар только мудро молчал в ответ на все мои непробиваемые доводы: если он вбил себе что-то в голову, то это из него уже ничем не вышибешь! Кажется, он меня даже толком не слушал. Он уверенно распахнул дверь в приёмную, где нас ждал покрасневший от волнения Чунгачмунк и самодовольно сияющий Флевретти, и с широкой улыбкой протянул индейцу руку:

— Поздравляю, вы новый член нашей дружной команды полиции Мокрых Псов! Можете приступать к службе в должности помощника детектива и ответственного за комнату с вещественными доказательствами. Полставки там, полставки тут, думаю, с бухгалтерией мы всё устроим. Вы кем были у себя на родине, месье Чмунк?

— Вождём и следопытом, Большой Отец!

— Хм... называйте меня просто шеф или комиссар. Мы зачислим вас в штат рядовым.

— Хук! — благодарно вскинул подбородок наш новый коллега. — Каково будет моё первое задание, шеф? Слежка за гарпиями, ворующими по ночам печенье в супермаркетах, или, может быть, надо найти следы тайных осквернителей общественных памятников, стоящих слишком близко к пивным барам?

— Ну, пока ни то ни другое. У нас сейчас некоторое затишье в городке, обычно нам не свойственное, кхм. — Под моим суровым взглядом Базиликус слегка подавился смехом.

Интересно, он вот так откровенно издевается только над новичком или над всеми нами? Дальнейшие разговоры и действия мне лично уже особо интересны не были. Рабочий день отделения закончился, Флевретти обещал устроить индейца в отель подешевле, он был дико рад, что теперь в участке есть хоть кто-то ниже его по званию. А я устал и направился в своё скромное жилище, надо же ещё сдержать слово и позвонить Эльвире.

Хорошо хоть она выслушала меня с явным сочувствием и пониманием. Только поговорить долго не Удалось, ей нужно было помочь маме отскрести братцев, угодивших под хвост нервного слона-диаретика. Редкое животное, но если под него попал, что уж тут попишешь...

Утро начиналось ровно, без особых предчувствий. Я наскоро перекусил в ближайшем кафе: зелёный чай с конопляным печеньем и омлет из пары страусовых яиц — скромно, недорого, сытно. Перебросился парой ничего не значащих фраз со знакомым официантом, пролистал свежую газету, успел ухватить пару последних новостей по телевизору над барной стойкой. Ну и, разумеется, к восьми утра как штык быть на рабочем месте.

Преданный Чунгачмунк ждал меня ещё у порога отделения, стройный и подтянутый, с самым невозмутимым выражением чеканного лица. Строгий костюм-тройка, элегантные туфли, смоляные волосы, заплетённые в косу, орлиные перья за ухом, хорошо ещё без томагавка и боевой раскраски...

Я вздохнул, сухо кивнул ему, чтобы двигался за мной, и первым прошёл в участок. Капрал уже находился на своём месте, впрочем, он частенько остаётся ночевать на работе. Мы только-только начали вводить Чунгачмунка в курс его рабочих задач, как прибыл начальник. Благодушно улыбнулся всем нам, с трудом втиснулся в своё потёртое кресло в кабинете и было намекнул Флевретти на кофе, как зазвонил телефон. Комиссар, зевая, взял трубку:

— Да. Я, конечно... Что-что?! Умерла? Несчастный случай, вы уверены? Хорошо, сейчас будем. Срочно на выезд, Браздинский! — мрачно скомандовал он. — Одна домохозяйка в пригороде напоролась спиной на садовые ножницы. Конечно же это роковая случайность, но... Мы должны всё проверить и вынести профессиональное заключение.

— Слушаюсь, шеф.

— И вот ещё... поменьше там всякой самодеятельности, это приказ, сержант. А то знаю

я вас, столичных, везде видите преступление века. — Он сердито покосился на меня и махнул рукой.

— Могу взять с собой нового напарника? — Я вдруг подумал, что, возможно, появление Чмунка поможет мне доказать неправоту моего прямого начальника, скрывающего, по словам Эльвиры, страшные преступления. Краснокожий, я уверен, с его дотошностью и упёртостью не даст умолчать очередное преступление и послужит дополнительным свидетелем. К тому же случай совершенно нереальный — как можно напороться на садовые ножницы?! Это же очевидное убийство! Такой шанс нельзя упустить и позволить списать на несчастный случай или даже на непреднамеренное самоубийство.

— Нет. Он вас догонит потом, идите.

Что ж, я козырнул и, уже уходя с адресом на листке, который мне сунул Жерар, краем уха услышал распоряжения, отдаваемые воину-черепахе:

— А вы, дружок, сходите, пожалуйста, за пончиками. Здесь рядом, за углом, около аптеки. Пусть это будет ваше первое задание. Должны же мы посмотреть, каковы вы в деле, прежде чем отправлять на серьёзное дело. Каламбур, ха-ха! То есть если бы они у нас случались, конечно, серьёзные дела... По крайней мере, при мне, — довольно жёстко добавил шеф, догадавшись, что я подслушиваю. — Так, вы что застряли в дверях, сержант? Идите-идите, служба ждать не будет!

Я вздохнул, поймал подброшенные капралом ключи и вышел. Патрульная машина стояла за углом, с другой стороны площади, Чунгачмунка я перехватывать не собирался. Да и о чём мне с ним говорить? Подбадривать его, давать советы и всячески поощрять исправно нести службу в полицейском отделении Мокрых Псов у меня не было ни малейшего желания.

Я сел в машину, достал карту (ещё не все окрестности Мокрых Псов были мною изучены) и нашёл нужный мне населённый пункт Подол Мачехи, где и произошёл несчастный случай... Нет, сыскная интуиция, которая практически ни разу меня не подводила, в полный голос вопила, что это преступление! Я неторопливо завёл мотор и выехал на срочный вызов. Итак, кто кого, мой дорогой комиссар? Вы считаете, что разумнее закрывать глаза на проблемы, но я докажу, что закон превыше всего!

Подол Мачехи оказался небольшим коттеджным посёлком с преимущественно невысокими, одно-, двухэтажными домиками, разбросанными на двух улицах. Я уточнил дорогу в небольшой бакалейной лавке и через пять минут остановил машину у нужного дома. Это был крепкий особнячок с розовыми колоннами, кружевными подоконниками, ажурной красной черепицей на остроконечной крыше и с идеальным палисадником, ограниченным свежеокрашенным штакетником. Настоящий пряничный домик, в старых сказках в таких обычно живут добрые ведьмы. Правда, добрые они до тех пор, пока их что-то не устроит в поведении невинной падчерицы. После этого они становятся настоящими фуриями, а девушки после этого выживают крайне редко...

Я прошёл по аккуратно выложенной брусчаткой дорожке и позвонил в дверной звонок. Никто не ответил. Ну, собственно, было бы странно ждать ответа, но так положено по уставу. Я обошёл весь дом, пройдя между ровно подстриженными кустами бузины, и вошёл во двор, где росли такие же кусты, был разбит милый огородик, ухоженный цветник и меня уже ждали.

Кто ждал? Холодный труп и некий тип ужасного вида. Представьте себе пожилого, некупированного чёрта, один глаз у него был стеклянный, другой злобно сверкал из-под косматых бровей. И без того крайне непривлекательное лицо его уродовал глубокий, застарелый шрам через всю щёку. На голове серый валяный колпак, из-под которого во все стороны торчали спутанные волосы грязного пшеничного оттенка с проседью. Одет в безрукавку из овчины и мятые джинсы, художественно перемазанные краской, кисти рук в наколках. Он тербил мясистый нос с бородавкой на левой ноздре и заметно волновался. Прошу простить, но на труп пожилой женщины я обратил внимание уже во вторую очередь...

— Это вы звонили в полицию? — спросил я и, не дожидаясь ответа, присел на корточки, осматривая тело и место преступления.

На первый взгляд, несомненно, мы имели дело с обычным несчастным случаем. Из спины жертвы торчали большие садовые ножницы, на которых тело, собственно, и лежало, вернее, зависло в полуупавшей неприглядной позе. Рядом большие грабли и перевёрнутое пластиковое ведро. На лице женщины застыло злобное выражение, широко раскрытые глаза сверкали матовым блеском, брови были сдвинуты, рот раскрыт в немом крике, на лбу удлинённый синяк по горизонтали. Меня передёрнуло. Я прикрыл ей веки и повернулся к мужчине.

— Да, я, м-месье. Я м-местный староста, э-э... мм... Жюбер Зазнобр, — не дожидаясь моего вопроса, торопливо представился он, слегка заикаясь от волнения.

Хорошо, хотя бы понятно, с кем имею дело...

Мне с трудом удалось оторвать взгляд от натёкшей на землю крови и определить, что тут можно отметить подозрительного. Ну, тщательно подстриженная газонная трава была примята. Кругом всё истоптано. Я посмотрел на ноги старосты. Он был обут в большие грязные башмаки. Господин Зазнобр смущённо отступил на шаг назад. Рифлёная подошва, носки косолапят внутрь, то есть отпечатки весьма выразительные. После осмотра обязательных пятнадцати метров вокруг трупа других следов, кроме его и мёртвой хозяйки дома (на ней были деревянные сабо для садовых работ), ну и своих собственных, мне обнаружить не удалось.

Я быстро сделал несколько кадров старым цифровым фотоаппаратом «Зенит» импортного производства, который взял в участке. Староста, смущённо сопя, топтался за моей спиной.

— Как вы её обнаружили? Прибежали на крик? — Я поднял на него строгий взгляд.

— Нет, никакого крика я не слышал. Я зашёл за денежным пожертвованием на благоустройство фонтана, там надо обновить чугунную ограду. — Он успокоился и заговорил ровно. — Позвонил в парадную дверь, мне долго не отвечали, я подумал, что она опять ухаживает за своими флоксами, старуха могла целыми днями над ними трястись. Ну, обошёл дом, да вот тут и увидел её такую, лежащую с крантами. Ну, тут же вам и позвонил, но сам ничего не трогал, с-соображаю небось...

— Почему ножницы лежали в ведре остриём вверх?

— Не знаю, конечно, это неумно и опасно, но мало ли как бросили. Вот и грабли лежат остриём вверх. Кто-то же вечно их так оставляет.

— Погибшая жила одна? — переводя тему, спросил я.

— Нет, с падчерицей. Но два дня назад погнала девчущку из дома под зад коленом. Кажется, полдеревни слышало, как они скандалили.

Похоже, что здесь не только с виду, но и в реальности всё как в старой сказке.

— Можно об этом поподробней? — Я выпрямился, отряхнул коленки и стряхнул пыль с ладоней.

— А чё ж не можно, — пожал плечами староста. — Мадам де Грие ругалась, что девка по саду не помогает, гуляет допоздна с шантрапой всякой, домой ночевать не приходит. Ну, сами знаете, сердце материнское, в смысле мачехинское, тоже не камень. Хотя в ироническом смысле, если вы меня понимаете.

— А где сейчас эта девушка? Кстати, как её зовут? — Я всё быстро фиксировал в блокноте.

— Белоснежкой. А что тут удивительного? У нас всех падчериц только так и зовут.

— Ну, ну. — Я снова опустил глаза в блокнот, делая пометку уточнить имя девушки.

Конечно, тут было ещё несколько подозрительных моментов, но к ним вернёмся позже. Итак, что можно сказать обо всём с ходу? Значит, так, предположительно хозяйка дома наступает вот на эти грабли. Грабли, естественно, бьют её в лоб, отсюда синяк. Возможно, она опрокидывается назад и падает на садовые ножницы, торчащие из ведра для подручного садового инвентаря лезвием вверх среди лопаточек, грабелек и перчаток. Таким образом,

пожилая женщина получает смертельный удар в спину или, как принято писать в протоколах, «рану, несовместимую с жизнью». Увы, бывает...

В принципе всё ясно и логично, перед нами типичный несчастный случай. Так и оформим. Я ещё раз осторожно обошёл тело, думая о кратковременности нашего бытия, и, вздохнув, захлопнул блокнот. К сожалению, все мои надежды утереть нос Жерару рассыпались как карточный домик. Дело было слишком Уж явным, такое подстроить невозможно. А вот, кстати, и медики...

У ворот просигналила подъехавшая машина «скорой помощи», вышли два санитар, ещё раз осмотрели тело и начали осторожно перекладывать его на носилки. Староста помог мне огородить место (здесь должны были ещё поработать криминалисты) и заклеить входную дверь в дом специальной полосатой лентой. Вроде теперь точно всё, можно возвращаться в участок. Однако уже по пути к калитке в мою голову стали забредать неуверенные мысли. Причём одна цеплялась за другую...

Может быть, всё-таки я недостаточно тщательно допросил этого Жюбера Зазнобра? Собственно, я и задал ему всего два-три вопроса. А ведь у него явно бандитское лицо и, судя по наколкам, солидное криминальное прошлое. Что он мог совершить? За что его посадили? Где мотал срок? Кто из авторитетов сидел вместе с ним? Почему он так стремился мне помочь? Всё это может быть очень и очень важным. Надо срочно пробить его по нашей базе данных. Бывший уголовник у мёртвого тела, каждая улика на своём месте, и всё буквально кричит о том, что это стопроцентный «несчастный случай»?!

Я сбавил шаг и неуверенно взялся за ручку дверцы патрульной машины, когда в конце улицы замаячила длинная фигура индейца на велосипеде. Вот кто мне поможет!

Мой новый коллега сразу начал с извинений:

— Я ещё мало знаю город, прости, о мой старший брат. Я спрашивал у всех, куда пошёл вождь Блестящая Бляха, но они смеялись надо мной. Наверное, никогда не видели индейца на тропе войны.

— Надо спрашивать, куда пошёл сержант Браздинский, — с трудом сдерживая нетерпение, поправил я. — Чмунк, вы же следопыт?

— Да, меня учили читать следы с двух лет, как маленького волчонка.

— Хук! Тогда для вас здесь есть работа, пошли.

Мы вернулись во двор, пропустив на выход двух санитаров с носилками, они вынесли накрытое простынёй тело, привычно загружая его в чёрную санитарную машину. Я потащил индейца в сад. Староста ещё был там, заметив нас, он испуганно подскочил на месте. Пользуясь случаем, этот негодяй воровал луковицы цветов, выковыривая их из свежих грядок.

— Вы ещё что-то забыли? — забормотал он наглым тоном.

— Да, надо кое-что доделать. А вот вы что здесь забыли? — строго сощурился я.

— Э-э... мм... Она обещала мне луковицы тюльпанов. Они у неё всегда были самыми лучшими. Никогда не мог понять, как ей это удавалось. Может, разведённым спиртом поливала, а может, самогонкой? Ну, я вам больше не нужен, офицер, то есть офицеры? — спросил он, рассовывая по карманам луковицы, смерил Чунгачмунка недоуменным взглядом и начал боком ухрамывать к выходу.

— Подождите минутку, месье... Зазнобр.

— А чё не так? — застыл он на месте с комическим выражением испуга на лице.

Я жестом попросил его подождать и кивнул Чмунку, который на коленях ползал по траве, что-то вынюхивая, пробуя на язык и подозрительно щурясь. Судя по лихорадочному блеску в глазах, он явно напал на след.

— Докладывай.

— Хук, — кивнул краснокожий. — Есть следы этой женщины. И этого мужчины.

Под моим строгим взглядом староста съёжился. Я блефовал, уж эти следы были отлично видны даже мне. Нужно что-то другое, хоть что-нибудь ещё, а?

— И ещё отпечатки ноги ребёнка.

— Что? — не поверил я.

— Очень толстого и тяжёлого ребёнка, — подтвердил Чунгачмунк, указывая мне на едва различимые следы широких подошв. Теперь и я их увидел — следы маленьких ног, впечатанные достаточно глубоко, а потом затёртые, словно кто-то не хотел, чтобы их увидели. Думаю, только глаз индейца и мог бы их различить, мой бы вновь проскользнул...

— Где ребёнок? — Я встал и обернулся к старосте.

— Какой ребёнок? — заметался он. — Не было у вдовы никакого ребёнка. А у меня давно дети взрослые. Кто в Парижске, кто вообще за границей живёт, и ничего, на папашу Жюбера не жалуются.

Я прервал его выразительным покашливанием и обратился к новому коллеге:

— Что такое, друг? Ты ещё что-то увидел?

Индеец медленно покачал головой, не отрывая взгляда от следов, он явно о чём-то глубоко задумался.

— Этот ребёнок то ходил, то ползал, — сказал он, но в голосе его были сомнения. Или мне показалось? Но, как бы то ни было, пока всё только ещё больше запутывалось. Кто этот ползающий ребёнок? И где его теперь искать?

— Ну хорошо, напарник, если это всё, пошли. — Я с трудом скрыл разочарование в голосе. — Надо ехать в участок писать отчёт. Велосипед складывается, сможешь уместить его в багажнике машины?

Индеец уверенно кивнул и бесшумно исчез из сада.

— А вы свободны, но пока не покидайте места жительства, ваши показания ещё могут нам понадобиться, — сказал я старосте, которому, несмотря на хромоту, понадобилось меньше минуты, чтобы удрать за забор, исчезая с поля видимости.

Ладно, мы ещё вызовем его на допрос, если, конечно, шеф позволит открыть дело. Но, шагая к калитке, я вдруг, в последний раз бросив взгляд на примятую газонную траву, где только что лежало тело, кое-что вспомнил. У несчастной был синяк на лбу от удара граблями, и что-то в этом синяке было не так... Но что конкретно?

На обратном пути в участок, неторопливо ведя авто, я поделился озадачившей меня мыслью с Чмунком.

— Не знаю, что меня тут настораживает, вроде обычный синяк. Она наступила на грабли, те ударили её в лоб, она поскользнулась на мокрой от росы траве и упала спиной на пластиковое ведёрко, в которое ранее неосмотрительно, остриями вверх, бросила садовые ножницы.

— И что не так, Блестящая Бляха?

— Не знаю. Этот синяк у неё на лбу, он был какой-то неправильный...

— Неправильный?

— Да, что-то в нём было не так, то ли цвет, то ли форма, то ли...

И тут меня осенило! Так бывает, когда рассказываешь вслух о том, что никак не удаётся разрешить, когда оно молча вертится в голове. По идее, если ты наступаешь на грабли, на лбу должен остаться отпечаток в виде полумесяца или круга. На короткое время, разумеется, потом оно, расплывшись, превращается в синяк. Ибо площадь соприкосновения древка грабель и лба относительно небольшая. Но тогда и синяк будет круглым, в крайнем случае останется вытянут по вертикали (что в данном случае было бы наиболее реальным, поскольку жертва была высокого роста), но не горизонтальным же!

Я точно помню, что осматривал грабли, древко у них было вполне традиционной формы, конец закруглён и зашкурен со всех сторон. То есть никаких лишних выпуклостей от плохой обработки дерева, поэтому откуда взялся этот горизонтальный эллипс? Синяк был такой, словно её ударили не сами грабли, а кто-то державший их и бывший от плеча. Надо как можно скорее просмотреть фотографии на компьютере и съездить в морг, а там поговорить с врачом, который будет осматривать тело. Но уже сейчас направление синяка указывало на то, что удар именно нанесён жертве, а не получен ею случайно!

Чмунк оказался очень хорошим напарником, в том плане, что не приставал с

расспросами, а терпеливо ждал, пока я сам не выговорюсь и не найду решение. Мою версию направления удара он признал безоговорочно, как воину и охотнику ему приходилось не раз сталкиваться со всякими ранами, увечьями и последствиями травматизма. Я даже подумал, что, может быть, со временем найду в нём родственную душу и сторонника.

А что касается непосредственно этого расследования, то хотя комиссар Базиликус будет и против, я постараюсь убедить его в необходимости пригласить специалистов из управления департаментом. Дело о несчастном случае оказалось не таким уж очевидным, как выглядело на первый взгляд, и шеф не сможет с этим не согласиться, когда мы предъявим ему факты. Поэтому я слегка торжествовал, когда мы подъезжали к участку. Комиссар, как раз доедающий пончики, встретил нас с набитым ртом в своей привычно шутливой манере:

— Ну... и как дела в нашей... чавк-чавк... спокойной деревушке Подол Мачехи? Надеюсь, ничего не прогнило в Датском королевстве, ням?!

— Не знаю, можно ли говорить о спокойствии, когда там только что произошло убийство, но во всём остальном, кажется, деревня благоденствует.

— Убийство?! — чуть не подавился Жерар и даже привстал с места.

— Если только у вас нет другого определения факту насильственного лишения жизни, то да, убийство, — подчёркнуто строго отчитался я.

— Не учите меня элементарным служебным терминам, сержант. Вы, я вижу, ступили на скользкий путь, — прорычал шеф, сжимая половинку пончика в кулаке так, словно это было моё горло.

Флевретти молча, с горящими от любопытства глазами наблюдал за нами, явно предвкушая предстоящую батальную сцену. Но тут из-за моей спины неожиданно подал голос Чунгачмунк:

— Это правда, Большой Отец. Вождь что-то там нашёл. Его язык не раздвоен, как у змеи, он врать не будет, хук! — значимо выпрямился он, не обращая внимания на приснувшего от смеха капрала.

Жерар испытующе посмотрел на него и снова перевёл на меня свирепый взгляд, в котором читался вопрос: что вы ко мне пристали?! Дольше тянуть было нельзя. Нужно было выкладывать всё, и немедленно. Я описал ему картину преступления так, как оно мне виделось.

— И сейчас на фото я сам могу показать вам этот синяк. Он неслучаен. А значит, версия несчастного случая ошибочна.

— Хорошо. Капрал, где шнур от фотоаппарата? Подключите его к компьютеру, и посмотрим.

— Нет, лучше я сам, — поспешно возразил я, на этих кадрах пока была моя главная улика. — И ещё я предлагаю немедленно арестовать Жюбера Зазнобра. Он был там первым, имеет подозрительные наколки на руках и явно не страдает наличием сантиментов. Кстати, Флевретти, посмотрите, пожалуйста, что у нас на него есть.

Наш сотрудник покосился на шефа, тот нехотя кивнул, подтверждая мою просьбу. Только тогда капрал полез рыться в компьютере, перебирая папки и открывая файлы с досье. Даже на взгляд со стороны у него была такая путаница, что только он сам мог там что-то найти, любой другой просто утонул бы в этом скопище ссылок, паролей и документов.

— У-у-у... да у него отсидок... целых три! Отмотал последний срок шесть лет назад. Был судим за подделку кредитных билетов и даже подозревался в валютных махинациях.

— Нужно его арестовать, комиссар, он наш убийца, — с нажимом обратился я к шефу. — Пока негодяй не пустился в бега и не...

— Глупости. Я знаю его уже пять лет, с тех пор как он поселился у нас в округе. Да, нам достаточно известно о его прошлом. Мы в отделении всегда берём на контроль всех бывших преступников.

— А почему он переехал именно сюда? Вы не выясняли?

— Из-за характера преступлений, кредитные билеты — дело серьёзное, — пояснил Жерар. — Ему запретили жить в столице и даже в небольших городках, только деревни.

Таково решение суда.

— А ещё он дальний родственник этой Августы де Грие, — подивился Флевретти, щёлкая клавишами компьютера. — Если точно, то второй сын её двоюродного дяди.

— Значит, может претендовать на наследство? — значимо уточнил я.

Под давлением неожиданной информации шеф вынужденно согласился:

— Хорошо, Браздинский, я подпишу ордер на двенадцатичасовое задержание. Но если что, только вы сами отвечаете за ваше спонтанное решение.

Если бы я только послушал его тогда, уловил предупреждающие нотки в его голосе, положился на его опыт, но нет... Я был целиком захвачен желанием раскрыть это дело поскорее и доказать, что убийства на нашем участке случаются так же часто, как кошки рожают. В общем, на данный момент мои глаза слишком застила фигура наиболее подходящего преступника, и голос разума был мною почти невоспринимаем...

Мы с моим краснокожим напарником сели в патрульную машину и, по-быстрому объехав соседей умершей, получили от них нужную информацию. Как я и предполагал, кое о чём месье Зазнобр разумно умалчивал. Поэтому мы просто заехали за ним, пригласив срочно побеседовать в участке. Он слегка поворчал на отрыв от несуществующих неотложных дел, но согласился. А уже в комнате для допросов я не дал ему возможности даже удивиться, с порога предложив:

— Вот бумага и ручка. Чистосердечное признание в убийстве мадам де Грие существенно облегчит вашу участь.

— Чего?!!! — практически окосел он от изумления. Я не вру, правый стеклянный глаз старосты смотрел прямо, а левый уставился на правый.

— Факты говорят против вас. Мы успели коротко опросить соседей. И они сказали, что слышали, как вчера вы шумно поругались с убитой.

— Ну, было такое, и чё? Ещё бы с ней не ругаться, — невразумительно буркнул староста. — Моё дело следить за общим комфортом у нас в Подоле и способствовать мирному взаимопониманию между соседями. А она последние две недели со своей падчерицей так орала — за два квартала слышно, а потом и вовсе ушла девчонка. Вот я и пытался выяснить, что они там между собой до такой степени не поделили...

— И что, выяснили?

— Да. Обычная проблема поколений, возрастной конфликт, у девочки новые друзья, а мачеха — дама строгих правил, — легко отмахнулся он. Слишком легко, на мой взгляд...

— Значит, выяснив причину их ссоры, вы приняли сторону девушки и помогли ей избавиться от надоедливой хозяйки дома. Это вполне понятно. Но в чём же заключён ваш личный интерес? — уточнил я, делая пометки в блокноте.

— Ни в чём!

— Вы убили её просто так?

— Никого я не убивал! — наконец сорвался Жюбер, брызгая слюной. — Вам не удастся пришить мне мокрое дело, фараоны! Я же сам вас вызвал, забыли?!

— Убийцы часто сами вызывают полицию, думая, что одно это уже обеспечивает им алиби. Похоже, кое-кто снова ступил на скользкую дорожку, — пародируя комиссара, процитировал я, посмотрел на задержанного и встал в полный рост. — Наколки опытного уголовника, не так ли? А умение обращаться с садовыми ножницами? А якобы благородная цель защиты обижаемой девушки? А должностное право входить на чужую территорию?

— Вызовите месье Жерара!

— Не раньше, чем вы добровольно расскажете всю правду.

— Ах ты, щенок легавый! — Озверевший месье Жюбер отшвырнул табурет и бросился на меня с кулаками.

Я ждал этого, потому позволил ему слегка помолотить воздух, уходя от размашистых ударов, а потом, перехватив запястье, вывернул правую руку за спину. Слыша его рёв и громоподобные проклятия, бдительный индеец поспешил на помощь, вдвоём мы быстро надели на него наручники и вставили кляп в рот.

Следом вломился шеф. Первым делом он, разумеется, обратил внимание на «браслеты» и возмущённо-красное лицо старосты Подола Мачехи...

— Ну, это уж лишнее. Мы же не хотим до такой степени запугивать население, сержант, — с добродушной улыбкой попенял он мне, хотя в голосе его слышалась сталь.

— Это была вынужденная мера, — сказал я, невольно потеряв скулу, по которой пришёлся скользящий удар тяжёлого локтя задержанного. — Он бросился на меня, пытаюсь задушить.

— Старина Жюбер? Да не может быть, вы меня разыгрываете. — Но по тому яростному выражению лица, с которым связанный староста жевал кляп, можно было догадаться, что розыгрыш исключён. — Скорей я бы подумал, что у вас какие-то странные игры на рабочем месте. Наручники, кляп, двое на одного, что дальше?

— Не понимаю ваших намёков, комиссар! — вспыхнул я. Хорошо ещё не дошло до Чунгачмунка, он у нас явно более целомудрен. — Позвольте всё вам доложить.

Жерар со вздохом подтянул тяжёлое пузо и пригласил меня в свой кабинет. Битый час с пеной у рта я доказывал комиссару очевидную виновность поселкового старосты. Он имел финансовый интерес — наследство, доступ в дом — согласно правам старосты, имел конфликт с умершей — «притеснение» падчерицы, склонен к неконтролируемой агрессии — нападение на слугу закона прямо в отделении, а форма синяка чётко свидетельствует о физической силе убийцы и на корню исключает несчастный случай. Но, увы, все мои доводы разбивались о непоколебимую уверенность шефа в правильности своей политики.

— На нашем участке такого произойти не может. Просто не может, и всё. Освободите задержанного.

— У меня есть сведения, что вы скрываете статистику преступлений.

Покрасневший комиссар долго молчал, собираясь с мыслями, а потом тяжело выдохнул:

— Вот, значит, как... Хорошо. Я разрешаю вам вести это дело так, как вы считаете правильным. Вся ответственность ложится только на вас. Но если ваши доводы не убедят прокурора, то заявление об уходе подадите сами.

— Мне бы не хотелось такой конфронтации, — честно предупредил я. — Но раз вы не оставляете мне другого выхода... Обещаю докладывать о каждом своём шаге.

Шеф проводил меня мрачным взглядом.

Бдительный краснокожий и Флевретти насторожив уши ждали меня за дверями.

— А, вы всё слышали, — по одним их ромам утвердительно заключил я. — Что ж, теперь, Чмунк, отправляйтесь в тот же посёлок и ещё раз опросите всех ближайших соседей. Задавайте им три вопроса: что они думают о Белоснежке? Что они думают о мадам де Грие? И что они думают о своём старосте? Записывайте каждый отзыв.

— Я могу поехать на мустанге, о мой вождь? — уточнил индеец.

— Он так называет велосипед, — пояснил Флевретти в ответ на мой недоуменный взгляд.

— Хорошо, пусть едет. А вы, капрал, займётесь тщательным поиском по базе данных. Меня интересует, каким образом месье Зазнобр мог бы вступить в права владения особняком мадам де Грие. Кто эта таинственная Белоснежка? Есть ли она в наших досье? Ну примерно как-то так...

— А что будете делать вы, сержант?

— Проводить следственный эксперимент. Общий сбор через два часа в кабинете шефа. Никакого предварительного обмена мнениями. Я хочу, чтобы все доклады были непредвзятыми. Мы честно раскроем это дело.

Я вышел на соседнюю улицу, дотопал до знакомого супермаркета и, быстро прикупив нужные вещи, вернулся в участок. Если я окажусь прав, то расходы по третьему чеку мне возместят. А если нет, то меня похоронят за счёт управления... Но я знал, что прав. Значит, можно рискнуть.

Коварный Флевретти, когда я вошёл, быстро свернул окошко с пасьянсом и честно

вернулся к просматриванию полицейских архивов за прошлый год. Да, размеренная жизнь его разлепила и мне понадобится немалое время, чтобы организовать нормальную уставную работу участка, но цель того стоит.

Я надел поверх формы бронежилет, а голову защитил полицейским шлемом. Грабли и ведёрко с торчащими из него концами вверх ножницами поставил прямо в участке в коридоре. То есть имитация места преступления для следственного эксперимента была идеальной. Я зажмурился и храбро наступил на грабли! Новенькое древко с размаху треснуло меня по шлему, да так, что в голове зашумело. Что ж, продолжаем экспериментировать, одного раза всегда недостаточно...

Я бился о них шесть раз, едва не получив сотрясение мозга, четырежды меня сбивало с ног, а один раз даже, кажется, потерял сознание. Но выкладываемые под любым углом ножницы лишь соскальзывали под тяжестью моего упавшего тела, а не протыкали. На ткани бронежилета не было ни дырочки, ни пореза. Даже если предположить, что бедная женщина наступила на грабли и они отбросили её на ножницы, она, по сути, отделалась бы лишь парой синяков, не более...

Подсматривающий из своей комнаты Флевретти открыто снимал всё на сотовый, а наблюдавший за происходящим из-за решётки следственного изолятора Зазнобр (ему тоже всё было видно) мрачно насмехался, радуясь моим неудачам. Но лично я был доволен отрицательным результатом. Ведь теперь было окончательно ясно, что так убиться невозможно!

Как только я закончил следственный эксперимент и снял со взмокшей головы шлем, вернулся наш краснокожий друг. Его лицо было невозмутимо, но над головой буквально светился нимб переполняющей его гордости.

— Ну как, удалось выяснить что-то новое?

— Хук, Блестящая Бляха!

— Напоминаю второй раз, пожалуйста, обращай ко мне просто — сержант, — сказал я, стягивая с себя тяжёлый бронежилет. — Флевретти, вы готовы? Отлично. А теперь все трое идём к шефу, и каждый докладывает о своём. Только честно!

Комиссар торжественно сидел в своём кабинете за столом, когда мы все трое встали перед ним навытяжку. Он подумал, почесал в затылке и указал на Чмунка:

— Сначала ты. Потом Флевретти. И закончит Браздинский. Посмотрим, что вам удалось выяснить.

— Я обошёл шесть вигвамов и больших крепостей и говорил с пятью скво и тремя охотниками. Вот их слова. Белоснежка! Хорошая, красивая. Все охотники, говоря о ней, высовывали набок язык и тяжело дышали. Вдова вождя, мачеха Белоснежки. Вела себя достойно, скорбела по мужу, ушедшему в Страну доброй охоты. Но одна скво назвала её стервой за то, что та отказалась поделиться с ней саженцами маиса. Старого чёрта Зазнобра все называли великим вождём. Хук!

— Отлично, я думал, что мне не придётся вас учить, сержант Браздинский, что лучшие старосты получают из бывших уголовников, — самодовольно усмехнулся шеф. — Теперь вы, Флевретти. Что удалось нарыть вам?

— Августа де Грие, или Мачеха, как её чаще называли в селе, слыла законопослушной гражданкой и не имела судимостей. По крайней мере, в нашем компьютере на неё ничего нет. А вот Белоснежка, или мадемуазель Лили ля Флёр, была дважды задержана в соседнем округе за распитие крепких спиртных напитков в компании подозрительных карликов. Но это было ещё полгода назад, до её совершеннолетия. Потом она, похоже, взялась за ум и больше подобных-эксцессов себе не позволяла. Почти всё, что известно про старосту, я уже рассказал ранее. Напомню лишь о его родстве с Мачехой, вернее, с мадам де Грие. Хотя скорей всего о своей родственной связи они не знали. Поэтому уверенно говорить о его интересе к предполагаемому наследству было бы слишком скоропалительно. Ну что, хорошо я поработал? Я профи, да?! Профи!

— Вы неплохо поработали. Впрочем, данную информацию можно трактовать как в

пользу вашей точки зрения, сержант, так и в пользу моей, — благородно признал комиссар. — Теперь ваша очередь, Браздинский.

— Итак, в качестве доказательства того, что это не был несчастный случай, я готов провести следственный эксперимент у вас на глазах.

— Только никаких жилетов и шлемов, — с чисто спортивным интересом встрял Флевретти.

Шеф на секунду задумался и кивнул. Что ж, я равнодушно пожал плечами, смотрите сами.

— Итак, восстанавливаем предполагаемую картину преступления. Берём грабли, кладём вот здесь, берём ведро, опускаем в него садовые ножницы концами вверх. Теперь прошу вашего внимания.

Я сделал театральный шаг вперёд, наступил на грабли, и... дикая боль от удара в лоб швырнула меня на спину. Садовые ножницы безопасно скользнули по спине, зато я здорово ушибся поясницей о днище откатившегося ведра. С трудом встал, всем видом показывая, что мне совсем не больно, и, морщась, доложил:

— Как видите, самоубиться таким образом невозможно. Уверен, что этот «несчастный случай» подстроен. Мы имеем дело с преднамеренным убийством.

Все переглянулись, и комиссар вынужденно признал:

— Очень похоже. Ну-у, теперь сравним баллы. Показания Чмунка говорят в пользу моей версии. Показания Фурфура и вам, и нам. Убедительный следственный эксперимент целиком подтвердил правоту вашей версии. Итого один — один. Думаю, можно продолжить. Я подтверждаю ваши полномочия, Браздинский. Что вы намерены делать дальше?

— Займусь Белоснежкой. То есть мадемуазель Лили ля Флёр.

— Даю вам на это ровно один день, — подумав, решил шеф. — До этого гражданин Жюбер останется под арестом. Я продлю время его задержания, но томить его больше трёх дней без предъявления официального обвинения мы не имеем права по закону. Значит, либо послезавтра с полным пакетом улик и доказательств вы идёте к прокурору, либо мы приносим извинения задержанному, а вы пишете заявление об уходе. Устраивает?

— Так точно, комиссар.

Мне снова не понравился его тон, но тем не менее пока факты были на моей стороне. Мы трое вышли из кабинета шефа.

— Приложи мокрую тряпку ко лбу, у тебя там синяк, — сочувственно предложил Флевретти.

Он, конечно, дурак, но никто не обвинит его в бессердечии. Я зашёл в туалетную комнату, умылся, намочил тряпку и посмотрел на себя в зеркало. Поперёк лба быстро набирал цвет здоровенный синяк. Я приложил к нему мокрую тряпку и вновь резко оторвал её от лба. Синяк был вертикальный! Что неудивительно, ведь я получил граблями по лбу. Но у погибшей он был горизонтальный! Я же говорил, вот оно ещё одно гарантированное доказательство, что, возможно, её ударили другим орудием и грабли здесь совершенно ни при чём. Однако идти с этим к Жерару было уже бессмысленно, мне и так дали вести это дело, куда уж больше...

Я вернулся к себе, сел и глубоко задумался. Форма синяка и направление удара никак не давали мне покоя. Во-первых, если, получив удар граблями по лбу, женщина в тот же миг падает на садовые ножницы, то с точки зрения медицины и анатомии синяк мог вообще не появиться. Ведь по идее вся кровь должна была вытечь через ужасную рану на спине. Значит, её целенаправленно оглушили и лишь потом уложили в нужной позе и закололи садовыми ножницами. То есть прошло несколько минут, за которые успел проявиться синяк. Надо срочно связаться с судмедэкспертом. Кстати, он давно должен был уже позвонить насчёт предварительного заключения о смерти...

— Флевретти, какой телефон у морга?

— Вам нужно в морг? Зачем?! Мы все там будем, куда торопиться?

Я многозначительно постучал себя пальцем по лбу — капрал понял, что сейчас не

время для его глупых шуточек, и продиктовал номер. К счастью, медик-специалист, обследовавший тело, был на месте и Действительно обнаружил нечто интересное. Только явно не хотел делиться информацией с каким-то новеньким сержантом и требовал к телефону Жерара. Позже я узнал, что они были старые приятели ещё со школы и не без его помощи наш шеф подчищал дела.

Пришлось выкручиваться, нагло соврав, что комиссар сейчас очень занят пончиками, а расследование поручил непосредственно мне. После чего прямо предупредил, что в любом случае сейчас приеду, так как мне нужна его помощь. И месье Шабли, как звали нашего патологоанатома, пусть неохотно, но согласился встретиться со мной через полчаса в его рабочем кабинете.

Небольшой морг находился в подвальном помещении при единственной в городке больнице. Сам медэксперт — тощий, как кочерга, лысеющий сатир с кудряшками на затылке — встретил меня, держа руки в карманах чёрного халата, в его лошадиных зубах тлела дешёвая сигарета. Он приветствовал меня, так и не встав с табурета, мне сесть предложено не было.

— Сержант Браздинский, полагаю? Что ж, вы настырный тип, не люблю таких, но... Кое-какая небезынтересная информашка у меня для вас есть. Конечно, я предпочёл бы говорить только со стариной Жераром. На моей памяти за столько лет ещё никто другой в нашей полиции даже не обсуждал со мной медзаключение о теле. Это слишком конфиденциально. Но раз уж он лично передал руководство расследованием вам... — Говорливый месье Шабли ссутулил плечи, вынул руки из карманов, развернул папку и, сощурившись, ещё раз пытливо посмотрел на меня. — Дело обстоит следующим образом. Смерть наступила в результате проникновения в тело инородного предмета. Синяк на лбу, расположенный скорее даже по диагонали, чем по горизонтали, но уж никак не по вертикали, является следствием удара тяжёлым предметом. Возможно, приведшим к кратковременной потере сознания, после чего в спину жертвы были вонзены садовые ножницы. Разумеется, при падении на них она не могла получить столь опасных травм, приведших к летальному исходу.

— Сорокалетний мужчина или девушка восемнадцати лет могли бы справиться с этим? — осторожно уточнил я. — Не с ударом по лбу, разумеется, а вот так вонзить ножницы?

Патологоанатом на минутку задумался, поскрёбывая редкую щетину на подбородке...

— Если вам интересно лично моё мнение, то я бы счёл, что садовый инвентарь воткнул ребёнок, но сильный, как взрослый. Субъект более высокого роста и с более длинными руками нанёс бы удар под иным углом. Это не самая загадочная смерть, с которой мне приходилось иметь дело. Вспомнить хотя бы смерть трубочиста лет десять назад, бедняга застрял в дымоходе и идеально подкоптился к новогодним праздникам. Тогда ещё было предъявлено обвинение его сожительнице, она намеренно перекармливала бедолагу плюшками, вот он и...

— Очень интересно, но я спешу. Как быстро может быть готов официальный отчёт?

— Допустим, завтра, часов в десять утра, вас устроит? Тогда честь имею, у меня тоже дела, мне ещё три трупа надо вскрыть до ужина.

Я рассеянно поблагодарил медика. Хм... версия виновности старосты трещала по всем швам. Он здоровяк и никак не мог нанести удара, который соотносят с силой ребёнка. Та же Белоснежка, или как её там, тоже вряд ли настолько ненавидела мачеху, чтобы убить её собственными руками. Но Чунгачмунк не мог ошибиться, уверяя, что видел на месте преступления детские следы. А самое подозрительное, что девушка была дважды замечена в компании неизвестных карликов. Так, пора возвращаться в отделение...

За моё кратковременное отсутствие в участке что-то неуловимо изменилось. Флевретти встретил меня с торжествующе-сияющей физиономией:

— Угадай, кто сейчас у Жерара?

— И не собираюсь.

— О нет! Скажите, что это неправда, она не умерла-а! — послышался из-за двери девичий голос, срывающийся в слёзы.

— Это Белоснежка?! — обалдел я.

— Ага, угадал, — разочарованно поджал губы капрал. — Сама прибежала, её знакомые встретили и рассказали. Так что долго искать тебе её не пришлось.

— Вот и отлично. — Я прокашлялся, оправил мундир и постучал к шефу. — Разрешите войти?

— А, Бразинский. Вы вовремя. — Комиссар сделал вид, что привстаёт из-за стола, жестом приглашая меня сесть на свободный стул. — Послушайте-ка историю мадемуазель ля Флёр, вам будет очень интересно. Мадемуазель, прошу вас, вы не могли бы повторить свой рассказ для сержанта? Он ведёт это дело и будет вам очень благодарен за помощь.

Я заверил её в том же. Белоснежка оказалась довольно миловидной чертовкой, в простых джинсах и свободной футболке, рожки маленькие, смешно торчащие в стороны, хвост некупирован, а судя по выражению лица — вполне простодушная и искренняя особа.

Она всхлипнула, глотнула воды из стакана и попыталась сосредоточиться.

— Мы с мачехой поругались. Ну это вы знаете. Что бы ни наговорили вам соседки, мы с ней в общем-то вполне ладили. Она, конечно, давила часто и не по делу. Но уж за пять лет я как-то попривыкла и не обращала внимания. Тем более что мне уже исполнилось восемнадцать и в принципе никто не ограничивал мою свободу. Я понимала, что вечно жить в Мокрых Псах не намерена, какую тут сделаешь карьеру? В общем, думала, как распорядиться будущим, и решила посвятить себя искусству. Я стала брать уроки авангардной парковой скульптуры из непищевых отходов. Ну там, знаете, консервные банки, пластиковые ложки, бутылочки из-под йогурта и прочее. Всё это в больших количествах выбрасывается на свалку, а на курсах нас учили делать из этого красивые вещи. Но мачехе это не нравилось, она хотела, чтобы я стала кружевницей. Хотя кто в нашем урбанизированном мире носит эти глупые кружева, рюши, воротнички и манжеты? Их даже случайные туристы-покупать перестали...

— Не говоря уж о том, что работа сидячая, в замкнутом пространстве и глаза садятся за пять-шесть лет, — невольно поддакнул я и осёкся под строгим взглядом Жерара. — Прошу прощения, продолжайте, мадемуазель.

— Так вот. Я и говорю, её всё не устраивало. Ни то, как я одеваюсь, ни то, что читаю, ни то, с кем дружу, ни...

— А вот это уже гораздо более интересно, — мягко нажал шеф. — У нас есть информация, что вы были дважды задержаны за распитие алкоголя в компании каких-то карликов.

Белоснежка покраснела, опустила глаза и сдвинула брови.

— Между прочим, называть их карликами неэтично. Они предпочитают, чтобы их называли маленький народ. Эти семеро братьев — мои друзья, только друзья, не подумайте чего такого... Мы познакомились случайно на ярмарке во время их гастролей. Они Цирковые артисты.

— Карлики-циркачи? — уточнил наш комиссар. — Это так банально, но публике нравится...

— Цирковые артисты, — ещё строже поправила Белоснежка. — Они не любят, когда их называют циркачами. Для них это оскорбительно. Да и куда ещё они могут устроиться? Все карлики всегда работают в цирке. Вот вы можете представить себе карлика-учителя, карлика-полицейского, карлика — водителя троллейбуса?!

А эта девушка, похоже, рьяный борец за права всяких меньшинств, что, конечно, в её максималистском возрасте неудивительно. Такие вот пылкие, эмоциональные девицы чаще всего и сбегают из дому ради переустройства мира и вечно вляпываясь во что-то нехорошее. Причём, как правило, из самых лучших побуждений.

— Итак, вы ушли из дома. Где вы жили эти два дня?

— У них же, у этого доброго маленького народца. Куда я ещё могла пойти? Они

приютили меня, предоставив отдельную комнату. Я за это убираюсь по дому, стираю и готовлю на всю ораву, так что всё честно. Между нами говоря, вы бы знали, какой там свинарник, мальчишки совершенно не умеют за собой следить...

Последующие полчаса мы с шефом с выпученными глазами слушали о том, как она наглаживает старым утюгом им штанишки, бьёт карликов по рукам половником, чтобы они не лезли немытыми пальцами в кастрюлю с супом, вытряхивает окаменелые крошки из-под подушек, выгребает под кроватью неароматные носки двенадцатилетней давности и фанерной хрупкости, а уж грязного постельного белья в домике скопилось столько, что стиральную машинку дважды заклинивало!

— Приличной посуды в доме не было вообще, они месяцами ели с картонных или пластиковых тарелок, которые я с трудом уговорила их выбросить в мусорник! Оказывается, дружить и говорить об искусстве в кафешке — это одно, а жить вместе единой творческой общиной — совсем другое. Поэтому через два дня я не выдержала и решила хоть на часок вернуться домой. Но мачеха тоже была на нервах и наорала на меня. Сказала, что я сама во всём виновата и что могу прийти только завтра, это будет мне хорошим уроком. Если бы я только знала, то осталась бы ночевать у забора, в саду, на крыльце... но никуда бы от неё не ушла!

Девушка отвернулась к окну, и было видно, что она с трудом сдерживает слёзы. По молчаливому приказу шефа я пододвинул ей стакан воды и осторожно спросил:

— А что вы можете сказать о вашем старосте?

— Да ничего, мы с ним и не общаемся. Так, здравствуйте, до свидания. А что?

— Просто уточняем детали.

Это был последний удар, теперь моя версия о том, что Жюбер совершил убийство ради Белоснежки, полностью рухнула. Но неужели столь страшное преступление совершила сама девушка? И почему тогда Чунгачмунк говорил о маленьких следах? Могла ли сама мадемуазель Лили нанять своих друзей — карликов? Или, наоборот, они сделали это ради неё, но ей не сказали ни слова? Опять сплошные непонятности и предположения...

— Похоже, что вы были последним существом, кроме убийцы разумеется, кто видел мадам де Грие живой.

— Убийство?! Её убили?! — вскинулась девушка. — Значит, это не несчастный случай?!

— Мы склонны предполагать, что это убийство, — сурово кивнул комиссар Жерар.

— Но кто, кто мог это сделать?!!

— У следствия есть несколько версий, мы разрабатываем все. Итак, продолжим. В котором часу вы виделись и разговаривали с мадам де Грие?

— Утром, часов в шесть. Я поехала на велосипеде, как только проснулась, чтобы не пришлось снова готовить завтрак сразу на восьмерых. Мои маленькие соседи ещё спали, а мачеха всегда вставала на заре, — вытирая глаза платком, всхлипнула Белоснежка. — Мы с ней... плохо поговорили. Она меня даже на порог не пустила. Я хотела вернуться домой, а она сказала... ну вы уже знаете. Она могла быть очень строгой, хотя и... Ну то есть всегда считала, что действует мне во благо. Не представляю, кто мог бы её убить. У неё не было врагов...

— Это и необязательно, — вздохнул шеф. — Убивают по самым разным причинам. Например, из-за наследства или чтобы избавиться от надоевшего контроля со стороны старой женщины...

Белоснежка сделала круглые глаза, схватила за сердце и потеряла сознание. Я едва успел подхватить её, поплывшую со стула.

— Похлопайте по щекам, — спокойно посоветовал мой опытный начальник. — Если не поможет, плесните воды. Нервы, усталость, недосып, и похоже, что сегодня ей так и не удалось толком поесть. В годы моей молодости девушки постоянно падали в обморок, ничего страшного. Главное, не пытаться расстегнуть им верхнюю пуговицу на блузке, ослабить шнуровку корсета, не делать искусственное дыхание и непрямой массажа сердца —

убьют...

Действительно, через минуту несчастная очнулась, слабым голосом извинилась и уточнила, нельзя ли ей пойти домой? Мы не возражали. Даже подписку о невыезде брать не стали, что-то говорило мне, что её руки не запяты кровью мадам де Грие.

Комиссар Жерар высунулся из кабинета, громко потребовал у Флевретти кофе с пончиками и только потом обернулся ко мне:

— У вас мало времени, Бразинский. Староста не виновен, у нас ничего против него нет. Мадемуазель Лили производит впечатление неуравновешенной юной особы, но способна ли она на заранее спланированное убийство? Пусть даже не сама, а подкупив или уговорив кого-то из своих друзей, хоть тех же карликов? Это уже серьёзная тема. Если в указанный срок вы не найдёте истинного убийцу, я объявлю это дело несчастным случаем. Вопросы есть?

Я покачал головой.

— Тогда разрешаю вам действовать по собственному усмотрению. Флевретти, где мой кофе?! Ага, спасибо. Теперь соберите для сержанта информацию о всех карликах, проживающих в нашем округе. В частности, нас интересуют семеро братьев, цирковых артистов. Выясните адрес, место работы, телефоны, связи, контакты, всё, что возможно.

— А что делать мне, Большой Отец? — спросил бесшумно возникший за моей спиной краснокожий.

— Вы голодны? Нет? Тогда отдрайте вашего мустанга, он весь покрылся ржавчиной.

— Хук, — кивнул Чунгачмунк, словно змей выскальзывая на улицу.

А я решил по примеру шефа пройти до ближайшей закусочной, взять пару бутербродов, кофе или зелёный чай с молоком и всё неторопливо обдумать. Времени в обрез, но боюсь, что спешка уже привела меня к разбитому корыту...

— Ирджи, — успел остановить меня в дверях капрал, — держи! Тут, собственно, всего одна страничка.

Я поблагодарил, сунул распечатанный лист в нагрудный карман кителя и вышел.

В кафетерии почти никого не было, мне быстро накатали на поднос всего самого несвежего. Хорошо хоть здесь кормят прилично и обслуживают, не задерживая клиентов. В этом смысле у маленьких городков, где каждый на виду, есть свои плюсы. Утолив голод и прихлёбывая терпкий кофе с привкусом дёгтя, я наконец потянулся к распечатке. Что ж, информация оказалась довольно интересная...

Эти семь карликов были достаточно знамениты. Потому что в своё время о них писали во всех газетах: женщина родила семерню, в шоке тут же отказавшись от них ещё в родильной палате. Мамаша была танцовщицей варьете, и от кого у неё были дети, не помнила даже близко. А на вопросы журналистов высокопарно отвечала:

— В те годы я совсем не страдала любопытством. Я отдавала всю свою жизнь искусству, а мысли о том, кто именно мог оказаться отцом этих уродцев, меня и близко не посещали.

Журналистское расследование по горячим следам показало, что наиболее вероятным кандидатом был владелец Парижской оперы, маленький толстый карлик. Но у него была большая чёрная борода, а ни у кого из малышей это не проявилось. Хотя кому могло прийти в голову ждать появления у младенцев чёрной щетины? В общем, расследование зашло в тупик, и, помусолив эту новость меньше месяца, газетчики переключились на другие «жареные» события.

Меж тем шло время, братство карликов успешно окончило начальную школу, так же коллективно поступило в один колледж, зарабатывая на жизнь экзотическими танцами, акробатическими шоу на ярмарках и позированием в Академии искусств. Они сменили несколько мест жительства и в последние годы поселились на пустующей куриной ферме за городом. Яйца приносили им некоторый доход, кроме того, по Мокрым Псам ходили непроверенные слухи о том, что когда-то один из братьев выиграл в лотерею и им всем до сих пор хватает банковских процентов.

Отложив в сторону листок, я с полным отчаянием понял, что количество вопросов не только не уменьшилось, но и увеличилось. Телефонной связи с куриной фермой не было, поэтому снова пришлось садиться за руль служебной машины. Как же утомляет, что парковка нашего отделения по странной прихоти проектировщика находится за углом, метрах в пятидесяти от самого участка, а не прямо у дверей. Около машины я застал краснокожего вождя, с истинно индейским терпением отчищающего наждачной шкуркой раму старого велосипеда.

— Мне нужна твоя помощь, напарник.

— А мне показалось, что вождь недоволен тем, что я работаю с ним в одном племени, — проницательно заметил Чмунк.

— Это в прошлом. Был неправ, извини. — Я примиряюще протянул ему руку. — Нужно ехать к карликам, а без помощи следопыта мне не обойтись.

— Хук, — кивнул индеец, отвечая мне крепким рукопожатием.

...До фермы мы добирались часа за полтора, из города выехали быстро, но почти час плутали по сельской местности, жители путано показывали то одно, то другое направление, пока наконец впереди не замаячила вывеска «Куриная ферма братьев Горгонзоло».

Старый скособочившийся домишко в два этажа с чердаком не выглядел особенно гостеприимно. Окна прикрыты облупившимися ставнями, черепица отлетела во многих местах, водосточные трубы проржавели едва ли не насквозь, туалет в виде деревянной квадратной коробки притулился к дому слева. Белоснежка наверняка находилась в полном отчаянии или, наоборот, пылала бешеным энтузиазмом, чтобы добровольно поселиться здесь даже на два дня. Единственно новым был жёлтый мотороллер, стоящий снаружи разболтанного заборчика.

Мы зашли на ферму. Сбоку, за проволочной оградой, располагался птичий двор, где по окорочка в грязи сновали пёстрые куры. Покосившаяся дверь в доме оказалась незаперта. Пока Чунгачмунк дежурил у лестницы, я осторожно вошёл внутрь и быстро осмотрелся.

Первое, что бросалось в глаза, — это открытая прямо в прихожей крышка подвального люка. Она была столь гостеприимно распахнута, что я, не задумываясь, спустился по шатким ступенькам. Маленькое полутёмное помещение со странными запахами, с узкими стеллажами с колбами и столом, заваленным книгами, ретортами, спиртовками и банками с разноцветными порошками, более всего напоминало химическую лабораторию. Но ведь вроде карлики циркачи, а не учёные?

— Я слышал шум наверху, — прошептал Чунгачмунк, спустившись ко мне.

Мы быстро поднялись наверх. Никакого подозрительного шума, кроме обычного тиканья часов. Мой напарник повёл носом и, кивнув мне, побежал на второй этаж. Я поспешил за ним, мы вместе толкнули какую-то боковую дверь, она подалась не сразу, но когда открылась...

— Они все мертвы, — в ужасе выдохнул Чунгачмунк. Наверное, впервые хвалёная индейская беспристрастность ему изменила. В неосвещённой комнате, прямо на полу, вповалку лежали маленькие тела, словно брошенные марионетки. Кто-то пришёл до нас и убрал всех свидетелей...

— Мой сотовый в машине, — хрипло пробормотал я. — Надо срочно доложить шефу!

На ватных ногах спустившись в прихожую, я взялся за дверную ручку. Она не поворачивалась. Я нажал посильнее, навалившись плечом. Дверь была явно закрыта снаружи. Что за бред, зачем запирать в доме с мертвецами ещё и двух полицейских? И это настырное тиканье, как только такие часы не доводят хозяев дома до нервного...

— Чмунк! — взвыл я, поняв, что сейчас произойдёт, и, бросившись на кухню, локтем высадил стекло в окне. — За мной! Уходим!

Индеец помог мне выломать ставни, мы поочередно вылезли в оконный проём и побежали по натопанной дорожке к нашей машине. Но не успели, да и никто бы не успел — за нашими спинами грянул страшный взрыв!

Когда я очнулся, шея сильно болела, штанина на коленке была разорвана о поломанный

штaketник, видимо, нас швырнуло прямо на забор. Сжав зубы, я с трудом вытащил из ноги длинную занозу и только после этого понял, что лежащий рядом Чунгачмунк так и не пошевелился. Мне удалось на четвереньках подползти к нему и перевернуть на спину. С высокого лба индейца струйкой лилась кровь, по счастью, рана была неглубокая и скользкая, я снял китель, оторвал рукав от белой форменной рубашки и, как мог, перевязал голову напарника.

Чунгачмунк медленно открыл глаза:

— Мы в охотничьих угодьях Маниту?

— Нет, пока ещё на грешной земле. — Я кое-как встал, помог индейцу подняться и сесть в почерневшую от гари машину. Потом пристегнул его ремнём и сам сел за руль. Здесь больше было нечего ловить, от дома осталось только догорающее пепелище...

— Сколько карликов ты видел? — спросил я, заводя мотор.

— Шесть или семь. Не знаю, они лежали мёртвые в одной куче, как убитая дичь перед вигвамом охотника.

— Значит, кому-то очень выгодно, чтобы они все молчали. Скорей в отделение!

Краем глаза я невольно отметил, что жёлтого мотороллера у ограды уже не было. Значит, виновник успел уйти. Догонять его бессмысленно, дорога — сплошные повороты, загибы и рытвины, к тому же он выигрывал во времени. Погибшим мы уже тоже никак не поможем, там даже хоронить некого. Оставшиеся бесхозными куры, мельтеша у развалин амбара с высыпавшимся зерном, быстро заедали недавний страх. Хоть у кого-то сегодня праздник...

— А что было в том подвале? — запоздало спросил меня Чунгачмунк.

— Ключ к преступлению... но он сгорел вместе с домом и всеми свидетелями.

— Куда мы сейчас, вождь?

— К Белоснежке. Мне кажется, ей грозит опасность.

Всю дорогу я мчал на полной скорости, подпрыгивая на колдобинах и в любую минуту рискуя остаться без дна или колёс. В городе всё пошло получше, но на выезде к Подолу Мачехи мы вновь застряли, и когда наконец добрались до дома мадам де Грие, то прошло, наверное, не менее полутора часов.

Ухоженный особняк выглядел совершенно сонным и умиротворённым...

— Мадемуазель Лили, это сержант Браздинский! С вами всё в порядке?! — в полный голос проорал я, едва затормозив у калитки.

Никто не отозвался. Я бросился к крыльцу, мягко повернул дверную ручку, незаперто. Мы вошли в дом старой вдовы. Везде царила идеальная чистота, на полочках стояли глупые фарфоровые статуэточки кошечек, собачек и целующихся голубков, где только можно лежали кружевные салфеточки, висели пожелтевшие фотографии в резных рамках, а жуткий розовый цвет стен просто резал глаз. Неудивительно, что девушка чувствовала себя здесь неуютно, как в доме престарелых. Чунгачмунк, страшно бледный от потери крови, уверенно повёл носом и сказал:

— Запах духов молодой скво! Там. — Он ткнул пальцем вверх, и мы бросились по лестнице на второй этаж.

Несчастная лежала в своей постели, одетая всё в те же джинсы и футболку, но неестественно вытянувшись, как одревеневший кокон бабочки. Её глаза были закрыты, дыхание не поднимало грудь, а свисающая с кровати рука всё ещё удерживала кончиками пальцев тонкую фарфоровую чашку. Я опустился на больное колено и коснулся пальцами запястья девушки, пульс не прощупывался...

— Цветок Лилии сама ушла из жизни? — тронул меня за плечо Чмунк.

— Да, очень на то похоже, — устало кивнул я, беря с прикроватного столика торопливо исписанный лист бумаги. Это было классическое прощальное письмо, ставившее все точки над «і». Текст письма был несколько сух и грубоват, но вместе с тем прост и ясен, как чистосердечное признание.

«Я одна виновата во всём и потому умираю! Ещё до моего совершеннолетия моими

друзьями стали семь братьев из маленького народа. Шестеро были дураками и неудачниками, но один, чьё имя останется покрытым тайной, стал моим любовником. Мне так нравилось ласкать его прекрасное тело, покрывая поцелуями и занимаясь страстным сексом во всех местах и позах. Я сумела уговорить его помочь мне избавиться от надоедливой мачехи. Она была старая сука и не давала мне карманных денег на подарки для любимого. Вместе с ним мы инсценировали „несчастный случай“. Я так же убедила его избавиться от глупых братьев, дабы бежать со мной за границу, заниматься наукой и жить там счастливо. Но, убив их, он вдруг понял, что не сможет нести такой груз на совести. Его благородное сердце не выдержало, и он взорвал свой дом вместе с собой. О мой дивный, несравненный, великий герой! Я не могу и не хочу жить без тебя. Всё, что мне принадлежало: дом, участок, акции и прочее движимое-недвижимое имущество, — завещаю передать в фонд „Моцареллио“ в итальянской части Барбарии. Не вините никого, я всех прощаю! Будь проклят этот мир...»

Мне оставалось лишь набрать по телефону номер участка и доложить обо всём случившемся шефу. Он выслушал не перебивая, потом велел дожидаться приезда «скорой помощи», сдать им тело, вновь опечатать дом и возвращаться в участок.

Солнце клонилось к закату, день прошёл быстро...

Когда подъехали медики, молодой санитар, ещё ни разу не спиливавший рогов, быстро осмотрел несчастную, дав команду двум помощникам погрузить труп на носилки. Чунгачмунку посветили специальным фонариком в глаз, потребовали вытянуть руки и коснуться пальцем кончика носа, сделали укол и, невзирая на вялый протест, тоже забрали с собой. У него явно было сотрясение мозга, да и рану на лбу следовало дезинфицировать и наложить на неё швы.

Когда все убрались и я наконец запер двери в пустой дом, повторно наклеив на косяк чёрно-оранжевую ленту с надписью «Опечатано», то вдруг почувствовал навалившуюся на плечи дикую усталость. Кое-как доплёлся до патрульной машины и ехал очень медленно, как побитая собака. Предсмертное письмо Белоснежки и та чашка, из которой она сделала последний глоток, лежали рядом на сиденье. В один день мне выпало задержать невинного, не спасти свидетелей, потерять напарника, не предотвратить преступления и не остановить доведённую до отчаяния девушку. Быть может, я излишне драматизирую, но общее состояние отнюдь не располагало к адекватному восприятию реальности. Мне было слишком плохо, более чем плохо...

Комиссар Жерар выслушал меня спокойно и не перебивая, дважды перечитал предсмертную записку Лили ля Флёр, понюхал чашку и демонстративно протянул мне ключи:

— Выпустите задержанного и извинитесь. Дело Белоснежки и её мачехи закрыто.

— Не всё так просто, — покачал я головой. — Да, признаю, господин Жюбер невиновен, и я сейчас же принесу ему свои извинения. Но кто-то же запер нас с Чмунком в доме за минуту до того, как произошёл взрыв.

— А если она просто захлопнулась на задвижку?

— Да, но... там ещё был мотороллер. Жёлтый, совсем новый. Стоял у забора, когда мы подъехали к ферме. Когда мы отъезжали после взрыва, я его уже не видел. Полагаю, на нём мог уехать преступник.

— А то, что мотороллер вместе с забором взрывной волной отшвырнуло в ближайшую канаву, вы не предполагаете? — повысил голос шеф. — Браздинский, наше дело не предполагать, а знать! Вы были обязаны тщательным образом осмотреть место преступления, особенно после взрыва. А теперь по вашей вине мы незаконно продержали под арестом честного чёрта двенадцать часов, ваш напарник попал в больницу в первый же день службы и у нас на руках девять трупов вместо одного. Довольно самостоятельности! Впредь работаете строго по моим приказам.

— Я всё понимаю, комиссар, но...

— А я сказал — дело закрыто. — Он хлопнул ладонью по папке с делом. — Весь

завтрашний день вы посвятите патрульно-постовой деятельности. Будете Учить детишек распознавать сигналы светофора и переводить старушек через улицы.

Я козырнул, развернулся и вышел. Расстроенный Флевретти, не вставая из-за своего стола, встретил меня сочувственным взглядом.

— Понимаю, что, наверное, это тебе уже не нужно, но я тут нашёл кое-что: один из карликов учился в колледже на химическом отделении и даже считался лучшим учеником. Просто откопал тут в архиве мелких событий соседнего округа, что парень получил премию за первое место на олимпиаде по химии семь лет назад.

— Спасибо, Фурфур. Но, наверное, это действительно уже неважно...

Добрых десять минут мне пришлось извиняться перед старостой, объясняя ему щекотливую ситуацию со своей точки зрения. Не думаю, что он меня простил. Отмахнувшись от моих речей, бывший уголовник прошёл в кабинет Жерара и, как я понял, накатал на меня большую жалобу в управление. Как минимум это грозило денежным штрафом в пользу пострадавшего и даже понижением в служебной должности. Вот так...

Впрочем, мне было уже всё равно. Прихрамывая от саднящей боли в ноге, я вернулся в свой гостиничный номер, принял душ, смазал царапины йодом и только-только собрался лечь, как раздался телефонный звонок Эльвиры. Наверное, впервые я не был этому рад...

— Привет! А я тебе ещё днём два раза звонила в участок, — радостно зачастила она. — Нет, ничего срочного, просто соскучилась. А мне Флевретти сказал, что ты на выезде и что у вас было убийство. Это же такое событие! Хотя про это уже весь город знает. Кокнули Мачеху. Если ты чуток поделишься со мной самой горячей информацией — отличненькая статья получится. А я угощу тебя пирожными в пекарне, что рядом с моим домом. Они там самые вкусные!

— Понимаешь, всё не так просто, и шеф... — издали начал я.

— Ирджи, не скромничай! Я прекрасно понимаю, что, если бы не ты, Жерар и это бы дело слил как несчастный случай. Давай жми, режь всю правду! Я уже включила диктофон.

А собственно, почему бы и нет? В конце концов, я имею законное право предварительно озвучить как официальную версию следствия, так и свою частную точку зрения. Около получаса Эльвира, как истинная журналистка, старательно и скрупулёзно записывала каждое моё слово, задавая важные уточняющие вопросы, но когда я почти дословно процитировал ей предсмертное письмо Белоснежки, она вдруг подняла меня на смех.

— Я понимаю, что для старины Жерара это не доказательство, но имей в виду, женщина бы так никогда не написала. Целовать и ласкать его прекрасное тело! Заниматься страстным сексом во всех местах и позах?! Какая дура может так писать? Да ещё предсмертно! Его благородное... чего там, сердце? (Ха-ха!) не выдержало, видите ли. Мой великий герой? Ну и бре-ед... Ну ты меня рассмешил, давно так не хохотала! Милый, эту фигню писал кто угодно, но не Белоснежка Лили. Автор, похоже, вообще ничего не знает о женщинах, да ещё и сам девственник...

А вот мне было не до смеха. Если письмо действительно поддельное, то уже всё буквально кричит, что это убийство, да ещё и множественное, о каком в этих краях даже не слыхали! И получается, наш Жерар просто преступник, покрывая такое, когда истинный убийца на свободе и каждая минута на счету, потому что он может в любой момент покинуть город и сейчас скорей всего занят сборами в дорогу. Если, конечно, не позаботился о себе заранее.

Но он-то позаботился, я уверен. И найти его будет стократ сложнее, особенно с местной системой расследования. С другой стороны, если я сейчас позвоню комиссару и доложу, что Эльвира сочла письмо поддельным, он меня просто уволит за неподчинение приказу и разглашение служебной информации. И будет прав, а преступление так и останется нераскрытым. Да наплевать, на данный момент по его же личному диктату дело объявлено закрытым!

Я дождался, пока моя подруга прекратит хохотать в трубку, и коротко предложил:

— Можешь мне помочь? Надо срочно съездить в городской морг.

Она согласилась не раздумывая.

Через десять минут Эльвира на своей машине приехала за мной в гостиницу. Я с трудом влез в её маленький «пунш», прижав колени к груди.

— Служебное удостоверение взяла?

— Конечно! — Она грозно помахала у меня перед носом красной журналистской «корочкой». — И фотоаппарат и диктофон. А ты?

— Только наручники. Табельное оружие мы обязаны оставлять в участке.

— И что ты рассчитываешь там найти?

— Не что, а кое-кого, занимающегося химией, причём столь успешно, что он даже брал за неё призы. Если письмо написала не Белоснежка, а кто-то другой, то этот другой, судя по всему, был здорово в неё влюблён. А значит, не мог её убить. Смотри, как чётко всё рассчитано — он знал, что Белоснежку заберут в морг вечером, значит, мог дать ей какой-то сильнодействующий наркотик, замедляющий работу сердца...

— И был полностью уверен, что на ночь глядя никто не станет вскрывать тело?

— Именно, — подтвердил я. — А значит, всё должно решиться этой ночью. Он придёт за ней.

— А мы его встретим! — хищно оскалилась Эльвира с таким демоническим блеском в глазах, что я даже чуточку пожалел о том, что втянул её в это дело.

Мы довольно быстро доехали до больницы и вышли к моргу. Сторож, старый седой домовой с кустистыми бровями, нехотя открыл нам дверь, предупредив, что главного врача нет, внутри находится только один ночной санитар, который тоже вряд ли чем сможет нам помочь.

— Ну разве что укажет, под какой простынёй лежит Белоснежка, — усмехнулся он. — Похоже, пареньку она нравится...

Это было последней уликой! Мы, едва ли не бегом, прошли по длинному коридору, тускло освещённому одной жёлтой лампочкой, пока не упёрлись носом в дверь с надписью «Мертвецкая». Повернув ручку, я первым шагнул внутрь и поражённо замер — в левом углу на металлическом столе лежало обнажённое тело Белоснежки, а рядом с ней, поглаживая её по белому бедру, стоял маленький пузатый карлик со спущенными штанами...

— Вы арестованы!

Прежде чем эхо моих слов рассеялось, Эльвира успела трижды щёлкнуть фотоаппаратом. Карлик взвизгнул и, натягивая штаны, попытался нырнуть под стол. Я бросился за ним. В ограниченном помещении морга ему некуда было бежать, но представитель маленького народа оказался невероятно силен и сопротивлялся как бешеный. Мне с большим трудом удалось защёлкнуть на нём наручники, лишь тогда он смирился, но всё равно рычал и скулил, сверля нас маленькими злобными глазками...

— Как я понимаю, это и есть один из «погибших» карликов? — меланхолично уточнила Эльвира, целомудренно прикрывая тело мадемуазель Лили серой простынёй. — И, судя по содержанию письма, тот самый, что считал себя героем-любовником, а своих братьев неудачниками.

— Он самый, — кивнул я. — Держу пари, когда мы пробьём этот фонд «Моцареллио» по банковским базам данных, окажется, что он и есть его учредитель.

— Что вы можете сказать в своё оправдание? — Эльвира протянула свой микрофон поближе к задыхающемуся от ярости карлику.

— Она сама виновата! — истошно заорал он. — Я хотел как лучше! Она всё поняла не так!

— Хотите об этом поговорить? — коварно улыбнулась Эльвира, и после такого милого предложения задержанного нельзя было заткнуть никакими силами. Из него просто бил словесный фонтан!

Он поведал о том, как познакомился с Белоснежкой в Академии искусств, как сразу запал на неё, как, узнав, что у неё есть средства, что она в перспективе богатая наследница,

стал продумывать свой «изошрённый» план по завладению и девушкой, и её деньгами. Его мозг разработал самую злую и коварную схему, на которую только был способен, казалось, он предусмотрел всё...

Его работа ночным санитаром в морге была не просто удачным совпадением, парень устроился сюда ровно месяц назад. Он же и убедил обиженную мелкой ссорой девушку уйти из дома и поселиться у братьев. А когда она быстренько поняла, что такая жизнь не для неё, посоветовал вернуться к мачехе. Ему было важно, чтобы она помнила только его «заботу» о ней...

Когда Лили поехала к мачехе мириться, он спрятался в корзине для покупок на её велосипедном багажнике. А у дома мадам де Грие незаметно выскользнул и спрятался за живой оградой. Пока девушка разговаривала со старухой, он, прячась за кустами, прополз во двор и притаился в саду. А дальше всё прошло как по маслу.

Разочарованная Белоснежка уехала, а мачеха вышла во двор с простым ведёрком, в котором лежали те самые садовые ножницы, послужившие орудием преступления. Первоначально карлик рассчитывал элементарно задушить бедную женщину своим поясным ремнём, но с первого взгляда понял, как нужно действовать и какой чудесный шанс предоставляет ему судьба...

Злодей вышел из своего укрытия, вежливо заговорил с мадам де Грие, а когда она к нему наклонилась, ударил её черенком грабеля. Руки у него были сильные, сказывались годы занятий акробатикой для выступлений на ярмарках. Несчастная упала на спину. Он оттащил её в сторону, перевернул, вонзил ножницы, перевернул обратно и аккуратно опустил на ведёрко так, чтобы создавалось впечатление, что ножницы торчали из ведёрка, а не были опущены в него вместе с телом...

— Да, чтоб вы знали, эта старуха была тяжёлой, как тролль. Я чуть не надорвался, корячась изо всех сил, лишь бы инсценировка самоубийства была настолько очевидна, чтоб даже идиотам-полицейским два раза думать не пришлось. Но дело дали одному особенно надоедливому сержантику, и, когда он появился у нас в морге, вынюхивая у главного врача подробности смерти Мачехи, я понял, что он выйдет на Белоснежку. Ведь все соседи были в курсе её беспутного поведения, пьянок и скандалов в доме. Но мною был разработан второй, запасной план, и я имитировал её смерть!

— То есть она очнётся? — кивнула Эльвира. — Тогда ещё один вопрос: зачем вы убили ваших же братьев?

— Для большего правдоподобия, — фыркнул он, раздражённый нашей дотошностью. — Они были простаками, ни на что не способными добренькими лентяями и могли проболтаться о моей химической лаборатории. Жаль, что вы успели её увидеть. Иначе никогда бы не догадались, что это я...

— На месте убийства были обнаружены следы маленьких ног, — напомнил я.

— Я думал, что затёр их все до одного...

«Не для нашего следопыта...» — подумал я, но вслух ничего не сказал, чтобы не прерывать излияний карлика. А тот, проморгавшись, продолжил:

— Ладно, теперь это уже неважно. Я подготовил зелье, отравил братьев, убедился, что двое полицейских вошли в прихожую, включил часовую бомбу, взорвал дом и поехал к Белоснежке. Был ли я уверен, что она полюбит меня, когда я «помогу» ей избежать гильотины за убийство Мачехи? Ну, я был не так красив, как мои братья, но зато куда умнее. Дождавшись, когда она проснётся, я хотел рассказать ей, что её намерены арестовать и обвинить в убийстве. Что полиция не сомневается в том, что всё это её рук дело. Что только мой могучий интеллект способен спасти её, а перевод наследства в мой же фонд обеспечит ей безбедную жизнь и свободу. Вот как-то так...

— Ха! — не сдержалась Эльвира. — Выходит, вы раздели её и стояли тут, спустив штаны, чисто из лучших побуждений? Да вы фантазёр...

— Конечно, если бы она не согласилась, то пришлось бы избавиться и от неё... Но я же не ради себя! Я учёный, у меня были высшие баллы по химии, я мог облагодетельствовать

мир! Величие моих помыслов оправдывает любые мои поступки. Ибо что такое жизни шести, семи, восьми чертей, когда мои научные изыскания могли спасти миллионы?!

Заслушавшись громкими речами скованного преступника, мы и не заметили, как простыня зашевелилась и изумлённая мадемуазель Лили гневно уставилась на всех нас. Похоже, она услышала достаточно...

— Маленький извращенец, — яростно прошипела Белоснежка, быстро заматывая простыню вокруг тела. — Мать твою об стенку, я сама тебя придушу, гад!

Я вроде бы говорил, что было трудно бороться с карликом? Оказалось, что оттащить от его горла разгневанную девушку было в тысячу раз сложнее. Тем более что позволить ей убить задержанного не позволял мундир полицейского, хотя карлик расправу по большому счёту заслужил...

...Наутро весь наш городок бурлил, обсуждая произошедшее событие. Статья Эльвиры, выложенная вместе с фотоснимками той же ночью в Интернете, вызвала настоящий бум! Все столичные издания слали ей предложения об эксклюзивном интервью. Утром шеф лично допросил карлика и запер в камере предварительного заключения до передачи его соответствующим властям. Пресса кричала о «преступлении века на почве любви вообще и к науке в частности», а Мокрые Псы мгновенно стали жутко популярными.

Когда в участке карлик, ничуть не раскаиваясь и даже словно бы бахвалясь, повторил свои показания и подписал их в присутствии свидетелей, все мы были сильно потрясены. Это был не псих и не маньяк, а абсолютно вменяемый гражданин, добровольно ставший жутким убийцей. Не понимаю, как такое происходит, что с нами всеми творится...

— Я могу снять его скальп на память? — шёпотом попросил Чунгачмунк, сбежавший из больницы.

— Увы, нам в полиции такого не позволяют, — так же шёпотом ответил я.

Дело было настолько громкое, что судить представителя маленького народа должны были уже в столице, а до процесса, как особо опасного преступника, поместить в самую страшную тюрьму на юге нашей страны — «Райские кущи». Говорят, даже охранники чувствуют там себя заключёнными...

Вечером, когда все разошлись, я наконец вышел на открытый, честный разговор с шефом.

— Почему вы замалчивали все дела, которые творились у нас в городке? Сын мэра, грабители банков, воры в супермаркете, похищение горгулий да мало ли...

— Мне осталось два года до пенсии, сержант, — удивляясь моей непонятливости, вздохнул он. — И я хочу до неё дожить. К тому же с хорошей репутацией. Все будут вспоминать меня и говорить, что, когда комиссаром был старина Жерар, преступностью здесь и не пахло.

— Но все всё знают, горожане смеются над вами, — слукавил я, решив, что ничто не вредно для пользы дела.

Однако шеф и глазом не моргнул.

— Не преувеличивайте, я тут всеми любим и уважаем, — с невозмутимым благодушием ответил он. А в управлении округа меня вообще ставят в пример новичкам. Я тут как незыблемый гарант законности и порядка! И всё потому, что не нарываюсь на лишние неприятности.

— Тогда почему помогли мне, разоблачили маньяка-почтальона? Ведь тогда в пещере ему ничего не стоило навести пистолет и на вас...

— Почтальон собирался убить вас и убил бы, а вы мне нужны живой. По той же причине — мне два года до пенсии. Если не на вас, то на кого я оставлю участок? Вы первый в очереди. Потом Флевретти. Но лучше всё-таки вы.

— Но вы же сами хотели меня уволить? — не понял я.

— Уволить — это одно, позволить убить — совсем другое, — заюлил месье Жерар, давая понять, что разговор окончен. — Ведь всё кончилось хорошо, Браздинский. Вы молодец! Я напишу рапорт в управление, чтобы вас представили к награде. А также

наградили почётными грамотами Флевретти и вашего Чунгачмунка. Они также внесли весомый вклад в раскрытие этого ужасного преступления, аналога которому ещё не было в истории Мокрых Псов и, надеюсь, не будет.

— Нет уж, вы так легко не отделаетесь, шеф, — упёрся я, прямо глядя ему в глаза. — Отныне все дела будем вести в открытую. Иначе рано или поздно какой-нибудь маньяк решит, что ему здесь всё сойдёт с рук. И этот кошмар повторится снова.

— Хм. Ладно, Бразинский, увидим... — Комиссар Базиликус широко улыбнулся и, выдвинув ящик стола, поставил передо мной блюдо с пончиками и два бумажных стаканчика с остывшим кофе. — Отметим?

Я улыбнулся ему, мы сработаемся. Это была моя маленькая личная победа, потому что побеждённых не было...

Глава 5

ЧИСТО ЖЕНСКОЕ САМОУБИЙСТВО

В то утро я проснулся счастливым. И понял, что наконец-то меня отпустило, ушло, оставило, позволив снова дышать полной грудью. Исчезло чувство вины, связанное с последним нашим расследованием...

Прошло уже несколько дней после раскрытия дела о Кровавой Белоснежке. Так его оформил капрал Флевретти, он у нас любитель эффектных названий, к тому же ведёт весь архив расследований, вот и развлекается, чем может. Комиссар Жерар Базиликус снисходительно относится к его выходкам, примерно как к шалостям маленького ребёнка, хотя этот «ребёнок» уже столько лет служит в полиции и имеет дело с важными документами.

Так вот, повторюсь, впервые за несколько дней я проснулся без угрызений совести и ночных кошмаров. Получилось так, что я до сих пор винил себя, что не предотвратил убийство шестерых карликов и чуть не допустил гибель самой Белоснежки, которая, кстати, вчера заходила к нам, притащив большой пирог с капустой и яйцами, который испекла специально для нас в благодарность за избавление её от козней учёного карлика-извращенца. По правде говоря, меня не восхищают такие деревенские деликатесы, я вообще, глядя на брюхо Базиликуса, всё больше склоняюсь к тому, чтобы ограничить для себя продукты из теста, но шеф и Флевретти с явным удовольствием умяли пирог до последней крошки.

Чунгачмунк практически освоился на новом месте и чувствует себя как дома. Он, кстати, тоже не стал есть пирог, сказав, что индейцы не пекут пироги, а капусту едят только женщины, у мужчин от неё теряется охотничий нюх. Кажется, он всерьёз решил остаться у нас и на работу рейнджером в родные прерии возвращаться не намерен.

Хотя никто не понимает почему. Там воздух чистый, еда здоровая, преступников днём с огнём не сыскать, а у нас в полиции только соцпакет хороший, сама же зарплата не так чтобы особо. Каждый из нас работает здесь по какой-то своей причине, но явно нет никого, кто бы устроился в полицию исключительно ради денег. Не такие уж это деньги, чтобы из-за них рисковать своей шкурой...

Но вчера вечером наш краснокожий сотрудник получил телеграмму от брата и уехал, выпросив пять дней за свой счёт. Кажется, вампиры опять появились в их краях и он должен был быть там, чтобы помочь племени согласно древнему договору, заключённому с кровососами, и из чувства долга перед остальными воинами. Я сам проводил его на вокзал и посадил на электричку до аэропорта, надеюсь, новенькое полицейское удостоверение позволит ему провозить в салоне самолёта свой томагавк.

Итак, возвращаясь к теме, ещё раз напоминаю: этот день был для меня особенным. Праздничным, романтическим, полным надежд и тусклого света. Если бы я знал, просыпаясь, что меня ждёт, что это счастливое утро окажется преддверием таких неземных страданий, которых и городскому мэру не пожелаешь, я бы укрылся с головой одеялом и вообще никуда не пошёл. Никто не осудил бы, все поняли, но, Увы, судьбу не объедешь и не обманешь...

Хотя давайте уж по порядку. Как я говорил, начало рабочего дня не предвещало катастрофы. Но с утренней почтой к нам в участок поступило анонимное письмо, в котором говорилось, что вчера умерла и была тайно похоронена одна из преподавательниц Сафо — местного закрытого женского университета.

— Я даже не знал, что у нас есть такое учебное заведение, — признался я, протягивая шефу вскрытый капралом конверт. Он был из плотной шероховатой бумаги, желтоватого цвета, не такой, какие продаются на каждой почте, а в уголке красовался вензель: грозная драконица, олицетворяющая обучение тайным магическим искусствам. По всей видимости, герб университета. Однако короткое платье и легкомысленные гольфы в полоску придавали чудовищу шаловливый и даже несколько эротичный вид. Женщины, что с них возьмёшь...

Жерар принял у меня письмо и, нахмутив брови, перечитал.

— И вы, сержант, считаете, что мы обязаны реагировать на такие вещи? Лично я недолюбливаю анонимки. От них всегда одни проблемы...

— Вы правы, но боюсь, что столь оригинальное внешне письмо, пришедшее по официальным почтовым каналам, не могло не быть замечено и зарегистрировано. Мы обязаны хотя бы отреагировать.

— Будь по-вашему, но... — Комиссар вновь уныло развернул письмо, зачитывая вслух. — «Я не могу молчать! Они убили её и похоронили на университетском кладбище, они уверены, что об этом никто не узнает. Пришлите проверку, найдите тело Паулины Аферман, покажите руководство университета и восстановите торжество справедливости, я умоляю вас! Но ни слова обо мне, ни слова! Искренне ваша, мадемуазель N». Ну это же бред, Бразинский, истеричный бред!

— Возможно, но... — Я сокрушённо развёл руками.

По нашему негласному уговору после раскрытия достопамятного дела о Кровавой Белоснежке старый начальник участка дал слово не класть заявления под сукно, пока мы все дружно не признаем целесообразность данного действия. Теперь уже и я понял, что полиция далеко не всегда должна грудью бросаться на каждый зов о помощи, ибо две трети вызовов на «страшные преступления» на проверку оказывались раздутой пустышкой. А шеф Базиликус был вынужден строго отчитываться перед мэрией за любой перерасход средств из городского бюджета...

— Ладно. В общем, этот университет находится в бывшем поместье князей Клинских, к северу отсюда, за холмом и лесопарком. Там обучаются ведьмовству, траволечению, природоохранной деятельности и основам защиты экологии. Сразу предупреждаю, что ни преподавательницы, ни студентки отнюдь не жаждут внимания местных. И в первую очередь мужчин.

— Почему? — не понял я.

— Сафо — федеральное учебное заведение закрытого типа, там практикуют самые крайние формы феминизма. Это чётко прописано у них в уставе, ещё с прошлого века, когда там была просто элитарная монашеская школа юных чернокнижниц.

— А вас не пускали хотя бы посмотреть этот университет?

— Конечно нет, — нахмурился шеф. — Они ни для кого не делают исключений, даже для комиссара полиции.

— Но откуда вы столько о них знаете?

— В своё время я был знаком с их директрисой.

— Ну так в чём же проблема? Это поможет нам проникнуть на их территорию и всё спокойно выяснить, — рано обрадовался я. — Позвоните ей, она не откажет старому приятелю!

— Именно по этой причине ничего и не получится...

— Почему?

— Хм... скажем так, ей есть за что на меня злиться, — покраснев, опустил голову месть Жерар.

Никогда раньше не видел, чтобы он так явно краснел.

— Время всё лечит, шеф. Откуда вы знаете, что она злится до сих пор? Может быть, как раз наоборот, только и мечтает, чтобы вы пришли к ней? — подал голос со своего рабочего места Флевретти, главный знаток женских сердец.

— Я её слишком хорошо знаю. Она всегда была такой пылкой и не признавала компромиссов ни в жизни, ни в постели, — поджал губы комиссар. — Думаю, с годами её ненависть могла только усилиться, а за два года до пенсии я не расположен так рисковать...

— Но мы не можем игнорировать это письмо. Мне почему-то кажется, что писали без шуток, и это дело грозит вылиться в серьёзное расследование.

— Ах да, мы ведь теперь выясняем всё до конца и «ничего не заминаем». Эх, как же вы ещё молоды...

Я предпочёл промолчать. Мы все трое выдержали долгую театральную паузу, каждый думал о своём. Мне пришлось первым нарушить тишину, когда всё слишком уж затянулось.

— Итак, с чего начнём? Я предлагаю действовать открыто. Давайте просто пойдём и попросим их всё нам объяснить. Пусть предъявят эту преподавательницу, если с ней всё в порядке. А если скажут, что её сейчас нет, уехала в отпуск, заболела, сменила место жительства и тому подобное, то начинаем расследование. На основании этого письма, если подключить ваши дружеские связи с прокурором, можно добиться ордера на обыск. Как вам такое, комиссар?

Флевретти как-то проболтался, что шеф с прокурором раз в неделю вместе обедают в китайском ресторане. Согласитесь, этим грех было не воспользоваться.

— Попробуйте. Но они вас не пустят.

— А если мы поедем вместе?

Жерар покачал головой, помялся, поизворачивался, но в конце концов сдался и согласился проехаться со мной.

Дозвониться в университет мы не смогли, там никто не брал трубку. Комиссар уныло сказал, что это дело обычное, они общаются только с комитетом по финансированию и родителями девочек, их телефоны им известны. Других связей с «миром мужчин», как у них принято говорить, педагогический совет старается избегать, считая, что это может разрушить сами устои их заведения и пагубно повлиять на образовательный процесс. Поэтому никаких связей с внешним миром.

А по-моему, это уже сектантство какое-то. Но, к сожалению, против сектантства у нас законов нет, правительство это дело только поощряет как любую тёмную религию. В нашей стране официальное понятие толерантности доведено почти до совершенного идиотизма, можно верить во что угодно, практикуя всё вплоть до кровавых жертвоприношений, лишь бы на всё это была вовремя подана заявка и получено соответствующее разрешение на двух бланках с печатями. После чего творите, что хотите, а полиция вечно крайняя. Издержки демократии и правового государства, но не мне судить...

В целом мы ехали почти час или даже больше по серпантину в гору, пока перед нами не открылся мрачного вида трёхэтажный дом за мощнейшей чугунной оградой. Я остановил служебный автомобиль у ворот, охраны нигде не наблюдалось. Сквозь прутья решётки никого не было видно и во дворе с аккуратно подстриженными квадратными кустами французского сада и идеальным газоном. Всё поместье словно вымерло, может быть, мне показалось, но в воздухе витало ощущение угрозы...

Шеф даже не стал выходить из машины. Повинуясь его молчаливому приказу, я, поискав, нашёл под плотно обвившими забор листьями плюща потрескавшуюся кнопку домофона и нажал её. Послышался отдалённый трезвон, но ответа не последовало. Я нажал ещё раз и держал подольше.

— Кто это? — наконец отозвался грозный женский голос, хотя он с тем же успехом мог принадлежать и мужчине. Если бы только я не знал, что никого, кроме женщин, у них на территории нет, подумал бы, что это мужчина и есть.

— Полиция. Откройте, нам нужно кое-что проверить. К нам поступила...

Трубку тут же повесили. Я нажал на кнопку снова и настойчиво ждал, потом ещё раз, и

ещё, и снова, но похоже, что они просто отключили домофон.

— Откройте! Именем закона! — прокричал я. Но в ответ — прежняя тишина...

— Хватит, Бразинский, тут слишком сыро для моего радикулита.

— Я попытаюсь перелезть через ограду.

— Вы с ума сошли! Да они вас просто убьют, — повысил голос шеф. — У них ТАКИЕ методы, и несанкционированный проход на частную территорию университета строжайше запрещён, а у нас даже нет разрешения прокурора. Это отдельный, замкнутый мир, и самый лучший детектив ничего тут не найдёт. Уж поверьте, они свои права знают.

Но меня это только раззадорило.

— И что? Вы хотите сказать, что они убивают кого им вздумается и полиция не вмешивается? Закон для всех, кроме этих ведьм?!

— Я только хотел сказать, тут надо действовать тонко. — Комиссар Жерар задумчиво потерев нижнюю губу. — Едем, здесь мы ничего не добьёмся. Поступим иначе...

Он едва ли не силой заставил меня вновь сесть за руль, и мы поехали в участок. Всю обратную дорогу мой начальник напряжённо молчал. Я тоже, чтобы не мешать ему думать. Нам нужно было найти способ вызвать руководство университета на сотрудничество. Но как? Шеф достал из-за пазухи письмо и снова углубился в чтение. Текст был короткий, но, в конце концов, на данный момент это единственное, за что мы могли зацепиться...

— А знаете, похоже, что это мужской почерк. Хотя его автор и старался сделать его максимально округлым, то есть более похожим на женский, но... Думаю, это писал мужчина.

Он сунул мне письмо под нос. Я мельком глянул, не отвлекаясь от дорожного движения.

— Да, вполне возможно. Но мужской и женский почерки часто похожи.

Сейчас мне было не до каллиграфии, я больше думал о содержании письма, а не о том, кто его писал — мужчина или женщина. Однако шеф скорее правильно заметил, что мужчины пишут буквы крупнее, чем женщины, не так аккуратно и чисто, уж он-то ежедневно разбирает почту и кучу заявлений, поднаторел за годы службы. Но значит ли это, что какой-то мужчина находился на территории университета и был в курсе происходящих там событий? Тогда кто он и где его искать?

— Хотя нельзя быть на сто процентов уверенным, — продолжал бормотать себе под нос мой начальник. — Поэтому лучше не брать это за отправную точку. Тем более что многие из живущих там женщин с их феминизмом сами уже почти превратились в мужчин. Может, со временем это отражается и на их почерке...

Я подумал, что это вполне логичная теория, тем более что описание таких случаев «омужичивания» женских манер, внешности, привычек и прочего в учебниках встречается предостаточно. Мы подъехали к нашей стоянке, оставили машину и неспешно дотопали до участка.

— Флевретти, снимите копию с письма и отправьте его в центр на экспертизу. Пусть их графолог даст своё заключение о почерке, — сразу же отдал распоряжение шеф и хлопнул дверью своего кабинета.

Тощий капрал вопросительно уставился на меня. Я пожал плечами: ничем интересным, мол, поделиться не могу, полный пролёт, нас просто продинамили. Сделал себе чашку дурного растворимого кофе, некоторое время приводил в порядок бумаги с прошлого дела, прочёл эсэмэс от Чунгачмунка (у него всё хорошо, он воюет, хук), а потом раздался громкий голос комиссара Базиликуса:

— Бразинский, зайдите ко мне!

Какая-то подозрительная преувеличенно-радостная нотка прозвучала в его голосе, и я толкнул дверь в его кабинет не так чтобы очень уж охотно:

— Слушаю, шеф.

— Дело начинает продвигаться. Я связался с нашим руководством в столице, убедил их, и главное полицейское управление подключило все каналы. После коротких переговоров

на уровне замминистра юстиции все пришли к консенсусу. В общем, несмотря на строгие правила университета, ведьмы готовы впустить к себе нашего сотрудника и позволить ему провести необходимые действия. Но это должна быть женщина!

— Женщин у нас нет, — вздохнув, развёл я руками.

— Вот именно. Можно, конечно, попросить прислать кого-нибудь из Парижска...

— Пока они решат кого, пока она приедет, пока войдёт в курс дела, мы потеряем время, а университетские дамы успешно спрячут концы в воду.

— Ваши предложения?

— А нельзя как-нибудь объяснить им, что я... ну, не буду вести себя как мужлан, что их устои не пострадают, что у меня здесь чисто служебный интерес и всё такое?

— Браздинский, для них вы всегда в первую очередь мужчина, — горестно покачал головой Жерар. — И только во вторую сотрудник полиции. Они убеждены, что все мужики одинаковы, все сволочи и все козлы. Понимаете, о чём я?

— Тогда, может быть, убедить их, что он гей? — громко предложил Флевретти, вылезая из-за своего стола и присоединяясь к разговору.

Я развернулся и показал ему кулак. Надо было прикрыть дверь, чёрт побери, а теперь...

— Но... а в самом деле, почему бы и нет?

Наш шеф неожиданно принял сторону своего старого сотрудника и, не дожидаясь моего согласия, быстро набрал код столицы. Через двадцать минут томительного ожидания и несбывшихся надежд что-то доказывающий старина Жерар наконец отнял трубку от уха и широко улыбнулся:

— Женский университет согласен принять у себя полицейского-гея. Поздравляю вас, сержант! Это расследование вы проведёте лично, отчёт только по прибытии и только мне.

Я остолбенел. Неужели всё это обсуждалось всерьёз?! Мне резко поплохело с сердцем...

— Но почему я, а не Флевретти?! — кое-как выдавил я.

— Так ведь его тут все знают. А вы новенький. И с манерами. Вас ещё не раскусили.

— Откуда они знают про Флевретти, если живут так закрыто, как вы говорите?

— Не совсем закрыто, просто они общаются только с женщинами, а женщины — главный источник информации. Не хочу называть это сплетнями, но применительно к приключениям капрала это слово подходит больше всего. У него... несколько неподходящая слава для женского университета, там ловеласов не любят. Да и никто не поверит, что этот женолюб в одночасье объявил себя геем... Так что остаётесь только вы!

— Но я не хочу!

— Ну не мне же идти, правда?

— Почему? Вы тоже очень красивый и такой., мужественный, и пузо у вас такое, и усы...

Я не сразу сообразил, что моя невнятная истерия ещё больше убеждает внимательно кивающего шефа, что кандидатура выбрана верно.

— Вот так себя и ведите, — подтвердил он. — Вы уже вполне вошли в роль, видите, это нетрудно.

— Прощу простить, я, конечно, на многое готов ради дела, но изображать чёрта нетрадиционной ориентации не намерен! — как можно спокойнее прорычал я, развернулся и вышел.

Успокаивая взвинченные нервы, добежал до ближайшего кафе, заказал себе блинчик с синим мёдом и чай, сел за свободный столик. Кое-как успокоился, но не сразу. Почёсывая рога, я даже не мог толком объяснить самому себе, с чего так завёлся? Ведь если разобраться, то ничего такого уж невыполнимого от меня не требовали. В конце концов, речь шла только о том, чтобы поизобразить. Кто ко мне будет приставать в женском университете, там ведь все сплошные феминистки?

И всё равно нет! Не моё это, не люблю дешёвого актёрствования, полицию и так должны уважать на любом уровне. А если мы притворяемся, если прогибаемся под нелепые

требования отдельной социальной группы граждан, то не умаляет ли это права остального народонаселения? Или, арестовывая домового, я буду обязан одеться как домовый, а вызывая на допрос вампира, сначала выпивать стакан искусственной крови?! Это уже форменное поругание чести полицейского мундира...

С такими мыслями я вернулся в отделение и сел за свой стол, перебирая бумаги, когда двери распахнулись и к нам влетела Эльвира, свежая и благоухающая как всегда. На этот раз меня не накрыло волной восторга от её появления. Я догадывался, что её вызвал Жерар как тяжёлую артиллерию, дабы убедить меня в сотрудничестве...

— Ты чего? Все женщины любят геев, — с места в карьер взяла она. — И я не понимаю, почему вы, мужчины, так напряжённо относитесь к этому вопросу. Это же просто неприлично! Ты гомофоб?!

Я не знал, что ответить. Как ей объяснить, что мы, большинство, не такие, а они, меньшинство, пытаются убедить нас, что это непротивоестественно?!

— Вот видишь, ты молчишь, ты даже сам не знаешь, почему вы, мужчины, так остро реагируете на малейшее подозрение в нетрадиционной любви. Не понимаю, право, не понимаю. Лично я на твоём месте была бы только рада стать мужчиной-геем. У них такой хороший вкус, они красиво одеваются, они умеют так тонко чувствовать и выражать свои эмоции, они так трепетны, ухоженны и так понимают нас, женщин. Мне даже кажется, больше, чем мы сами себя...

— А у тебя что, уже были друзья-геи?

— Пока нет, но какая девушка не мечтает о таком друге? Всё дело в том, что у нас в городке многие ещё живут старыми понятиями и при малейшем подозрении в «инакости» местные крестьяне могут тебя запросто на вилы насадить. Поэтому геи у нас вынуждены скрываться, бедняжки. — Эльвира смахнула вполне натуральную слезу. — Но я уверена, что в твоём случае всё обойдётся. Ты же всё-таки полицейский! Хотя о репутации, конечно, придётся забыть. Мужчины просто перестанут с тобой считаться. Зато женская половина, окружив заботой и вниманием, будет всем и во всём откровенно делиться. А это в вашей работе может оказаться неоценимым подспорьем! Ты первым будешь обладать нужной информацией. Представляешь, какой карьерный скачок тебя ждёт?!

Меня бросало то в жар, то в холод после каждой её фразы. А коварный Флевретти только утвердительно кивал, соглашаясь со всем, что она говорила. Мне же хотелось тихо придушить обоих. Может быть, я уже смирился с перспективой «стать» геем и уже копирую их психологию?

— Милый, мне кажется, месье Жерар прав и другого выхода у вас действительно нет, — нежно продолжала Эльвира, утешительно глядя меня по руке. — Я сама звонила им, пыталась договориться, но мне сказали, что журналистов они не любят ещё сильнее, чем мужчин, и меня туда тоже не пустят. Хотя если переодеться, перекраситься, взять чужие документы и изобразить, что я нанимаюсь к ним в прачки, то... Шанс есть, но на это может уйти много времени, а расследовать вам нужно по свежим следам. И, честно говоря, никто из обслуживающего персонала им не требуется...

— Ты уже столько успела выяснить? Это ведь даже не твоя работа.

— Пара звонков, чего особенного? Просто Жерар попросил. Он знал, что меня это заинтересует. Это же будет сенсация! Их университет окружён тайной, о их жизни так мало известно, мне ещё никогда не удавалось раскопать о них хоть что-то. Это будет бомба! — восторженно вскинулась она. — Читатели придут в восторг. А если там действительно произошло убийство и вам удастся его раскрыть, то это будет главным событием дня после нашумевшего дела с заядлым серийным убийцей-карликом, которое ты так блестяще раскрыл, и я ещё больше укреплю свой пьедестал лучшей журналистки округа! Ну ради меня, дорогой, пожалуйста...

Это было последним снарядам, пробившим крепость моего упорного сопротивления, и последней каплей, подточившей ноги моего глиняного колосса.

— Хорошо, уговорили, — с трудом пробормотал я.

— Вот и чудненько! — Эльвира чмокнула меня в щёку и тут же убежала, сославшись на срочную работу, но обещая зайти после обеда.

В следующую минуту я стоял перед шефом и слушал его распоряжения:

— Итак, вы проникаете в святая святых женского закрытого университета. На моей памяти такого не было лет пятьдесят, да и раньше случилось бы вряд ли. Однако для выполнения задания вы должны «стать» геем. Думать как гей, выглядеть как гей, действовать как гей.

— Я это уже понял, — едва не зарычал я и тут только уловил последнюю часть фразы. — Но-но, только не действовать!

— Речь идёт о манерах общения с окружающими, мягкости, обходительности, понимании женщин и всё такое прочее. Из-за отсутствия мужчин там у вас не будет реальной угрозы, так что не тушуйтесь, вам не придётся играть гея до конца.

— До какого... конца?!

— Стыдитесь, Браздинский!

Но, несмотря на то что весь наш диалог строился в таком вот стиле, он всё-таки немного меня успокоил. Хотя, конечно, перспектива того, что все в городке отныне будут считать меня геем и скорее всего в памяти большинства мокропсовцев это останется навсегда, не радовала. Более того, от одной мысли, что я теперь вечно буду здесь «голубым», бил нервный озноб и охватывала паника. Я с трудом взял себя в руки, понимая, что всё равно отступать уже некуда. Долг превышает всего! Но почему, почему, почему всегда именно я...

— Какие будут указания, шеф?

— Для начала приведите в соответствие свой внешний вид. А уже после обеда вас ждут в Сафо. Не забудьте о косметике, сколько помню по фильмам и модным журналам, у вас как минимум должны быть подкрашены ресницы и выщипаны брови. Выбор губной помады оставляю за вами, на мой вкус, берите бордовые оттенки.

— На ваш вкус?! То есть вы бы предпочли бордовый... Я запомню, шеф.

Что мне оставалось? Не дожидаясь обеда, я направился в ближайший магазинчик одежды, сеть которых держали желтокожие домовые из Тайланда, и прикупил кремовую рубашку, обтягивающие брюки зелёного цвета с разводами, а подумав, ещё и шляпу.

Всегда хотел носить такую широкополую, с высокой тульёй, но смелости не хватало, да и к мундиру не очень шло. Поля шляпы затеняли небольшие рога у меня на лбу, что с моей точки зрения придавало мне романтический и интеллигентный вид. Потом выбрал самую дешёвую тушь, два тюбика губной помады и до кучи розовую пудру. Мало ли, вдруг пригодится?

В участок я вернулся одетый так, как, по-моему, должен был выглядеть настоящий «голубой». То есть я в обычной жизни в такое добровольно не нарядился бы и под угрозой расстрела. Флевретти одобрительно кивнул и, достав из ящика своего стола, великодушно подарил мне тёмные очки, слишком похожие на женские, чтобы это были его. Я попросил помочь мне с подкраской ресниц и, сжав зубы, терпел, пока он, высунув от усердия язык, мазюкал меня чёрной щёткой.

Но тут вошла Эльвира, охнула, схватилась за сердце и, уставясь на меня, просто застыла на месте. Мы с капралом сначала подумали, что, видимо, образ получился удачным, раз такая реакция, и даже оба немного загордились, но журналистка просто расхохоталась нам в лицо и этим опустила ниже бордюра наше понимание природы и вкуса геев. Хотя, по мне, так я выглядел очень даже неплохо. Особенно в шляпе. Шляпа-то чем ей не угодила?

— Да-а-а. — Отхохотавшись, моя подруга без сил опустилась на стул. — Среди геев, конечно, есть женственные, есть brutальные, есть манерные. Но таких расписных уродов и ряженных клоунов среди них нет! Кто и за что тебя так?

— Флевретти, — трусливо сдал я мигом смывшегося капрала, «забыв» упомянуть, что он сделал это по моей просьбе.

Эльвира сунула руку в сумочку и достала пакет влажных салфеток.

— Сейчас же стирай с себя всё это. Прямо Чунгачмунк в боевой раскраске. А теперь

идём со мной по магазинам. Я тебе покажу, как одеваются настоящие «голубые».

Мы вышли из отделения, и она повела меня на два квартала вперёд, потом за угол, ещё квартал, оттуда в замусоренную подворотню, где над спуском в подвальное помещение торчала кривая вывеска «Магазин одежды „Старый фермер“».

— Идём-идём, вывеска липовая, на самом деле здесь совсем недавно открылся отдел «Модный шалун», это то, что тебе нужно. Сам понимаешь, они не могли снимать помещение на центральных улицах, а так отличное прикрытие — какой горожанин захочет одеваться, как «старый фермер»? Сейчас мы тебя так разнарядим, хоть на гей-парад!

Открывшие нам стеклянную дверь домовые с широкой улыбкой и злобными узкими глазками кланялись как заведённые. Видимо, покупатели здесь редки. То, что происходило потом, было как бы вне меня, то есть я тупо закрывал на всё глаза, принимая ту или иную вещь, просовываемую мне в кабинку. Сам я такое вряд ли бы выбрал, но если ей виднее...

— Вот теперь ты правильно одет. Любуйся!

Я посмотрел на себя в большое зеркало и ужаснулся — обтягивающая цветная рубашка в петухах, самого пошлого оттенка, расклешённые брюки из чёрного шёлка, лаковые туфли на высоком каблуке и шейный платок, тоже шёлковый, в тон брюк, но с маленькими синими квадратиками. Однако самый большой стресс меня ждал, когда она сказала:

— А теперь стой спокойно, я приведу твои брови в порядок.

— Зачем?! У меня нормальные брови, я же не лорд Рутвен, то есть...

— Милый, уход за бровями — первое правило любого приличного гея. А вот с тенями не перебарщивай, если придётся краситься самому. И то имей в виду, что красить ресницы, подводить губки и румянить щёчки у них не принято. Разве что при вечернем выходе в свет. Все «голубые», как правило, обладают хорошим вкусом и следят за собой. Поэтому не переусердствуй, ничего лишнего, только тональный крем...

Эльвира открыла сумочку, быстро мазнула меня телесным кремом по носу, потом кое-где по щекам и шее, попросила закрыть глаза и вдруг без предупреждения начала дёргать мне брови стальными щипчиками. Боль была адская! Я подпрыгнул и заорал как ошпаренный.

— Тебе что, больно? — сделала она наивные глазки.

— Ещё бы! Да я такой боли не испытывал, даже когда мне хвост купировали без наркоза.

— А мы это почти каждый день делаем, — пожала плечами моя наивная девушка, прижимая меня к стене, чтоб не сбежал. — Поэтому не ори, я уберу тебе буквально пару... ну тройку волосинок... ещё вот здесь и здесь и... прямо как стальная проволока... Ну не плачь, маленький, не надо, уже всё. И вот здесь ещё одна... всё, всё, больше не буду! Удачи тебе, как говорится — дьявол в дорогу!

Домовые встретили мой выход из кабинки единым вздохом дружного восхищения. Я вытер кулаком набежавшие злые слёзы и, глянув на часы, быстро расплатился и поспешил за патрульной машиной. Пора, если там действительно готовы принять лишь полицейского-гея, то вот он к вашим услугам, мадам!

Сдержанно поблагодарив заторопившуюся Эльвиру (наверняка побежала набивать первые главы новой статьи «Голубые законники» или что-то в этом роде), я последний раз задумался, правильно ли поступаю. И что есть правильность в контексте ситуационной этики? Разве хоть кто-то сможет воспринимать всерьёз чёрта, гордо носившего мундир полицейского, но легко сменившего его на костюм типового представителя сексуальных меньшинств? Да и смогу ли я сам потом спокойно жить с этим?!

Покосившись на себя в зеркальце заднего обзора, я ещё раз вздохнул по поводу утерянных мужественных бровей. А когда вывернул на окружное шоссе, то уже как-то начал привыкать к этим «ниточкам», плюнул на всё и набрал номер Флевретти. Зевающий капрал, выслушав меня, пощёлкал на компе и почти в ту же минуту дал исчерпывающий ответ.

Итак, ранее это место было чем-то вроде монастыря. Причём общего, мужского и женского типа. Только вместо религии их культом была наука. Они изучали старые

манускрипты, последние тенденции магии, вербальную и тактильную методики применения заклинаний, традиционную и нетрадиционную линии понимания философии энергий четырёх стихий и всех космических сил. Что на самом деле вполне обеспечивало потребности страны гарантированным потоком квалифицированных, но практически беспомощных специалистов, ибо практиковать волшебство категорически запрещалось. Так сказать, искусство ради искусства, и ничего более!

Последние сто лет женщины каким-то образом умудрились выжить мужчин. Причины не ясны, то ли что-то не поделили, то ли мужчины ушли на более прибыльную работёнку, но факт остаётся фактом — Сафо стало исключительно женской школой, закрытого, почти тоталитарного режима. Оригинальничавшие родители недолго думая сплавляли туда трудно воспитуемых дочерей, благо оплата за обучение была не так высока, как в иных учебных заведениях.

Не буду скрывать, я ехал туда с тяжёлым камнем на душе. Мне нужно было, полагаясь лишь на себя одного и липовую легенду, выяснить то, что всё они наверняка тщательно скрывали, поскольку никто не хочет быть замешанным в убийстве. Хотя конкретно об убийстве в том анонимном письме сказано не было, скорее даже это можно было бы посчитать предположением неизвестного автора. Но вот факт тайных похорон в принципе проверить реально, поэтому, возможно, всё будет проще, чем я думаю. Женщины всегда откровенны с геями, как уверяла Эльвира. Кто знает, может, новый имидж действительно поможет мне разобраться в тех таинственных вещах, которые происходят в этом загадочном месте...

У ворот я нажал кнопку, дождался ответа и, зажмурившись, представился, постаравшись сделать свой голос тоньше и манерней, как пытался учить меня Флевретти. В его исполнении это звучало крайне мерзко, в моём наверняка тоже было не лучше, но зато на этот раз мне сразу открыли ворота, и, красный от стыда, я въехал во двор университета. Поискал глазами, где у них тут парковка, проехал навес для садового инвентаря, спортивный комплекс, заброшенный коровник, конюшню с пожилыми единорогами и даже старинный каретный сарай и наконец поставил машину на маленьком пяточке, обозначенном облупившейся жёлтой краской.

Отсюда до входа в главное здание нужно было топтать пешком не менее двухсот метров. Я шёл аккуратной, посыпанной и ухоженной гравиевой дорожкой, мимо идеально подстриженных квадратных кустов, маленьких плодоносящих деревьев и почерневших статуй великих женщин. Кое-кого я помнил ещё со школьного курса истории, но многие памятники встречались впервые.

Тут была и самая знаменитая гномиха с большущей грудью, чемпионка по плаванию на спине, в другом стиле она просто тонула. Сутулая чертовка-алхимик, изобретшая горчицу-васаби и сгоревшая от передозировки своего же продукта. Юная вампирша из Арабики, прославившаяся тем, что первой покусала стоматолога, с тех пор врачи работают в кожаных перчатках. Ещё молоденькая ведьма, придумавшая эликсир вечной старости, и даже дама с иглами в голове, большим символическим факелом освещающая путь недоразвитым странам на пути к прогрессу и демократии...

Я на всякий случай быстренько читал выбитые имена, дабы при встрече с феминистками не ударить в грязь лицом. Передо мной маячила большая мрачная постройка времён Третьей вселенской войны между ангелами и демонами. Её архитектурный стиль более всего напоминал плохо слепленный кирпич и буквально подавлял своей простотой, мощью и величиим. Обойдя фонтан, изображавший невинную деву, разрывающую пасть крокодилу, я наконец открыл тяжёлые негостеприимные двери и шагнул внутрь, в просторное фойе, отделанное старыми дубовыми панелями. Здесь меня мрачно встретило первое живое существо с момента прибытия — не улыбкава вахтёрша-горгулия. Строгости её взгляда мог бы позавидовать и наш шеф в самом плохом расположении духа, вызванном вставанием на весы и изжогой...

— Я провожу вас к директору, — проскрипела горгулия, расправляя морщинистые

крылья.

Мы пошли вверх по широкой старой лестнице, а потом долго кружили по длинным коридорам. Я понял, почему во дворе было пусто, так же как и в коридорах. Шли учебные занятия, все девушки были просто заняты в классах. Что ж, по крайней мере, ясно, что смерть кого-то из педагогов отнюдь не помешала учебному процессу. Да и отсутствие паники только облегчит мою работу.

Вскоре меня сдали с рук на руки директору. Это была седеющая, но хорошо сложенная женщина, в длинном простом платье, застёгнутом под ворот, без рогов, с пронзительным взглядом, неопределённого возраста. Ведьмы умеют останавливать время, ей могло быть как сорок пять, так и двести тридцать восемь лет.

— Месье... Браздинский, здравствуйте.

— Ой, для вас просто Ирджи, шалуня, — приветливо поправил её я, боясь, что меня тут же раскусят. Но вроде прокатило...

— Хорошо, месье Ирджи. Я — мадам Шуйленберг, директриса этого учреждения. Может быть, желаете чашку кофе с дороги? Или глоток травяного чая, полезного для нормализации давления?

— Кофе, пожалуй. Ой, только без сахара! Спасибо!

— Я должна вам кое-что объяснить. — Женщина пристально посмотрела мне в глаза, почему-то особенно долго оценивая подщипанные брови. — Уже много лет мы не допускаем мужчин в святая святых нашего заведения. Но сейчас на кону репутация университета, которой мы очень и очень дорожим. Я могу задать откровенный вопрос?

— Слушаю вас, — невольно построжел я.

— Вы... точно гей?

— Да! И не вижу смысла это скрывать. — Я двумя пальчиками приподнял чашку кофе, понюхал и отставил в сторону. — Растворимый? Фи-и...

— На вашей службе это редкость, но... Поймите меня правильно, я обязана быть бдительной, родители доверяют мне своих невинных девочек, а девственность — важнейшее качество для получения образования настоящей ведьмы! А теперь не могли бы вы показать мне ту записку, о которой говорил ваш начальник?

Мне пришлось намеренно долго копаться в служебной планшете. Я ведь должен изображать гея, если она догадается, что я не он, то мы ничего не узнаем. Придётся добиваться ордера, а у нас нет никаких доказательств, шеф будет разочарован и прямо предложит замять дело. Пусть ждёт, геи должны долго всё искать... Или не должны? Кто их знает...

— Прошу, милочка.

Я передал ей снятую Флевретти ксерокопию. Она, нахмурившись, углубилась в чтение.

— К сожалению, всё то, о чём написано в этой записке, правда, — наконец сухо произнесла директриса, возвращая мне листок. — Я очень сожалею об этом, но мы ничего не успели сделать. Её смерть была для нас такой неожиданностью... А потом мы просто испугались. Утром я хотела сообщить обо всём в полицию, но вы приехали сами, и мы не могли вас впустить не посоветовавшись, потому что у нас строгое правило: на территории университета никаких мужчин! Потом были звонки из управления, комитета по образованию, даже из министерства, и мы поняли, как нам невероятно повезло, что у вас есть сотрудник-гей. Должна сказать, я уважаю мужество тех, кто не скрывает свою ориентацию и позицию в этом шовинистическом мире, где правят одни мужланы, закосневшие в своих старых принципах, которые вечно остаются при...

— Хм, да-да, они противные, — нетерпеливо оборвал я её и, смягчив тон, попросил: — Но давайте не отклоняться от дела, дорогуша. Пожалуйста, расскажите мне всё по порядку, что у вас тут произошло, когда и как, ладушки?

— Да, разумеется, простите, я немного взволнованна. — Мадам Шуйленберг села в директорское кресло и, не спрашивая моего разрешения, закурила толстую женскую сигару. — Это случилось вчера вечером. И мы просто испугались... То есть это было

потрясение для всего педагогического состава. Дело в том, что два дня назад к нам прибыла новая преподавательница. Мы, конечно, тщательно проверили все её рекомендации. К нам нелегко попасть лицу постороннему, вы сами могли в этом убедиться, но ещё более щепетильно мы относимся к выбору педагогов, тем более что у нас достаточно редко меняются преподаватели. Обычно они отдают нашему Сафо всю свою жизнь, здесь их дом, мы все одна общая семья. Так вот, новая учительница хорового пения мадемуазель Паулина Аферман отлично прошла все тесты, у неё были превосходные рекомендации, ей выделили комнату, дали три дня на ознакомление с территорией, техническими помещениями, аудиториями, педагогическим планом и расписанием уроков. Ничего странного мы в её поведении не заметили. Ну, может, некоторую закрепощённость и насторожённость, но таковы почти все новички, постепенно вливающиеся в коллектив. И вот вчера вечером её обнаружили мёртвой за столиком у себя в комнате. Она выпила капучино без дёгтя!

Я сурово кивнул. Всё было ясно. Конечно, капучино! Это же один из самых распространённых способов самоубийства в нашем мире, простой, быстрый и действенный. К тому же именно его и предпочитают женщины. Отравление мгновенное, но лицо не сводит судорогой, и пена изо рта не плывёт, то есть эстетически всё очень благопристойно...

Говорят, сам кофе капучино придумали мифические монахи-капуцины, именно поэтому он так вкусен и так губельно опасен. Лишь старый, добрый дёготь является единственным противоядием, к тому же придающим горячему напитку особенное пикантное послевкусие. Капучино без дёгтя остаётся чистой смертью, поэтому и принято рисовать им на пенке всякие сердечки, фиговые листочки, череп и кости, а для эстетов писать сложные химические формулы. Это не только красота, а жизненная необходимость, дёготь гарантированно нейтрализует молочную кислоту, являющуюся сильнейшим ядом, по-моему, только гоблины к нему невосприимчивы, и то лишь после десяти кружек крепкого вулканического пива для шокирующего развлечения публики они позволяют себе глоток чистого капучинского кофе...

— И она оставила вот эту записку.

Передо мной лёг чуть смятый лист бумаги, очень похожий на тот, что я видел в участке. Предсмертное послание, пояснение с того света, как правило типовое по содержанию, все самоубийцы вечно кого-то обвиняют (жестокий мир, несчастную любовь, карточные долги, плохую наследственность, разочарование в жизни и т. д.), одновременно прося никого не винить. Ну, так что у нас написано здесь? Ага, тоже обвинения, как и следовало ожидать...

«Вы научили мою маму быть ведьмой, и она поехала миссионером в дикуую Маадьярию, где пыталась организовать первый женский университет в тех краях. Ей это удалось, маадьярки любят магию, но это продолжалось недолго. Вы отлично знаете, что её убили сами студентки, им не понравилась идея отказа от мужских ласк!»

— Такое имело место быть? — уточнил я, быстро добавив для образа: — О-о эти мужские ласки...

— Да, увы, это печальная история, произошедшая с одной из наших выпускниц. Но мы не любим вспоминать о ней, девушка оказалась паршивой овцой (во всех смыслах!): довольно хорошо училась, но, выйдя из наших стен, быстренько предала идеалы феминизма и женского содружества, сойдясь с соседом-чёртом. Видимо, не только сошлась, но и родила дочь, которую воспитала так «достойно», что та с чего-то решила отомстить нам. Где логика? Вот вы бы так поступили?!

Я подумал, что, с моей, мужской, точки зрения, всё как раз таки очень логично, но вслух этого, разумеется, говорить не стал. Мне было важнее другое...

— Получается, она поехала организовывать женскую общину в Маадьярии, уже имея довольно взрослого ребёнка на руках. А что её муж?

— Мы ничего не слышали о нём, мужчины вне сферы наших интересов. Да и о самой судьбе отступницы узнали случайно, из газет. Поскольку она уже предала наш образ жизни, то все решили, что такая смерть — естественный итог её разнузданной жизни!

— О, разумеется, как же иначе, — кивнул я и продолжил чтение.

«Поскольку я всё равно умираю от тяжёлой, продолжительной и очень заразной болезни, то решила умереть в ваших стенах, чтобы уничтожить навеки вашу репутацию, а если мне будет сопутствовать удача, то и заразить кого-то и даже вызвать эпидемию, тогда вам точно конец. Ха-ха-ха! Обещающая ненавидеть вас даже на том свете *Паулина Аферман*».

— Она и вправду была больна?

— Думаю, да, — глубоко затагиваясь, покачала головой директриса. — Когда мы нашли тело, у неё и вправду были какие-то красные пятна на руках, на щеках и на подбородке. Возможно, та самая заразная болезнь, о которой она писала. Поэтому мы так испугались и поспешно похоронили её, просто завернув в простыню.

— Где именно, милочка?

— Где заворачивали? Да там же, где нашли.

— Нет, где именно похоронили?

— У нас на кладбище.

— У вас есть своё кладбище?! — удовлетворённо отметил я, делая запись в блокноте.

— Ну да, наше учебное заведение очень старое, надо же где-то хоронить старых педагогов. К тому же кладбище тут было задолго до нас, под него отвели участок ещё при закладке древнего монастыря.

— Хорошо. Я бы хотел эксгумировать тело. Я думаю, вы не возражаете против того, чтобы я отвёз его в участок для экспертизы?

— Нет-нет, я понимаю, что закон на вашей стороне, но вы должны обещать мне сохранить всё это в тайне. Вы же понимаете, наша репутация — это всё, что у нас есть. Я могу рассчитывать на вашу порядочность, вы ведь не мужлан?

— Конечно... прелесть моя, я постараюсь помочь всем, что в моих силах, и передам всё комиссару Базиликусу.

Мадам Шуйленберг мгновенно побагровела:

— Не упоминайте при мне имя этого подлого кабана. И никакая я вам не прелесть!

— Простите. — Я хотел заступиться за месье Жерара, но понял, что сейчас не время. — Мой шеф, конечно, грубиян и сексуальный маньяк, но забудем его... Я хотел бы взглянуть на тело.

— Сейчас? Но уже стемнело, если начнём копать на кладбище, вряд ли вы что-то увидите. Просто у нас небольшие проблемы с оплатой электричества, приходится экономить. Не лучше ли сделать это утром? — с явным смущением протянула директриса. — А на ночь вы можете остаться у нас, свободную комнату и ужин мы вам гарантируем. Это будет небольшой компенсацией за некоторое недоверие, но я хотела бы, чтобы вы всё увидели своими глазами, как мы тут живём одной дружной семьёй. Как гей вы, возможно, поймёте нас, и поймёте, почему этот университет для нас — всё! Тогда и вы не захотите разрушать его традиции.

Я нехотя согласился, подумав, что её готовность к сотрудничеству, чем бы она ни была вызвана, можно использовать в расследовании, если дело окажется не таким простым, как оно представляется на первый взгляд. А я чувствовал, что здесь определённо кроется что-то ещё. Конечно, лучше было бы до тела добраться сейчас, пока убийца не скрыл улики, если это вдруг было убийством. Но на данный момент мне не следовало слишком давить...

— А я точно никому здесь не помешаю? Поймите и меня, мне бы не хотелось, чтобы ваши девочки видели во мне исключительно симпатичного мужчinkу.

— Педагоги уже разъяснили всем причины и право вашего пребывания в Сафо. Для нас гей — это подруга, а не мужчина. Ужин через час. А пока позвольте показать вам университетский серпентариум. Наш питон-душитель — это гордость всего округа. Как раз на следующий год исполнится семьсот лет, как он находится в этих стенах.

— Серпентарий в женском коллективе? Это в чём-то смешно, нет? Ну хорошо, я только сделаю один звонок, если позволите...

— Пойдёмте, у нас всего один телефон на вахте, старые сломались, а новые нынче дорого стоят. А вы что-то не похожи на гея, — вдруг решила она, внимательно оглядывая меня ещё раз.

— Да неужели? Все так говорят, — капризно заметил я, постаравшись вилять бёдрами при ходьбе. — А у вас какие-то свои представления на наш счёт?

— Не знаю, возможно... В мои годы геи были манернее и тщательнее скрывались. И уж тем более не служили в полиции, как вы.

Я промолчал, и это оказалось лучшим ответом. Директриса смутилась, начала извиняться и уверять, что никак не хотела меня обидеть. Я ещё раз взял себе на заметку, в плюс к представлению себя хоть каким-никаким да меньшинством.

Казалось, мне удалось ненадолго усыпить её бдительность, можно было облегчённо выдохнуть. Телефон находился у той самой вахтёрши-горгулии. Мадам Шуйленберг явно хотела послушать, но я надул губки, капризно сощурился и посмотрел на неё таким долгим взглядом, что она не выдержала и опустила глаза.

— Хорошо, месье Бразинский, не буду вам мешать. — Директриса вынужденно отступила на три шага в сторону.

— Алло, Флевретти! Слушай, срочно пробей по базе данных, есть ли у нас информация на некую Паулину Аферман?

— Одну минуту, не клади трубку! Ну, ну и... Нет. Даже близко.

— А то письмо? Что сказал графолог?

— Ответ был, сейчас найду. Ага... «вследствие определённого... наклон букв свидетельствует о возможном... нажим указательного пальца при выведении следующих букв...» Да чёрт побери, короче, в заключении сказано, что это либо женственный мужчина, либо мужиковатая женщина!

— Хорошо, пусть так. — Я немного запутался. А если набрать трагическую смерть в Маадьярии выпускницы университета Сафо?

— Такое... такое было. Вот, аж двенадцать ссылок с разных газет и источников. Последняя говорит о том, что... Хотя-а... постой-ка. Недавно освобожден из тюрьмы некий типчик по кличке Павлин, трижды судим, опасный махинатор.

— И что? Какая здесь связь? — не понял я.

— Ну, понимаешь, ты же просил выяснить о той женщине, которая погибла в Маадьярии, а у нас по полицейской базе данных выходит, что это её сын.

— Не дочь?!

— Нет, точно сын. Сейчас гляну насчёт дочери... Слушай, нет. Один ребёнок, мальчик.

— Флевретти, ты гений! — не сдержался я. — Я твой должник!

— Замётано, — хихикнул он. — Но за это ты обещаешь убедить Чунгачмунка больше никогда не называть меня Скольским Братом!

— Он тебя так называет? Ни разу даже не слышал, — удивился я и подумал, что индеец, как всегда, попал в самую точку.

— Да он меня этим уже до печёнок достал! — обиженно пожаловался Флевретти.

— Хорошо, хорошо, поговорю, обещаю.

Повесив трубку, я с улыбкой поблагодарил директрису и позволил провести себя на осмотр их питона, старого, как шланг, и давно мечтающего свести счёты с жизнью. Он как будто молча молил меня жёлтыми немигающими глазами просто прикончить его из чистого милосердия. Я сделал вид, что не заметил его мольбы, хотя, будь у меня табельный пистолет... Можно было бы грохнуть его, а потом отказаться, типа это он сам украл хвостом моё оружие и застрелился...

Меня сопроводили отужинать с преподавательницами в учительской столовой. Дамы-педагоги, молодые и старые, стервозные и добрые, красивые и ужасные, но объединяло их одно — все они были ведьмами и, кажется, немножко психически ненормальными. А может, мне только кажется? В том смысле, что большинство были отнюдь не немножко ненормальными...

Сам ужин оказался чрезвычайно скромным — варёная свёкла, нарезанная кубиками и политая растительным маслом, с чахлым гарниром из листьев старой крапивы. На десерт подали жидкий капучино с традиционной ложечкой дёгтя. Мне это показалось мрачным намёком. Потыкав свёклу вилкой, я понял, что, несмотря на проснувшийся голод, есть всё это невозможно и под угрозой расстрела. Но, глядя, с каким аппетитом уплетала это блюдо моя соседка слева, постарался как можно нежнее улыбнуться и пододвинул свою тарелку к ней со словами:

— Я никогда не ужинаю, милая. Берегу талию.

Преподавательница недоуменно пожала плечами, быстро зыркнула по сторонам и мигом переложила свёклу себе. Я так понял, что проблема сохранения талии перед ней не стоит...

Мне дали комнату на втором этаже. Это была очень скромная келья. В холодной постели, под тонким и крайне колючим одеялом меня не покидало болезненное чувство невыполненного долга. Ведь, по сути, сегодня мне не удалось выяснить ничего толкового. Так, разрозненные сплетни, непроверенные сведения, и, самое главное, нет никаких доказательств якобы совершённого убийства. То есть по всем параметрам мы имеем дело с чисто женским самоубийством. Так что ничего толкового. Ну разве что кроме невероятно-возможного превращения дочери Аферман в сына Аферман. Что не так уж и невозможно, если вдуматься...

Меня отвлёл звонок сотового телефона. Шеф?

— Добрый вечер, комиссар. — Я вспомнил о том, что работаю не только на свой страх и риск. — Вы не заняты?

— Глупый вопрос, Бразинский, — сухо откликнулся месье Базиликус. — Раз звоню, то, естественно, не занят. Что у вас там происходит?

— Пока трудно сказать наверняка, но по первому взгляду скорее чистое самоубийство в порыве мести данному учебному заведению. Помните, почти как в народной поговорке: «Откушу себе хвост — пусть у тещи будет зять бесхвостый!» Ну вот и здесь что-то вроде этого...

Наверное, не меньше пятнадцати минут я подробнее докладывал ему всё, что удалось выяснить. В конце концов старина Жарар не выдержал:

— А ведь я вас предупреждал! Девяносто девять процентов преступлений только кажутся таковыми, а на деле представляют собой банальный несчастный случай или скучное сведение счётов с жизнью. Возвращайтесь назад, и закроем это дело.

— Не могу, — нехотя отказал я. — То есть, простите, шеф, умом я понимаю, что вы правы, но по закону мы обязаны эксгумировать тело, передать его специалистам, подвести черту и только тогда прекращать официальное расследование. Обещаю, что уеду отсюда завтра вместе с судмедэкспертами.

— Что ж, — подумав, согласился он. — Возможно, так будет разумнее. Не досаждайте там уж слишком рьяно, дамы и так в очень неприятной ситуации. Жду от вас звонка утром, как выкопаете. Мне ведь тоже интересно...

— Слушаюсь, шеф!

Ну вот в общем-то и всё. Теперь моя совесть была спокойна, и примерно через час ворочания на узкой девичьей койке мне кое-как удалось погрузиться в сонное полузабытьё. Не знаю, сколько времени я пребывал в этом состоянии тревожного полусна-полуяви, как вдруг моё сознание пронзил дикий женский крик. Меня аж подбросило! Я вскочил с постели, мгновенно оделся и выбежал в коридор. Крик не умолкал и даже, наоборот, стал ещё громче. В коридор высыпали перепуганные студентки в длинных ночных сорочках. Бледные преподавательницы пинками загоняли их обратно. Никто не понимал, что происходит...

Увидев взлохмаченную директрису в прозрачной пижаме с полумесяцами, я кинулся к ней:

— Что-то случилось, дорогуша?

— Всё в порядке, как оказалось, это вопит наша преподавательница психологии, мадам

Дауниссимо. Она кого-то увидела, испугалась, впала в истерику, с ней такое бывает. Прошу вас, пойдёте, поговорите с ней сами. Боюсь, что нас она не послушает.

Мы пошли по коридору налево, завернули за угол, прошли до тупика, мадам Шуйленберг открыла дверь в чей-то кабинет и пропустила меня вперёд. Там, успокаиваемая со всех сторон коллегами в ночном неглиже, сидела ревущая женщина в обычном сером платье.

— Что плачем, зайка, кто обидел? — как можно развязнее начал я, люто ненавидя самого себя за этот пошлый тон. — Ну-ка вытри слёзки и расскажи мне, как своей подружке, что тебя так напугало, пусечка, а?

— Я... я задержалась здесь допоздна, — лихорадочно пустилась объяснять несчастная, как ни странно, вполне мне поверившая. — Надо было проверить... практические работы, и... и я увидела в окно призрака-а-а!

— Это окно выходит прямо на кладбище, — пояснила одна из пожилых женщин.

— Он... призрак, он вышел прямо из могилы, а когда я закричала, он... опять спрятался в не-е-е-ей! — Мадам Дауниссимо вновь зарыдала.

Я мягко обнял её и утешающе похлопал по спине:

— Милочка моя, ну успокойтесь, ну всё уже позади, ну я его прогоню.

Рыдания постепенно стихли, а обступившие нас дамы-педагоги смотрели на меня сияющими глазами, умильно вздыхая от плохо сдерживаемого восторга. Похоже, геи здесь действительно в цене...

— Вы сможете пойти с нами и показать эту страшненькую могилку? — спросил я, когда уже все успокоились.

— Д-да, наверное... — неуверенно пробормотала она.

— Ничего, сестричка, всё будет хорошо, — подбодрил я. — Мы все будем рядом, и вас никто не тронет. Правда, дорогуши?

— Да! — почти хором откликнулись воодушевлённые преподавательницы.

Но сначала я выглянул в окно её кабинета. Действительно, вид отсюда открывался более чем впечатляющий. Освещённые лунным светом покосившиеся чёрные надгробия, буквально обвитые могильным плющом, редкие голые кусты, романтически засохшие деревья... Такое и профессиональный ландшафт-дизайнер не за один месяц расставит, а тут сама мать-природа. Запоминающееся зрелище, уж поверьте...

— Он был вон там, — отвлекая меня от лирики и тыча пальцем в окно на самый тёмный угол кладбища, проговорила всхлипывающая женщина.

— Ну что ж, тогда вперёд, на Трафальгар?

Они устали на меня так, словно никто и не слышал этой крылатой фразы. Ну и ладно, по моему примеру все вооружились подручными средствами и поспешили на кладбище. Впереди директриса с большим фонарём, вторым я (хорошо хватило мозгов не ущемить её феминистические комплексы), а уже следом весь педагогический состав в количестве восьми разновозрастных дам. Кто с зонтиком, кто со штопором, кто с линейкой, а кто и просто с фолиантом наперевес, но все полны храбрости и энтузиазма и не намерены отступать.

В самом дальнем краю кладбища психологичка указала дрожащей рукой на свежую могилу. Ого, старинная гранитная плита была сдвинута, а земля явно перелопачена.

— Здесь мы её и закопали, — хрипло сказала мадам Шуйленберг, глубоко затягиваясь сигарой. — Могила всё равно была незанята, ещё с прошлого года. Время от времени мы выкидываем на свалку старый прах, чтобы освободить место для нового. Честно говоря, все рассчитывали, что помрёт преподавательница химии...

— Не дождётесь! — визгливо откликнулась едва стоявшая на ногах скрюченно-скособоченная старушонка. — Я ещё ваши могилы нитратом калия посыплю!

— А-а... мне нравится ваша предусмотрительность, — польстил я директрисе. — Кто поможет с лопатой, девочки?

— Вот! Прошу! Берите мою! — Мне протянули сразу три.

— А где же мадам ля Гулю? — вспомнил кто-то из преподавательниц. — Она у нас присматривает за кладбищем и могла бы помочь вам копать.

Я вопросительно глянул на директрису. Та поморщилась, но кивнула.

— Найдите мадам ля Гулю, — приказала она. — Это тоже наша старейшая сотрудница. Начинала как преподавательница танцев, но, когда суставы стали отказывать, переквалифицировалась присматривать за могилами. Сейчас она подойдёт...

Увы, в ближайшие десять — пятнадцать минут кладбищенская дама не нашлась. Я поплевал на ладони и взялся за труд. Что ж, мадам ля Гулю появилась уже на третьей минуте, когда мне удалось докопаться до тела, благо её забросали землёй весьма поверхностно...

— Это она! Это она! Что происходит?! О ужас! — загомонили все.

— Не Паулина Аферман? — зачем-то уточнил я, рассматривая показавшиеся из могилы толстые ноги в старых коричневых чулках.

— Нет, это мадам ля Гулю, наша смотрительница кладбища. — Директриса наконец выплюнула недокуренную сигару и присела на корточки, её явно мутило...

— Бедняжку убили! — вдруг истерично завопила какая-то рыхлая толстуха, обнимая могильный камень и орошая его щедрыми слезами.

— Не делайте поспешных выводов, милочка. — Я с трудом вернул себе пошлые манеры. — Может быть, она просто решила здесь придремать?

— Ха, да она мертва, как прошлогодняя лошадь!

В ответ на мой недоуменный взгляд директриса шёпотом пояснила:

— Это мадам Трюфо, она преподаёт девочкам физиологию. В прошлом году нашла мёртвую лошадь в овраге, ну и... переела, до сих пор вспоминает к месту и не к месту... А вы, сержант, тоже считаете, что она мертва?

— Честно говоря, да, мертвее некуда, — сказал я, вытирая пот со лба и вновь берясь за лопату.

Тело кладбищенской смотрительницы лежало в могиле лицом вниз. Попросив вменяемых дам немного оттащить её в сторонку, я продолжил раскопки, но с нулевым результатом. Второго тела под ней не было. Таким образом, ситуация приобретала иной окрас. Это преднамеренное убийство. Я понял, что с данного момента здесь больше никому нельзя верить.

— Объявляю это место местом преступления! Прошу всех отойти на десять шагов, ничего не трогать и не посещать кладбище до особого разрешения. Завтра сюда приедут специалисты, всё должно оставаться как есть, если не хотите навлечь на себя лишние подозрения.

Все поспешно попятились, дружно подняв руки.

— Специалисты?! Полиция?! — вздрогнула мадам Шуйленберг. — О нет, только не это!

— Боюсь, что тут я уже бессилён, милочка. Весьма сожалею. Но при двух трупах... дело пахнет криминалом. Всё слишком серьёзно.

— Никто из моих подчинённых и студенток не мог этого сделать, я ручаюсь! Это... это просто какой-то несчастный случай или ещё одно самоубийство!

— Неужели? Лично я даже не слышал о таком оригинальном методе ухода из жизни — закопаться в могиле носом вниз. Вы уверены, что подобное вообще возможно?!

— Возможно всё! Вы должны нас понять, вы же... гей!

— Но не идиот, — виновато развёл я руками. — Дорогая моя, даже если вы убедите меня, что и мадам ля Гулю умерла по доброй воле, то куда же тогда подевалось тело мадемуазель Аферман? Не само же ушло погулять, а?

Бледные преподавательницы дружно закивали. Кажется, в этот момент мы все подумали об одном и том же: всё прояснится, когда мы найдём ту, что отравилась капучино. Но неужели и она могла имитировать свою смерть? Я почувствовал, что вопросы накапливались и завтра я никак отсюда не уеду...

— Вы уверены, что она не дышала, когда вы её хоронили? Вы проверяли пульс, пытались поднести к губам зеркало, измеряли температуру тела?

— Мы были уверены. — Директриса продолжала заламывать руки. — Вы же понимаете, иначе мы бы не стали её хоронить!

— Да, но вы же сами сказали, что похоронили её поспешно, потому что боялись заразиться, — напирал я.

— Боялись, но... Поверьте, она не дышала!

— Как её похоронили?

— Просто завернув в ту же простыню, на которой она лежала, — шёпотом призналась мадам Шуйленберг. — Мы даже не переодевали её, старались не коснуться, мало ли...

— То есть чисто теоретически она могла остаться живой?

— Мы уже ничего не можем наверняка говорить, сержант!

Я устало кивнул. Это было слишком похоже на наше предыдущее дело. Но ведь реальная жизнь — это не роман. И в жизни повторы постоянны, хоть это и сбивает с толку, кто бы и как бы ни ожидал чего-то другого, свеженького и новенького.

Мне оставалось лишь попросить всех удалиться в свои комнаты, но, если кто вспомнит что-то необычное в связи с исчезнувшей мадемуазель Аферман, пусть даже это будет казаться им совершеннейшей мелочью, я всё равно буду счастлив их выслушать в любое время дня и ночи.

После чего, огородив место преступления ветками, проводил всех до дверей в главный корпус, встал на пороге и набрал номер комиссара Базиликуса. Мой звонок его разбудил. Не дав шефу толком разворчатся (три часа ночи!), я быстро доложил о произошедшем. Долгую минуту на том конце длилось молчание, комиссар думал.

— Оставайтесь на месте до приезда специалистов. И продолжайте расследование. Утром сразу опросите всех этих чёртовых баб. Хоть кто-нибудь, дьявол язви меня в поясицу, должен хоть что-нибудь знать! Ищите преступницу. Она должна себя выдать. Лично я никогда не верил в эмоциональную устойчивость женщин, особенно вскоре после совершения преступления. У неё просто будет свербеть в одном месте, и она непременно похвастается или покается хоть одной подружке, а та стопроцентно разболтает всем. Устройте допрос всем по очереди, сначала преподавательницам, потом студенткам. Я сейчас же позвоню в центр, чтобы они прислали лучших медиков.

— Есть, шеф, — согласился я. — Действуем согласно уставу. Буду держать вас в курсе. И покойной вам ночи...

— Это был юмор? Я и без ваших пожеланий теперь до утра не усну... — Он повесил трубку.

Да, всё верно, начинать расспросы сейчас не имело никакого смысла, все женщины были слишком напуганы и взбудоражены, чтобы мои вопросы принесли результаты. Но и сам я тоже был слишком возбуждён, чтобы сейчас же идти спать. Поэтому решил вернуться на кладбище с фонарём и поискать хоть какие-нибудь улики по сравнительно свежим следам. Вот когда мне впервые пришлось серьёзно пожалеть об отсутствии Чунгачмунка. Опытный индейский вождь наверняка бы что-то увидел, он различал след преступника даже на примятой траве...

Я нашёл множество отпечатков самой разной обуви, но толку-то, ведь всё равно неизвестно чьих, уж сколько народу здесь натоптало. Вскоре и мне пришлось уйти, от навязчивого запаха сирени и ландышей очень сильно разболелась голова. Я ещё подумал, что с учётом конца лета это не был природный аромат, а скорее кто-то из преподавательниц пользуется такими активными духами.

Когда вернулся в здание, в коридорах уже было темно, всех разогнали по комнатам, но вряд ли в ту ночь студентки так сразу и уснули. Наверняка перешёптывались до самого утра, ибо тайна давно перестала быть таковой, хотя считается, что женщины умеют хранить их коллективно. Но хранить — не хоронить, две смерти — одно тело, сплошные тайны. Мне надо хотя бы выспаться, и я всё пойму...

Я лёг в холодную постель, но головная боль долго не проходила, этот запах никак не хотел оставлять меня в покое. Спасительный сон пришёл, наверное, часов в пять утра, а уже в восемь в дверь постучали, приглашая к завтраку. Должен признать, что он был ещё более скудным, чем ужин. Миска овсянки на воде и бледный зелёный чай, разносолами тут явно не баловали.

Ко мне подседа одна из самых молоденьких преподавательниц, опустив глаза, смущаясь и краснея (всё-таки не привыкли они общаться с мужчинами), она сообщила:

— Я тут вспомнила, месье полицейский... В смысле кое-что про ту самую мадемуазель Аферман. Вы знаете, бедняжка жаловалась на больное горло. И действительно, голос у неё был весьма хрипловат. Она даже носила такой синий глухой шарф. Может быть, это и несущественно, но вы сами сказали: если вспомните что-то необычное...

Мне это тоже показалось необычным. Если бы дело было зимой, то с нашей общегосударственной экономией на отоплении странно, что вся страна не ходит с больным горлом, давно охрипшая и насквозь больная. Но сейчас лишь начало осени, и новая преподавательница только приехала, очень маловероятно, что её успело так просквозить в дороге.

— Спасибо, милая, вы очень помогли следствию. — Я отметил для себя, что шарф можно носить не только с целью защиты от холода. Им, к примеру, можно отлично замаскировать выпирающий кадык. — Если вспомните что-то ещё, непременно мне сообщите. Я попрошу руководство наградить вас медалью за содействие органам...

Девушка криво улыбнулась и удалилась в задумчивом молчании. Наверное, я зря ляпнул про награду, потому что сразу же после завтрака ко мне выстроилась целая очередь преподавательниц и студенток, там же в столовой. Мне пришлось честно выслушать всех! Но результат того стоил, они накидали мне кучу довольно интересной информации.

Три эстетствующие студентки сказали, что новая преподавательница, не успевшая провести ни одного урока, была слишком груба и мужиковата и при походе нарочито раскачивала бёдрами. Преподавательница химии, бодрая столетняя бабка, уверяла, что случайно наступила ей на ногу и та выругалась, как пьяный извозчик. Девушка с третьего курса вспомнила, как мадемуазель Аферман почему-то оставила поднятым стульчак в туалете. Ещё одна третьекурсница обратила внимание, что новенькая была очень жадной и в столовой требовала себе по две порции.

Как вы понимаете, во мне всё твёрже крепло убеждение, что я имею дело отнюдь не с преподавательницей. Уголовная физиономия месье Павлина постепенно приобретала всё более реальные черты. Значит, я не единственный мужчина, проникший в Сафо, только легенды у нас разные: я — «гей», он «преподавательница пения». Нет, нет, пока всё это отнесём на счёт гипотез, но факты накапливаются, и это не случайность...

Впрочем, больше ничего более пикантного из допросов не выявилось, прочие дамы делились своими гипотезами и старательно лезли с советами в расследование, требуя непременно прислать сюда два, а лучше три отряда самых brutальных военных. Это было особенно тяжело слышать. И не потому, что они не доверяли мне, а совсем по иным причинам — слишком доверяли, вот и делились интимным...

В конце концов, поблагодарив за участие и назвав всех «дорогушами», я, вздохнув, решил прекратить это бессмысленное дело и пойти осмотреть комнату исчезнувшей мадемуазель Аферман. Зашёл к директрисе, чтобы попросить ключ, но она неожиданно воспротивилась.

— Не знаю, что вы хотите там найти, но мы уже сделали там уборку, — грозно объявила мадам Шуйленберг начальственным тоном. Я только открыл рот, чтобы напомнить ей о вчерашнем обещании оказать мне полное содействие, но остановился при виде её упёрто поджатых губ. Видимо, неприятие мужчин у этих ведьм так сильно, что даже логика и инстинкт самосохранения отступают на второй план, лишь бы вставить палки в колёса представителю другого пола.

— Мне нужно просто посмотреть.

— Там ничего нет.

— Тем более. Разве вам это трудно?

— Просто я не вижу в этом смысла!

Наш спор прервал телефонный звонок.

— Это по внутренней линии, — сказала она и подняла трубку. — А-а, это вас, сержант.

Я автоматически отметил, что и насчёт «одного телефона на вахте» мне тут соврали. Звонила группа криминалистов из центра, они уже приехали за телом и стояли у ворот. Я сказал им, что сейчас выйду и провожу их к месту, где был найден труп.

— Пожалуйста, попросите их проявить по отношению к нам максимальное понимание и деликатность, — устало напутствовала меня директриса. — Объясните им наши правила. Ведь, если по нашим коридорам будут расхаживать мужчины, вся система, все годы педагогической работы, весь опыт и все наработки пойдут насмарку! Эти мужланьы внесут разброд в хрупкие души студенток, вы должны понять, вы же...

— Гей, — послушно подтвердил я, повесил голову и поплёлся на выход.

Мелкая мстительность не в моём характере, поэтому, выйдя во двор, я пробежался до ворот, вкратце пересказал нашим обстоятельства обнаружения трупа и передал деликатную просьбу мадам Шуйленберг. Они меня, кажется, тоже поняли.

— Нам необязательно заходить внутрь, сержант. Это ваш участок, ищите и допрашивайте сами, кого хотите. Мы только заберём труп и уедем. Пришлите нам отчёт, когда будет готов. Но, если вы потерпите провал, тогда нам придётся вернуться и разорить этот муравейник.

— Давно пора, — согласился я.

Но, кажется, парни только бахвалились. На самом деле никто не горел самоубийственным желанием злить здешних обитательниц. Хотя практическая магия в Сафо и была под запретом, но все мы прекрасно знали непредсказуемость женщин. А ведьмы шутить не любят — у них женские комплексы в кубе!

Полицейские медики быстро переложили тело несчастной смотрительницы кладбища на носилки, и, когда они уже вынесли его за ограду, один, самый тупой или самый не деликатный, всё-таки не удержался, чтобы не спросить:

— Что за странный вид, дружище? У вас что, ресницы покрашены?

— Это для конспирации.

— Ну-ну, естественно, а как же, для чего ж ещё...

А поскольку мой строгий взгляд не давал повода для развития темы, но честно предупреждал о последствиях, то парню пришлось отвалить.

Закрыв за ними ворота, мне показалось разумным вкратце передать взволнованно ожидающей на аллее директрисе их слова о том, что они вернутся, если я не найду убийцу. Это был очень мягкий намёк: в ваших же интересах, мадам, наконец начать помогать полиции. И она прекрасно меня поняла.

— Простите меня, просто голова идёт кругом... Но здесь так давно не появлялись мужчины.

— Но я ведь не совсем мужчина, моя маленькая ворчунья, — кокетливо напомнил я.

— Что ж, месье Бразинский, ключ от комнаты мадемуазель Аферман находится на стойке у нашей горгулии-вахтёрши. Вот письменное разрешение на его получение, комната номер триста двенадцать.

— Спасибо, мадам. Кстати, я хотел спросить, кто из ваших преподавательниц пользуется духами с ароматом ландыша и сирени?

— У нас никто не пользуется такими духами, как, впрочем, и никакими другими тоже. Я бы не допустила ничего подобного. Духи, как и любая косметика, украшения и всё такое прочее, находятся под строжайшим запретом, всё это лишнее и отвлекает от учебного процесса!

Я кивнул, нахмурившись. Ещё одна загадка. Духи, несомненно, были, только непонятно: неужели я один их так остро чувствовал? Положим, директриса много курит и

запах табака отбивает чувствительность её обоняния. Но почему молчат остальные? А-а... быть может, просто боятся ей сказать, втихую наслаждаясь запретными ароматами? Чёрт их разберёт, этих женщин...

В комнате, расположенной на самом верхнем, четвёртом этаже, были очень низкие потолки. Большие жёлтые пятна сырости и разводы на облупленной штукатурке и стареньких полосатых обоях наводили на грустные мысли. Становилось понятно, почему мадам Шуйленберг не хотела, чтобы я сюда поднимался. Бедность, скудность и разруха! Ведьмовской университет Сафо явно нуждался в дотациях...

Ремонт в комнате, как и почти везде, не делался, судя по всему, уже лет сто, но мебель была ещё старше: стулья-инвалиды с кое-как перемотанными скотчем сломанными ножками точно застали ещё времена хромого демона Мифисаила. Под ножкой кровати, дабы не качалась, лежала сложенная вчетверо бумажка. Подумав, я вынул её и развернул, при ближайшем рассмотрении это оказалась свежая карточка из библиотечного каталога. Название книги мне ни о чём не говорило: «Стихи и поэмы безумного монаха-гения Бертольда Шаца».

Но если карточка из местной библиотеки, то туда надо будет непременно наведаться. А вот на обороте вдруг обнаружилось самое интересное. Это были незатейливые на первый взгляд четверостишия, переписанные простым карандашом, но, возможно, в них и крылась вся тайна расследования:

Посмотри на грудь невесте,
Не пойми меня превратно...
Убедись, что клад на месте.
Закопай его обратно.

Я сразу понял, что это главный ключ! Вот что она (или он) искала — клад! Сокровище где-то в стенах этого университета! Приезд мадемуазель (месье) Аферман был запланирован не только ради мести, это вообще может оказаться фикцией: она (он) искала здесь какой-то клад! И возможно, всё ещё ищет! Я всё больше склонялся к тому, что он (она) инсценировал (а) свою смерть. Были ли в здании университета тайные ходы? Как я не догадался выяснить это раньше?! Возможно, она или он (дьявол раздери, пора уже как-то определиться!) до сих пор прячется где-то в простенке, как в классическом детективе. Надо спешить...

Я ринулся на поиски библиотеки, по пути расспросив у пробегающих студенток, где она находится. Библиотека занимала помещение на втором этаже прямо у лестницы — мимо не пройдёшь. Большие окна, красивый ухоженный зал, всё так же бедно, но не в пример чистенько. Библиотекарша, зрелая эффектная чертовка, в стареньком платье, круглых очках и с тугой кукулей на затылке, сразу призналась, что «мадемуазель» Аферман действительно посетила их в первый же день своего поселения.

— Почему же не сказали мне раньше, моя скрытная мышка? Ай-ай-ай...

— Не люблю вмешиваться не в своё дело, — не особо чувствуя свою вину, буркнула она.

— У вас есть карта этого здания?

— Да, в отделе картографии, сейчас вам найдут. Нина, поищите-ка.

Юная студентка, с пышной грудью, не скрываемой никаким платьем под горло, стыдливо, не поднимая глаз и потому дважды спотыкаясь, принесла мне несколько карт.

— Какая самая старая? — спросил я.

— Вот эта, ей больше пятисот лет.

Я взял аккуратно обклеенную целлофаном, пожелтевшую и даже позеленевшую карту и бегло осмотрел её. Конечно, тайные ходы необязательно должны быть обозначены на карте, на то они и тайные, однако библиотекарша, кажется, знала всё, что связано с университетом. Я задал ей вопрос, но женщина уверенно ответила, что никаких ходов нет.

Почему-то я ей верил. Быть может, потому, что её совершенно не интересовало, гей я

или нет, мне даже не пришлось манерничать и сюсюкать.

— А вы не помните, какие книги она у вас читала?

— Конечно. Нина! — вновь обернулась библиотекарьша. — Принеси шестой том истории монастыря, стихотворные опыты безумного Бертольда Шаца.

Девушка послушно приволокла большущую книгу в потрёпанном кожаном переплёте с позеленевшими медными застёжками. Неловко бухнула её передо мной и, так же смущаясь, исчезла за полками.

Библиотекарша любовно погладила фолиант, раскрыла и...

— Как? Здесь вырвана страница?! Какое кощунство!

— Где? — Я сразу сделал стойку, как охотничий пёс.

Библиотекарша тяжело вздохнула, положила руку себе на сердце, стараясь выровнять дыхание:

— Вот здесь. Четыреста восемьдесят седьмая.

— То есть мы не узнаем, что здесь было написано...

— Почему же? Я почти все наши древние тексты помню наизусть, это профессиональное качество.

И в ответ на мой недоуменный взгляд она абсолютно спокойно прочла по памяти то четверостишие, которое у меня уже было, и к нему ещё два:

В лужах заблестели льдинки,
К ним хвостом прилипла утка,
Снега нет, но есть снежинки.
Это несмешная шутка.

Прочитав трактат подробный,
Сочини себе некролог,
Помолись плите надгробной,
Срок наш жизненный недолог.

Не увидишь клада,
Так тебе и надо!

— А-а-а... собственно, что это? — заинтересовался я.

— Наставления нам наших предков. В завуалированной форме, разумеется.

— И что, на целой странице было всего три четверостишия?!

— Ну да, а что такого? — вовсе не удивилась библиотекарьша, тыча меня носом в очевидное. — Шац был сумасшедший и писал огромными буквами, посмотрите сами.

Действительно, почерк у стихотворца был своеобразным, буквы громоздились друг на друга, перепрыгивали и даже выезжали на соседнюю страницу, будто пытаясь доказать самим себе, кто здесь главный, вопреки разуму и элементарным законам правописания.

На первый взгляд все эти рифмованные «наставления» монахов будущим поколениям показались мне полной фикцией. Глупые, надуманные, пустые. Такими «тайнами» обычно пестрят псевдофантастические детективчики женского разлива, но к реальной жизни они имеют отношение крайне редко. Может быть, в какой-то иной ситуации я бы и относился к такому творчеству с умилением, но сейчас всё это только раздражало, потому что сбивало с логики расследования. Однако проверить их всё равно надо, чисто на всякий случай...

— А о каком кладе речь?

— О чём вы говорите?! Это же учёные-монахи, они чурались материального. — Библиотекарша наставительно поправила старенькие очки. — «Не увидишь клада, так тебе и надо!» Разумеется, речь идёт о метафизических знаниях, о древней мудрости, скрытой от непосвящённых, о передаче житейского опыта наивной молодёжи. Мы ведь сумели сохранить монастырь и сделать из него университет, который, как сокровище, и передаём из

поколения в поколение.

— Да-да, конечно, — задумчиво пробормотал я себе под нос. — Значит, выискался некто, кто воспринял эти строки настолько буквально, что пошёл ради сокровища на убийство. И что же навело его на эту мысль? Грудь невесты? Снег? И самое главное, зачем выкапывать клад, если требуется тут же закопать его обратно? Бессмыслица какая-то...

— Не понимаю, о чём вы.

— Об этих стихах...

— Ну, они приводят и к кое-каким логическим выводам, ведь древние монахи всегда писали о том, что видят, но зачастую облакая увиденное в некий флёр мистических тайн. Взять, к примеру, то же упоминание снега... У нас он бывает редко, но лично я видела камень с вырезанной на нём снежинкой на какой-то из старых стен.

— На какой именно? — невольно зацепился я.

— Ах, вот это я вам точно не скажу... — чуть смутилась дама. — Мне редко приходится покидать библиотеку. Здесь моя работа, а книги моя жизнь! Я помню почти все тексты, могу с закрытыми глазами взять нужный том с нужной полки, а всё, что вне библиотечной территории... Вам лучше спросить у мадам Шуйленберг.

Мне оставалось лишь поблагодарить старейшую сотрудницу университета за содействие полиции и уже перед уходом попросить её юную помощницу снять мне ксерокопию плана территории, каковую я сунул во внутренний карман и направился в кабинет директрисы. Следствие выходило на новый неожиданный виток. Во-первых, покойница вполне могла оказаться живой, во-вторых, на самом деле быть мужчиной, и, в-третьих, преступный интерес упирался не в мифическую «мечь» университету Сафо, а во вполне реальные поиски клада. То есть кто-то, прочтя то же, что и я, сделал такие же выводы — к чёрту мистику древних, даёшь их материальные сокровища!

В дверь директорского кабинета я постучал не представляясь. Когда вошёл, мадам Шуйленберг что-то старательно писала на листе бумаги, не выпуская из зубов неизменную сигару. Я профессионально успел заметить лишь начало текста: «В главное управление департамента полиции округа. Коллективная жалоба. Нам, в чисто женское учебное заведение, прислали некоего сержанта Ирджи Браздинского, который представился геем, но совершенно...», дальше ничего прочесть не удалось, она прикрыла недописанный лист папкой и отложила с гордым видом.

— Вам что-нибудь говорят эти строки, дорогуша моя? — без лишних предисловий спросил я, протягивая листок с четверостишиями, которые записал под диктовку в библиотеке.

— Практически ничего. Как я понимаю, вы принесли старые стихи Бертольда Шаца, но он был безумен, это факт общеизвестный, и таких творений у него тонны. Почему вас заинтересовали именно эти?

— Потому, что именно их выкрала из библиотеки та самая «мадемуазель Аферман»!

— Хоть убейте, не понимаю, какой в этом смысл... — нахмурилась директриса. — Ну, положим, пару ассоциаций по тексту я могу вам указать. Вот здесь сказано: «Посмотри на грудь невесте». Все знают, что Невестой называлась самая старая башня этого университета, её построили летом в девятьсот пятнадцатом году.

— А снежинка? Ваша библиотекарьша сказала, что якобы на какой-то из стен есть изображение снежинки, не могли бы вы мне его показать?

— Да, она как раз на одном из камней башни Невесты. Но, по-моему, вы занимаетесь ерундой. Я думаю, вам надо обыскать всё вокруг и найти, где прячется эта мерзавка Аферман, пока она опять кого-нибудь не убила. Или мы найдём её сами!

— Нет-нет, доверьтесь мне, милочка. Преступница что-то ищет на территории вашего университета, дадим ей возможность это найти и возьмём с поличным!

— Конечно, не все догадываются, что Аферман жива, большинство предпочтут поверить в призрака. Я на свой страх и риск убедила остальных, что исчезновение похороненной его проделки, у нас действительно раньше появлялся призрак мужчины, и

старейшие преподавательницы уверяют, что в молодости даже видели его сами. Но вы подтверждаете мои подозрения, эта злодейка жива?!

— Я предполагаю подобное, но у нас маловато фактов. А что за призрак мужчины?

— По легенде это случилось в те времена, когда наше учреждение уже стало чисто женским, но сюда ещё иногда впускали мужчин. — Директриса сделала глубокую затяжку и мечтательно улыбнулась. — Один из них, некий водопроводчик, история не сохранила его имени, утомившись после долгой прочистки засора в ванной тогдашней настоятельницы университета, сел отдохнуть в кресло хозяйки и случайно бухнулся на её кота, насмерть раздавив бедолагу. За это женщины всей толпой жестоко отомстили ему, избив до смерти и закопав тело в саду. Считается, что до сих пор его можно видеть блуждающим среди деревьев и выпрашивающим прощение у каждой встречной кошки, а если та ему не отвечает, он пытается на неё сесть! Но это всего лишь старое предание, хотя и в нём есть некий нравственный урок...

Я тупо выслушал весь этот бред и посмотрел на директрису:

— Хорошо... Мне надо идти, хочу осмотреть двор. Кстати, я не видел там никакой башни.

— А вы внимательнее осмотрите левое крыло нашего университета, ибо оно до сих пор сохранило свою цилиндрическую форму. Правда, сама башня уменьшилась почти на треть, в ней поменяли крышу и переделали всё внутри. Но с внешней стороны до сих пор видна старая кладка, и там на одном из камней действительно есть схематическое изображение снежинки.

— А что оно означает? — уточнил я.

— Что угодно, — пожала плечами глава университета. — Например, то, что строительство начинали зимой, хотя закончили летом. Или фирменный знак архитектора, или случайный элемент уцелевшего декора, а может, и вообще ничего, так поставили, для балды. Точно мы это никогда не узнаем, ведь строили мужчины, да и кому это нужно?

Я протянул директрисе карту с просьбой показать на ней башню.

— Вот она, — ткнула пальцем директриса и добавила: — Как выйдете, направо до угла здания, а там ищите под плющом.

— Хорошо, теперь я найду её сам.

— Пожалуйста, перед вами здесь открыты все двери, можете ходить везде. Кроме туалетов, спален девочек и женского душа, разумеется. Ключи от хозпостроек спросите у кастелянши.

— Спасибо, непременно обращусь к ней, если понадобится.

— Но разве вы не пойдёте обедать с нами? — гостеприимно предложила мадам Шуйленберг.

Я вовремя вспомнил, чем у них кормят на ужин и завтрак, и решил, что лучше поголодаю.

— Спасибо, милочка, пожалуй, воздержусь. Мне надо следить за фигурой, — качнув бёдрами, улыбнулся я.

Моя ненависть к самому себе росла в геометрической прогрессии. Сколько ещё мне придётся изображать эту пошлую походку?!

— Не увидишь клада, так тебе и надо... — Мадам Шуйленберг выпустила клуб дыма мне вслед и незаметно вернулась к своему письму.

Я же, плюнув на всё её двуличие (ведьмы есть ведьмы), быстро вышел во двор, решив обойти весь университет от и до и найти здесь хоть что-то похожее на эту дурацкую снежинку. Двор оказался немаленьким, то есть абсолютно непропорциональным результату. В смысле результат практически полный ноль...

Мне пришлось дважды обойти всё здание по кругу, держа в руках стихи. Я перечитывал их снова и снова, пытался выстроить в логический ряд, но ничего не получалось. Хотя, с другой стороны, чего можно ждать от текста сумасшедшего? Но и иного решения загадки не было. Раз кто-то принял эти записи за конкретное указание направления

и места и я хочу его поймать, следовательно, мне стоило поступить так же. Иначе он уйдёт...

Я вновь и вновь тщательно осматривал самую большую полукруглую часть университета. То самое левое крыло, где сейчас, как понимаю, располагались спальные комнаты студенток второго и третьего курса. Внутри мне делать точно нечего, там же всё перепланировали, снесли и построили заново. То есть всё интересное может находиться только снаружи. Но что?

Так, теперь главное — никаких отвлечённых фантазий, никаких предположений, никакой самостоятельности, только предоставленный текст! Итак, что там надо было сделать сначала?

— «Посмотри на грудь невесте», — вслух прочёл я.

Ну. Посмотрел. Как бы ещё разобрать, где у этой башни грудь? Она должна как-то выпирать, что ли?

— «Не пойми меня превратно...»

Да, у этого монаха кроме проблем с головой явно были сложности ещё и интимного характера, раз такие намёки и ассоциации... Хорошо, предположим, что грудь это не спина, браво логике! Всю ту часть здания, что выходит на двор университета, и будем считать грудью. Смотрим, смотрим, ищем...

Искомая «снежинка» нашлась на высоте примерно двух моих ростов. Просто её почти полностью скрывали красные листья дикого винограда, да и, честно говоря, с моей точки зрения, само изображение было весьма схематичным. Восемь перекрещивающихся линий, грубо вырезанных в камне. Не знаю я, что это снежинка, с равным успехом мог бы назвать и звездой и ромашкой.

Ладно, не будем цепляться к мелочам, у каждого свои взгляды на творчество, решил согласиться я. Что дальше?

— «Убедись, что клад на месте. Закопай его обратно».

Чудесно! И как убедиться?! Понятия не имею...

Постояв в пустых размышлениях минут пятнадцать, я не пришёл ни к каким выводам. Копать под «снежинкой»? Но там была тротуарная зона, и кто мне здесь позволит ломать асфальт. Смотреть туда, куда указывает снежинка? Так, если встать к ней спиной и мысленно провести от неё прямую линию, то единственным более-менее интересным ориентиром был бы старый камень, положенный в год основания монастыря, а за ним уже ограда кладбища. Я не поленился сбегать посмотреть, но...

«Сей валун возложен в год 903
и да будет твердь!» —

прочёл я. Всё. Больше ни слова не было. Как не было и следов раскопа или попыток сдвинуть эту вросшую в землю махину с места. Тогда какой смысл на него указывать? А если не на него, то на что ещё? Не понимаю...

— «В лужах заблестели льдинки, К ним хвостом прилипла утка», — сверившись с бумажкой, протянул я.

Какие утки? Нет их здесь, хотя, возможно, лет триста — четыреста назад и были. Если, конечно, дядя Шац не пытался таким образом просто пошутить. Впрочем, для средневекового монаха утка, замёрзшая на льду, могла выглядеть очень смешной. Как и фраза «Снега нет, но есть снежинки». То есть снежинки есть где-то ещё или «Это несмешная шутка»?

На самом деле я нашёл ещё одно столь же схематическое изображение снежинки на валуне ближе к земле слева. Правда, никакой «шутки» (смешной или несмешной) я в этом не видел, но неважно, говорилось же, что тот монах — псих. Тем более что в расследовании ещё одна снежинка ничего не решала, потому что вообще указывала на выход с университетского двора. Типа если не понял, то вообще убирайся, так что ли? Вот уж воистину «Не увидишь клада, так...»!

Мимо меня пробежали две молоденькие студентки с вёдрами. Оказывается, единороги второй день волновались в стойлах, у ведьм считается, что это к беде. Никого, кроме девственниц, они к себе не подпускают, вот девушки и намеревались добавить могучим животным немного валерьянки в питьё, а то к ночи они разнесут свой загон. Ещё одна проблема, но хорошо хоть не моя...

Вот так, с больной головой, усталый, голодный и ничего не выяснивший, я вернулся к себе в комнату. Нужно было привести мысли в порядок и обо всём доложить шефу. Ведь, по сути, ясно главное: в университете орудует опасный преступник, он ищет клад и ради этого уже убил ни в чём не повинную смотрительницу кладбища. Спускать такое на тормозах нельзя. Полиция обязана найти негодяя, где бы он ни прятался, и мы его возьмём...

— Слушаю вас, Бразинский. — Мой комиссар поднял трубку уже на шестом гудке. — Докладывайте, чего вы там натворили? Директриса отправила электронной почтой уже двенадцать жалоб по всем инстанциям — мы нарушаем им учебный процесс, надумываем несуществующие проблемы, раздуваем скандал, намеренно затягиваем следствие и совершенно не ищем преступницу, которая, по её мнению, давно сбежала и ловить её следует где-нибудь подальше от стен Сафо. А ваша Эльвира мне уже всю плешь проела! Хоть бы позвонили ей...

Я кротко выдохнул и попытался как можно обстоятельнее изложить шефу всё, что удалось выяснить на данный момент. Боюсь, получилось не особенно убедительно, но он понял, что пока нам никак нельзя делиться информацией с журналистами. А Эльвира выкачала бы из меня всё...

— Вы знаете, где скрывается эта «мадемуазель Аферман»?

— Думаю, да. Можно было бы призвать на подмогу женщин и арестовать негодяя, но так мы ничего не узнаем о кладе. Я предпочёл бы взять его на месте.

— Разумно, — согласился месье Базиликус. — А когда?

— Этой же ночью, — ответил я. — Думаю, мы с ним пришли к одинаковым выводам, и если мои предположения относительно «снежинок» верны, то в темноте он попытается прокрасться к валуну, поставленному в честь основания монастыря, и выкопать из-под него клад.

— То есть, по-вашему, клад там?

— Это рабочая версия...

— Может, вам всё-таки прислать кого-то из профессионалов? — задумался комиссар. — Ну хоть тот же Флевретти, вполне может сыграть второго гая.

— Вряд ли ведьмы это допустят, нас загоняют согласованиями...

— Тоже верно. Ладно, действуйте сообразно обстановке. На всякий случай я буду держать специалистов из префектуры под рукой. Будет туго — звоните, и бронированная машина с автоматчиками сразу ворвётся в ворота!

— Спасибо, шеф. Надеюсь, до этого не дойдёт.

— Кстати, чуть не забыл. Та женщина, смотрительница, мадам ля Гулю... Первое заключение, что она умерла от разрыва сердца. Мы, конечно, всё перепроверим, но...

— Понятно, — поблагодарив комиссара ещё раз, я отключил связь.

Ну вот и всё, осталось договориться с директрисой и подвести это дело к концу. Аферман скорее всего прячется где-то у единорогов, недаром они волнуются. Там огромное помещение, место под сеном всегда найдётся.

Итак, что мы сейчас имеем?

Готов предположить, что преступник действительно сын или дочь одной из воспитанниц женского университета. Узнав от мамы про стихи сумасшедшего монаха, он решил, что всё это может иметь и реальную основу, а не только нести метафизические знания. Предположим, что преступник проникает на территорию под видом новой преподавательницы. Это сложно, но он сумел.

Потом отправляет анонимное письмо в полицию и инсценирует самоубийство, одновременно сделав так, чтобы его схоронили как можно поспешнее и без лишних

свидетелей. Легко поверю, что он заранее отметил, какая могила свободна, и сунул себе под платье пару садовых совков.

Вся проблема в том, что в Сафо приезжаю я один. Преступник рассчитывал, что куча полицейских будет осматривать кладбище днём, не найдёт тела и взбудоражит весь университет, а он, пользуясь суматохой, найдёт место сокрытияклада. Выкопавшись ночью, он никого не ожидал увидеть, а тут вдруг вынужденно убивает (или доводит до инфаркта) старушку-смотрительницу, она наверняка заметила, как он выбирался из-под земли. Ему пришлось сунуть труп в свою же могилу, ещё повезло, что никто ничего не заметил, но он занервничал, эта смерть была не в его интересах.

Правда, непонятно, когда и как он рассчитывал выкопать клад и унести? Хотя, с другой стороны, будет повод спросить его об этом при личной встрече, буквально через несколько часов...

— Милочка, мне опять нужна ваша помощь. — Я ввалился в кабинет директрисы, когда она поправляла резинку на чулках, и волевым усилием даже не покраснел. — Что, стрелка побежала или затяжка?

— А-а, дьявол, так, мелочи. — Она одёрнула подол. — Чем могу быть полезна, сержант?

— Соберите несколько педагогов, способных держать оружие. Вечерком я обещаю вывести всех на увлекательнейшее занятие, мы сядем в засаду, ожидая визита «покойной» мадемуазель Аферман. Я задержу её, а вам надо просто не дать ей удрать...

— Женщины против женщины?! Ни за что!!! Это противно самим устоям нашего благородного заведения, вам никто не будет помогать, и лично я в первую очередь! Прямо заявляю вам, сержант Браздинский: или вы...

— Как скажете, дорогуша, — капризно поморщился я. — Но в этом случае мне придётся вызвать специалистов из окружного полицейского управления. Толпу эдаких могучих, потных, жёстких мужчин в чёрных кожаных одеждах, с резиновыми дубинками и большими пистолетами, под руководством столь нелюбимого вами комиссара Базиликуса... О-о да! Вы уверены, что хотите их видеть?

— Не-э-эт!!! — в полный голос истерически заорала директриса. — Только не это! Сколько вам нужно женщин? Три? Пять? Восемь? Мы все будем готовы к указанному часу.

— Думаю, пятерых вполне достаточно, — милостиво согласился я.

— Чем им вооружиться — ножи, лопаты, топоры, удавки? Думаю, кое у кого найдётся и огнестрельное оружие.

— Пока просто верёвки. Преступница должна быть взята живой. — Мне вовремя пришла в голову мысль не сдавать бедного мужчину. В противном случае ему вообще не выбраться отсюда живым и он не предстанет перед законным судом, эти ведьмы просто разорвут его на клочки.

— В восемь часов вечера я лично и пятеро наиболее опытных педагогов при оружии и в камуфляже будут ждать вашего приказа. Вы довольны?

— О, если бы меня интересовали женщины, был бы счастлив. Но я гей!

Мне осталось лишь козырнуть ей, и, позабыв вильнуть бёдрами, я отправился в свою комнату, дабы ещё раз прикинуть в голове весь план захвата. Итак, вооружение, засада, взятие на месте преступления с поличным и заслуженный арест! Никаких других вариантов я не видел — преступник не выйдет до темноты, но когда он выйдет, мы уже должны быть на месте и ждать его всей толпой.

Но перед выходом на операцию нужно было сделать звонок шефу, ещё раз коротко отчитаться о сделанной работе и изложить свой план. А в принципе можно и не звонить, ведь ничего нового не произошло, позвоню после задержания. Если повезёт и мы его действительно задержим, а не повезёт, так уж как минимум напугаем! Нас же много, и все страшные! Я отложил сотовый телефон...

В назначенное время взбудораженные преподавательницы, одетые кто во что и вооружённые кто чем, нетерпеливо ждали меня в фойе. Шесть дам, из которых я узнал

библиотекаршу, старую преподавательницу химии, директрису в чёрном трико, остальные незнакомы, хотя, наверное, я мог видеть их в общей столовой. О, точно! Та женщина с сурово сдвинутыми бровями забрала всю мою свёклу. А-а... двух других всё равно не вспомнил.

Я убедился, что за окнами достаточно стемнело, значит, можно было начинать операцию, прочитал им короткую инструкцию и спросил по окончании:

— Всем всё понятно, лапки мои?

— Да, месье сержант. Относительно. Взболтаем эту колбочку.

— Ладно, пошли и убьём её на хрен, девочки. — Последняя фраза принадлежала директрисе.

Я кивнул и, махнув рукой, возглавил шествие, дамы послушно следовали за мной. Я надеялся, что мы не опоздали. Было понятно, что преступнику нужно время для своего чёрного дела, потому раньше восьми-деяти он не выйдет, не говоря уж о том, что ему как минимум надо где-то раздобыть лопату...

Мы распределились по кустам полукругом, так, чтобы камень был хорошо виден, и уже не меньше часа сидели в засаде. Женщины начали дёргаться, шевелиться, перешёптываться и всячески терять терпение. Библиотекарша, почему-то вооружённая ножницами и тубиком с клеем, сидела между мной и директрисой, то и дело шепча:

— Я прочла много военно-исторических книг, в том числе по тактике и стратегии, пустите меня вперёд, я прыгну на неё сзади и воткну ножницы в шею!

— Предварительно заклеив рот клеем, чтобы не кричала?! Что же вы так агрессивны? — шикая на неё, спросил я.

— Она испортила книгу. Ей не жить! — Библиотекарша выразительно провела себе большим пальцем по горлу.

Пока директриса спорила с ней, я вдруг поймал себя на мысли, что весь мой план захвата трещит по швам. Аферман, кто бы он ни был, мужчиной или женщиной, так и не собиравшись появляться. Что же я сделал не так? Предположим, монахи нашли клад, положили над ним камень, выбили надпись и... Дьявольщина, какой бред! То есть они его нашли и не стали его даже выкапывать, а почему-то сразу обозначили над ним время строительства монастыря?!

— Когда, вы говорите, была построена Невеста? — Я почти силой оторвал мадам Шуйленберг от увлечённого удушения библиотекарши.

— Башня?

— Нет, обычная невеста! Вы их тут рядами строите, да?!

— Не надо сарказма, — рякнула директриса. — Башня построена в девятьсот пятнадцатом году.

— А камень поставлен в девятьсот третьем. Почему сначала был камень и почему такая большая разница во времени?

— Ну, они сразу решили, что будут здесь жить, поставили камень, а потом основали...

— Ерунда! Они решили основать здесь монастырь, а спустя двенадцать лет построили первую башню?! — взорвался я, прозревая. — На неё от силы два года ушло, и то вряд ли! А самое главное, что на камне написано: «...и да будет твердь!» Это значит, что камень нельзя тревожить, он основа, символ, не более. То есть под ним ничего нет! А эти ваши цифры...

— Но если они не дата, тогда что же?

— Это... расстояние! А снежинка... снежинка вовсе не символ зимы, это направление! Север! Девятьсот три шага на север!

— И... и что нам с этим делать? — Ко мне обернулись уже все женщины.

— Вперёд! Девятьсот три шага на север! — гейским фальцетом взревел я и бросился по направлению, указанному снежинкой на камне. Да-да, туда, прямо через колонну памятников, на выход! Пусть это бессмысленно, но...

На полпути меня чуть не сбили выбежавшие из стойла совершенно обезумевшие единороги. Ясное дело, они же привыкли, что за ними ухаживают девственницы, а тут

впёрся мужчина в женской одежде...

— Мы на правильном пути! — проорал я, в то время как могучие звери умудрились разогнать почти половину нашего маленького отряда, что только воодушевило оставшихся ведьм, которые неслись вслед за мной, завывая, как сумасшедшие фурии.

Это была дикая эйфория погони, и тут неожиданно впереди раздался грохот. Вы не поверите, прямо на моих глазах здоровущая статуя гномихи-пловчихи рухнула наземь.

— Туда! — вскричала директриса и, опережая меня, кинулась к статуе.

В нос мне ударил резкий запах сирени и ландышей. Это он, больше никто так не пахнет, и это единственная ошибка преступника, аромат духов выдавал его с головой. Я не должен был позволить женщинам идти впереди себя, но вынужден признать, что первыми Афермана захватили именно они. В том смысле, что, когда я подбежал к месту преступления, директриса с библиотекаршей крепко держали две волосатые ноги, торчащие из-под упавшей статуи...

Отброшенная обувь валялась рядом, но, вопреки народной примете «отбросить тапки», преступник остался жив. Правда, для его спасения мне пришлось тут же вызвать помощь шефа. Через пять минут окружная полиция, честно ждавшая за оградой, ворвалась в ворота. Как раз вовремя, чтобы отбить несчастного у уже поднимавших статую женщин. Доберись они до него раньше, чем мы, на скамье подсудимых сидели бы совсем другие...

— Вы арестованы, противный, — объявил я рослому чёрту со спиленными рогами и купированным хвостом. От него буквально разлило цветочным дезодорантом, но, несмотря на платье, он определённо был мужчиной. Хотя в этом смысле я не ошибся.

— Оцепите место преступления, отнесите женщин, поставьте охрану и никого сюда не подпускайте. Нужно выяснить, что там внизу!

Начальник группы захвата кивнул и отдал распоряжения. Я посмотрел, как уносят дёргающегося Афермана: беднягу словно ударило током, он был явно без сознания, а его конечности вздрагивали в произвольном ритме. Убедившись, что ведьмы, попавшие под копыта единорогов, особо не пострадали, заявившись в бодреньком состоянии, я под шумок, ни с кем не прощаясь, тихо покинул территорию университета. Надо было вернуться в город и хоть раз за всё это время нормально поесть. Всё! Дело закончено. Имею право!

Наутро шеф вызвал мадам Шуйленберг к себе в управление на очную ставку с месье Аферманом. За ночь тот пришёл в себя в больнице, диагноз был страшен: отравление серебром! Парню вообще-то дико повезло, что он докопался до открытой жилы и лишь слегка коснулся её кончиками пальцев, залезая под статую гномихи. А влезь он туда весь и подыши парами серебра ещё хотя бы пять-шесть минут, и мы имели бы на руках лишь очередной труп...

Так вот что за клад скрывался здесь тысячу лет. Директриса была очень благодарна нам за неожиданно свалившееся на университет богатство. Конечно, в последние годы стоимость серебра немного упала, но всё равно если отдать это месторождение в государственную разработку для мирных или военных целей, то на одни проценты можно сделать из университета конфетку. Теперь женское учреждение Сафо ждало лишь богатство и процветание, а не вечная варёная свёкла на ужин. То есть, я надеюсь, в первую очередь это отразится на меню.

Разумеется, сначала геологоразведчикам надо было проверить величину, глубину, чистоту и другие параметры залежей, но уже сейчас можно было навскидку предположить, что руды хватит минимум лет на десять постоянной промышленной добычи. Серебро — сильнейший яд, и у каждого, кто дотронется до него без перчаток, может вызвать мгновенный болевой шок и судороги. Аферман смог убедиться в этом на собственном печальном опыте. Но, с другой стороны, это очень редкий и дорогой металл. Он незаменим в медицине, в фармакологии, в химической промышленности, а также при создании оружия массового поражения.

Я почти уверен, что когда это месторождение случайно нашли монахи, то решили сразу огородить его от греха подальше, основав там монастырь с целью спасти местное население

от гибели. В прежние времена черти знали только о смертельной опасности серебра, чисто материальной ценности оно тогда не представляло. Естественно, низкий уровень развития технологий просто этого не позволял и жилу закопали обратно...

Возможно, среди первооткрывателей был тот самый Бертольд Шац, надышавшийся страшных испарений и слегка сбрендивший. Возомнив себя поэтом, он решил донести до потомков историю о жуткой опасности, таящейся в этом месте, но переоценил свои силы. Шац так об этом всех «предупредил», что никто ничего не понял, навыврезал кучу снежинок, написал гору противоречащих здравому смыслу стихов и счастливо отошёл на покой. Типа он своё дело сделал.

Со временем даже тот факт, что сам монастырь был основан отнюдь не из религиозных побуждений, благополучно забыли. Позже, как это частенько случалось, духовное заведение стало учебным, а потом ещё и чисто женским университетом для будущих ведьм, и тайна хранимого в недрах его территории опасного «клада» была погребена ещё основательнее. До тех пор, пока некто Аферман не почуял вкус к приключениям и не поверил всей душой в старые сказки своей мамы, бывшей выпускницы Сафо...

Этим утром у меня был самый плотный завтрак на свете, потому что я отъедался за полтора дня почти полного и совсем нелечебного голодания. Я позвонил Флевретти предупредить, что приду на работу в десять. Капрал не спорил, но в свою очередь напомнил, что директриса университета мадам Шуйленберг уже здесь.

Пусть подождёт, я разом припомнил её мнимую готовность сотрудничать, а на деле рассылку во все концы жалоб на противоправные действия полиции и мою полную профнепригодность...

Кстати, шеф тоже опаздывал. Он с двумя офицерами округа должен был забрать Афермана из больницы и приехать с ним в участок. За ночь врачи привели преступника в чувство и сказали, что он готов к даче показаний и очной ставке. Хотя спешки особой не было, нас никто не торопил с закрытием дела, но мы все знали, что допрос нужно вести по горячим следам. Преступнику нельзя давать время одуматься, составить линию защиты, вызвать опытного адвоката и упереться в глумливом молчании.

Поэтому комиссар решил не терять ни минуты, вытянув из Афермана полное признание как можно скорее. Самой доказательной базы и улик против него у нас и так было предостаточно, но чистосердечный рассказ задержанного всегда ставит жирную точку в любом деле.

К моему приходу Флевретти уже щедро угощал директрису растворимым кофе, пытаясь шутить и заигрывать с ней. Будучи абсолютно уверенным в своей мужской неотразимости, он в упор не обращал внимания на её высокомерную отстранённость и возмущённый взгляд, хотя она всеми силами пыталась отгородиться от его «грубых» приставаний. Но капрал никаким боком не относился к самым чутким созданиям, поэтому плевать хотел на то, что его тут презирают, он к этому давно привык и не комплексовал, а посему не снижал напора.

— А что вы делаете сегодня вечером? А не пойти ли нам в киношку, на «Грязные танцы»? А почему не сегодня? А когда вы согласитесь? А я всё равно буду вас ждать!

Видимо, бедняжка уже забодалась говорить ему «нет», поэтому моё появление явно приняла за последний спасательный круг. На этот раз её радость была столь искренна, что я, щадя чувства дамы, вновь был вынужден изображать гея...

— Доброе утречко, дорогуша! Как спалось, у вас круги под глазами, устали, да? А ну отстань от девочки, противный!

Флевретти, подняв обе руки в знак примирения и едва не задыхаясь от дебильного хохота, вернулся к себе на рабочее место. Директриса благодарно пожала мне руку. И тут наконец приехали шеф с Аферманом и офицерами из префектуры, которые были приставлены к преступнику в больнице. Капрал выскочил на улицу, чтобы их встретить, и по ходу дела доложить о нас.

— Такое облегчение, что вы тоже пришли меня поддержать, ещё минута с этим

ужасным типом наедине, и я бы сошла с ума! А сейчас заявится ещё и этот негодяй Жерар... — Нервно кусая губы, мадам Шуйленберг достала из сумочки сигару, повертела её в пальцах и сунула обратно. — Уверена, он не изменился с тех пор, как я имела несчастье видеть его в последний раз. Всё такой же старый шовинист, его уже не переделаешь, правда?

— Да, вы попали в самую точку. Грубый, чёрствый, вульгарный мужлан, как я от него настрадался, — манерно прошептал я, доверительно наклонившись к её уху.

В глазах директрисы отразилось сочувствие, она понимающе закивала и похлопала меня по руке. Пришлось сделать вид, что я жутко расчувствовался, и блеснуть фальшивой слезой. К счастью, в этот момент вошли шеф, Флевретти, Аферман, ещё очень бледный, но уже с вызывающе сдвинутыми бровями, и два его конвоира.

— Итак, господа, я вижу, все в сборе, — начал месье Жерар, скользнув взглядом по мгновенно приосанившейся и посуровевшей мадам Шуйленберг, в его глазах мелькнули насмешливые искорки. — Ну-с, тогда приступим. Отпираться смысла нет, всем всё уже ясно, поэтому давайте не будем делать себе же хуже. Признавайтесь!

— Хорошо, месье комиссар, я и не собираюсь отпираться. — Задержанный даже с какой-то чуть наигранной лихостью опустился на предложенный табурет. — Всё просто, во-первых, я никого не убивал.

— Понятно. Мы с удовольствием выслушаем ваш рассказ. Но если позволите, чуть позже. Сперва одна небольшая формальность. Мадам Шуйленберг, вы узнаете месье Афермана?

— Узнаю, естественно, — сразу поднапряглась директриса. — Только три дня назад я знала его как женщину, принимая её... в смысле его на должность преподавательницы хорового пения.

— Вы уверены, что не ошибаетесь? — важно уточнил месье Жерар, кивнув мне, чтобы я сделал пометку в блокноте.

— Конечно, уверена. Эти пороссячьи глазки ни с чем не спутаешь.

— Ой, ой, подумаешь, не успел подвести ресницы. А у меня в больнице было на это время? — капризно надулся преступник.

Я ощутил тихий ужас, неужели и он...

— Хорошо, спасибо за помощь, вы свободны. — Комиссар поклонился главе Сафо.

— Свободна?! Разве я не имею права знать, что происходило в стенах моего университета? Это был вопиющий кошмар! Мерзавец проник в нашу среду, он изуродовал редчайшие книги в библиотеке, он погубил нашу старейшую и уважаемую служительницу кладбища мадам ля Гулю! И вы хотите, чтобы я вернулась к своим без объяснений?!

— Я её не убивал! — вновь заволновался Аферман. — Защитите меня от глупых обвинений.

— Подождите. Мадам, здесь идёт серьёзный следственный процесс, и мы не можем допустить присутствия посторонних.

— Это я посторонняя?! Я оказывала полное содействие следствию, спросите Браздинского, мои преподавательницы, рискуя жизнью, помогали задержать убийцу!

— Говорю вам: я не убийца!

— Цыц! Жалкий негодяй, ты втёрся к нам в доверие, да я из-за тебя чуть не поседела, когда заворачивала твой труп в простыню и... Я тебе сейчас глаза бесстыжие выпарапаю! — окончательно завелась директриса.

— Сержант, уведите её отсюда.

— Нахал! Тиран! Мужлан! Ваш Браздинский был прав, когда говорил, что вы всё тот же толстый, чёрствый, наглый хам и шовинист!

Комиссар Базиликус в полном изумлении уставился на меня. Я кисло улыбнулся. Когда всё кончится, могу подавать рапорт об увольнении, ибо кто меня здесь оставит...

— Позвольте напомнить вам, мадам, что сейчас вы оскорбляете должностное лицо при исполнении. — Шеф произнёс это с непроницаемым выражением лица.

В чём-то я эту Шуйленберг, разумеется, понимал. Комиссар действительно умеет

вывести из себя, если захочет. А в данном случае он всё для этого и делал, хоть и непонятно, с какой целью.

— Шеф, она права. Она действительно очень помогла нам. То есть мне, во время расследования.

— Неужели? А вот эта подборка жалоб чья?! — Жерар Базиликус демонстративно хлопнул по папке с бумагами. Директриса открыла было рот, но быстро захлопнула его и пошла пятнами. — Но если вы обещаете отозвать их из министерства и префектуры...

— Да, — сипло выдохнула она. — Это было скоропалительное решение, но...

Комиссар удовлетворённо откинулся в кресле и продолжил:

— Вы обещаете? Что ж, тогда оставайтесь, но будете молчать — одно слово, и вам придётся покинуть участок либо сесть в камеру на трое суток в зависимости от того, что это будет за слово.

Мадам Шуйленберг молча кивнула.

— Ну что ж, мы наконец готовы вас выслушать, месье Аферман.

— Правда, что ли? А то я уже решил, что вам это неинтересно. Я начну свою историю издавека...

Вступление было многообещающим, а сама повесть длинная, как сага. Тем не менее его никто не перебивал, и мы честно выслушали всё до конца. Много из рассказанного было нам уже известно, но мы услышали и много нового. Поэтому перескажу вкратце, но по порядку.

Мать Афермана считалась очень способной студенткой в Сафо, хотя и своенравной бузотёркой, но тем не менее после окончания обучения ей предлагали остаться преподавать в университете. Однако она ушла, потому что жалование здесь было маленькое и социальное обеспечение крайне скудное, а девушка мечтала жить богато, устав от нищенского существования за годы учёбы. Что ж, я-то отлично её понимал...

Поначалу ей удалось осуществить свою мечту, выйдя замуж за богатого, но не очень здорового чёрта, владевшего двумя стабильными фирмами, но тот скончался уже через несколько лет, оставив её с маленьким сыном и большим наследством. Поскольку идеи, засевшие у неё в голове ещё в университете, были довольно сильны, а умения вести бизнес там не преподавалось, то бедняжка решила на эти деньги основать собственный университет в Маадьярии и приумножить капитал, сделав своё заведение престижным и крутым в расчёте на девушек из богатых семей.

Но, как вы помните, всё это начинание кончилось трагически, так как девушки, не выдержав спартанских условий, плюс постоянные денежные поборы, да плюс ещё полный запрет на общение с мужчинами, — буквально встали на дыбы! Студентки, не задумываясь, убили новоявленную подвижницу, задушив её же собственными колготками! Ужасно, но факт, хоть и нелепый... Мы проверили по иностранным полицейским сводкам, в своё время это было очень громкое дело. Задумчивого мальчика взяли на воспитание дальние родственники по отцовской линии...

— Они у меня были богаты, потом ещё компенсация за смерть мамы и остатки папиного наследства давали возможность безбедного житья, но всегда было ясно, кому предстоит приумножать семейный капитал. И главное, я всегда знал как! — Аферман время от времени прерывался, делал красивые паузы и продолжал вещать, словно любясь самим собой. — Когда я был маленький, мама постоянно пересыпала речь поговорками, которые ходили у них в университете. Что-то вроде:

Убедись, что клад на месте,
Закопай его обратно.

А когда не мог выучить уроки, подшучивала:

Не увидел клада,

Так тебе и надо!

Конечно, в те годы я был слишком мал, чтобы понять, что мама имела в виду знания, поэтому всё воспринимал буквально. Я спрашивал её, о каком кладе речь. А она всё смеялась и говорила, что клад спрятали монахи в библиотеке. Естественно, она имела в виду книги, знания. Но я чётко запомнил: библиотека — монахи — клад. И вырос с этой мыслью...

— Но позвольте, — не выдержала директриса. — Вы же сами сказали, у вас были богатые родственники, отец оставил вам наследство, у вас всё было в отличие от нас! Почему же, почему, почему вы...

— Потому что быть геєм — дорогое удовольствие! Уж вы-то должны меня понимать, сержант. — Преступник пожал плечиком и подмигнул мне.

Я покраснел, но смолчал, его рассказ был сейчас куда важнее моей репутации. Шеф сурово погрозил пальцем мадам Шуйленберг, и мы вновь стали слушать.

— Так вот, когда мамы не стало, я подумал: а почему бы мне не забрать сокровище, которое этим женщинам даже не нужно? Ведь, если они всё о нём знали, но никто не пытался взять себе, значит, оно ничьё. А ничьё вполне может стать моим, и это вовсе не кража! Я ведь не отнимал у них последнее, они бы вообще не заметили, что чего-то лишились... — Аферман горячился, но от линии рассказа не отступал. — Когда я воспитывался у родственников, там тоже часто звучала тема монастыря. Маму любили, и дядя искренне считал, что учёба просто испортила её как женщину. А когда я произносил любимую мамину поговорку, тётя загадочно шурилась и, умиляясь моей детской непосредственностью, говорила: «Да-да, там точно клад!» Со временем это стало моей навязчивой идеей. В своих снах и грёзах я предполагал, как попаду в старый монастырь, как пойду в библиотеку и сразу найду там какую-то древнюю карту, расшифрую её и, пройдя тайными переходами, найду то место, которое никто не замечает, а я замечу, потому что никто не ищет, а я ищу! И я действительно нашёл... Уцелевшие записи одного из отцов-основателей. Болтливый поэт-песенник Бертольда Шаца. Сумасшедшие обычно считаются гениями, но этот был явный бездарь, хоть и полный псих. Вы знаете его стихи, читали? Я думал, что тоже сойду с ума, по крупичкам выбирая из толстенной рукописной книги по настоящему важные вещи...

— Однако вы как-то умудрились проникнуть внутрь закрытого женского университета, — напомнил комиссар. — Значит, кроме женского грима у вас были на руках серьёзные аргументы.

— Ну, мне пришлось немного подождать, потому что как раз к окончанию школы я загремел в тюрьму. Просто слишком любил деньги и... начал их подделывать. У вас должна быть информация об этом. В общем, одна ходка, вторая, на третьей я понял, что больше не хочу в тюрьму, там слишком грубые мужланы. Так вот, на последнем сроке у меня уже полностью созрел план. Тем более что я давно обладал достаточным опытом для подделки диплома, рекомендательных писем и легко мог обеспечить себе вхождение в педагогический коллектив Сафо. Моя задача казалась абсолютно несложной — попасть в университет, узнать, откуда мама набралась всех этих рассказов про клад, а дальше действовать по обстоятельствам...

— То есть ваше решение имитировать самоубийство было спонтанным?

— Разумеется, нет, оно было тщательно продуманным и рассчитанным. Мне уже приходилось так «исчезать». Смерть от капучино, как правило, считается излюбленным способом самоубийства и обычно не расследуется полицией. Поэтому, как только я понял, что дело в снежинках и камне, дольше изображать из себя глупую женщину смысла не было.

— Глупую?! Как вы смеете такое говорить о женщинах? — вскинулась директриса, шеф зарычал и свирепо посмотрел уже на меня, типа кто уговорил меня оставить её здесь.

— Чья бы корова мычала, уж кто-кто, а вы всегда ставили себя выше педагогического состава! — фыркнул в её сторону Аферман. — Развалили учебное заведение и сидите тут ещё вся из себя...

— Что вы несёте? Я забочусь о своих сотрудницах, как о родных сёстрах!
— Ага, и травите их всех варёной свёклой! Скажите, сержант, это ведь правда, правда?!
— Сколько могу судить о свёкле, вы съедали по две порции, — заступился я.
— Ну не умирать же мне с голоду! А знаете, какой потом у меня был «стул»?
— Не знаем и знать не хотим, — рявкнул на всех нас старина Жерар. — Вы двое, молчите! А вы продолжайте рассказывать. Что было дальше?

— Что было, что было... Письмо в полицию я состряпал заранее. Оставалось лишь нарисовать себе марганцовкой пятна на лице и шее, оставить «предсмертную» записку, сделать вид, что я выпил капучино без дёгтя и позволить этим истеричкам себя «похоронить». Ах, бедняжки так торопились, что и приличную яму вырыть не смогли, а когда они кое-как закидали меня землёй и ушли, мне оставалось спокойненько раскопать себя и...

— И убить ля Гулю, — с нажимом уточнил я.

— Вот этого вам мне не пришить! — злобно выкрикнул задержанный. — Я уже говорил, что не убивал её! Эта старуха сама скопытилась. Когда я выбирался из могилы, кто-то схватил меня за руку и потянул вверх, помогая вылезти. Я ведь даже успел сказал ей спасибо, как вдруг эта ведьма схватила за сердце и упала. Думаю, что скорее всего она поняла, что я мужчина. В могиле с меня сполз шарф, да и был я, мягко говоря, не в том настроении, чтобы поддерживать женский образ. Любая медицинская экспертиза может подтвердить — я её пальцем не тронул...

— Но так или иначе, именно вы были причиной её смерти, — жёстко напомнил комиссар. — Непредумышленное убийство всё равно остаётся таковым. Что вы делали дальше?

— Сначала зарыл тело, в той же могиле. Потом тщательно исследовал кладбище и в результате пришёл к выводу, что клад, если он и есть на самом деле, скорее всего действительно скрыт под большим камнем, на котором выбита дата основания университета. Однако копать под этой глыбой я не рискнул, тем более что луна светила слишком ярко.

— Неужели вы не боялись, что приезд полиции сразу раскроет вас? Зачем вообще было это странное письмо?

— Ну, с одной стороны, хотелось подпортить нервы всем педагогам, — нагло усмехнулся Аферман. — Да и потом, полиция наверняка бы рыскала в университете, а вскрыв мою «могилу» и не обнаружив там тела, взялась бы за мадам директрису ещё серьезнее, подозревая всех в сокрытии преступления. Смерть старухи спутала мне карты. Я понял, что нужно действовать быстро...

— Он просто банально испугался, — шёпотом пояснил я шефу. — Опытный убийца, закопав тело старухи, сразу пошёл бы и отвалил камень. А этот бросился прятаться у единорогов.

— Да, — видимо, услышав мои слова, подтвердил задержанный. — У них я и скрывался. И ведь именно там, в просторном стойле, глядя на их мудрые морды, я обо всём догадался, на меня снизошло озарение. На камне была не дата основания, а количество шагов! Я ринулся к нему через кладбище, но раздался крик, возможно, какая-то дура увидела меня в окно, и вскоре поднялась такая суматоха, что мне опять пришлось бежать и прятаться у единорогов.

— Вы боялись?

— Да, боялся, — гордо вскинулся Аферман. — И у меня были на это веские причины! Потому что я прекрасно понимал, что эти демоницы сделают со мной, когда поймут, что я мужчина. Я же сутки не брился, зарос щетиной, тушь потекла, румяна стёрлись, можете себе представить... Весь день опять пришлось провести у единорогов. Запах их пота будет преследовать меня всю жизнь, хоть я и пытался усиленно освежать себя любимым дезодорантом...

«По этому запаху вас и нашли», — чуть было не ляпнул я, но вовремя прикусил язык.

— У них стояла такая вонь, и я думал, природные запахи им понравятся. Дезодорант

лежал у меня в кармане, чтобы перебить запах в могиле, мало ли чем там может пахнуть.

— Наверное, сырой землёй? Обожаю запах сырой земли, — мечтательно сказал Флевретти, неожиданно возникшая сзади и вступая в разговор. Мы все дружно с самыми осуждающими физиономиями обернулись, и капрал мигом исчез в своей комнатке.

Комиссар Базиликус покачал головой и жестом предложил продолжить...

— За день я несколько раз прикидывал количество шагов и направление к северу. Когда стемнело, сразу пошёл к нужному месту, но упёрся в колонну этих дурацких статуй...

Директриса вновь собралась было возразить, поднимаясь с места, но под строгим взглядом моего шефа молча села обратно.

— Сначала я ошибся и копал под памятником вампирше у стоматолога. Потом понял, что не хватает ещё двенадцати шагов, и упёрся в гномиху. А вот под ней точно что-то было. Поэтому начал быстро рыть под постаментом сбоку, но вдруг почувствовал пустоту, потыкал совком и наткнулся на что-то твёрдое. Я сунул туда руку в надежде нащупать сундук, мешок или даже ларец с утерянными королевскими регалиями...

Аферман трагически посмотрел на нас, кажется ища понимания. Но все отвели глаза, видимо, никто из нас никогда не слышал ни о каких утерянных королевских регалиях.

— Потом была вспышка... боль... и дальше ничего не помню!

— Так что же, в больнице вам ничего не сказали? — милейше улыбнулся шеф.

Мы с мадам Шуйленберг переглянулись и тоже расплылись в улыбке.

— Нет, — смутился бедняга. — То есть я знаю, что у меня отравление и шок, но...

— Вы нашли месторождение серебра, — пояснил комиссар Базиликус, похлопывая преступника по плечу. — Древние монахи действительно скрывали там клад. И очень правильно делали. Вытащить его без специалистов-геологов невозможно, поэтому вам бы стоило прислушаться к безумному поэту: «Убедись, что клад на месте, закопай его обратно...»

— Но университет Сафо очень благодарен вам за то, что вы сделали нас богатыми, — с самой нежной интонацией вставила своё слово мадам Шуйленберг. — Обещаем непременно поставить табличку с вашим именем рядом с этим месторождением. Или всё-таки назвать его месторождением Бертольда Шаца? Право, не знаю... мы подумаем...

Аферман уставился на меня неверящим взглядом, словно бы ища поддержки. Как «гей» гея я должен был бы его понять, но... Пришлось вздохнуть и мужественно кивнуть, подтверждая слова шефа. Задержанный тоже кивнул мне в ответ и хихикнул...

Потом ещё и ещё раз, громче и громче! Не удержавшись, следом за ним расхохотались все мы. Запутанное, странное, мистическое дело об отравлении капучино было завершено с минимальными потерями и даже к большому благу для всего нашего городка, не говоря уж о женском университете, а это победа...

Мы не могли успокоиться минут пятнадцать. В результате связанного Афермана так и увезли хохочущего на грани истерии. И уже не в тюрьму, а в психиатрическую больницу. Говорят, всю дорогу сквозь смех он выкрикивал: «Не увидел клада, так тебе и надо!» Грустный конец...

Прощаясь, директриса сухо кивнула Жерару, отозвала меня в сторонку, пожала руку и сказала:

— Он был ненастоящим геем. Настоящий гей вы, месье Браздинский, и мы это понимаем! А если старый чурбан (которого я никогда не прощу!) всё так же будет вас доставать... мы что-нибудь придумаем...

P.S.

Эльвира терроризировала меня весь вечер. Благо комиссар дал официальное разрешение ввести её в курс дела. Статьи моей подруги вновь имели самый шумный успех, хотя и неожиданно способствовали тому, что в Мокрые Псы стали приходить письма от геев со всей страны в защиту месье Афермана как «пострадавшего» от женского деспотизма. Представляете?

Но хуже всего, что через три дня меня вызвал шеф и показал письмо, пришедшее из префектуры.

— Вас просят два раза в неделю преподавать основы личной безопасности в университете.

— Что?! Отныне дважды в неделю я должен красить ресницы и выщипывать брови?!

— Гордитесь, Браздинский. Как вы одной левой завоевали доверие всех феминисток области! Весь педагогический совет только и мечтает о такой подружке, — как можно мягче поздравил меня Жерар, в то время как Флевретти на своём месте просто ржал в голос.

Уволюсь, точно уволюсь, не могу больше с этим жить...

Глава 6 ОТЕЛЬ «У ПРИЗРАКА»

К моему глубочайшему удивлению, быстро распространившаяся весть о том, что новый сержант полиции ещё и гей, никакого особенного ажиотажа в городе не вызвала. Обещанные Эльвирой фермеры с вилами за мной не бегали, женщины отнюдь не спешили с разбегу делиться секретами, в пабе по-прежнему подавали пиво без всяких похабных шуточек, а рогатый бармен абсолютно не строил мне глазки.

Общественность гораздо больше заинтересовало неожиданное открытие месторождения серебра, что обещало всплеск интереса фармакологических и военно-промышленных фирм и новое поступление налогов в городской бюджет. Я искренне надеялся, что мой вынужденный опыт актёрской игры в гейском амплуа больше востребован не будет. В Сафо мною был послан вежливый, но твёрдый отказ. Флевретти позвонил для порядка день-другой, называя меня «противным шалуном», но, видя, что меня его подколки не задевают, тоже махнул рукой.

Чунгачмунк должен был вернуться в конце недели, а один телефонный звонок от Эльвиры едва ли не заставил меня танцевать балет от счастья:

— Слушай, ты не очень занят в субботу? Тут мама намерена печь большой рыбный пирог, ну и... Я подумала, что, может быть, тебе... то есть вам... В смысле тебе и моей маме пора познакомиться?

— Ты уверена, что твоя мама захочет видеть в гостях полицейского-«гея»?

— Да! То есть нет... то есть я хочу сказать, в этом ничего такого нет, просто семейный ужин в узком кругу, — окончательно запуталась она. — И я, разумеется, не настаиваю, ты можешь отказаться, я не обижусь...

— Я буду рад.

— Мама тоже всё поймёт, никаких претензий, потому что...

— Я приду, спасибо.

— Вот и... ой... Прости, — опомнилась она. — Ты точно придёшь, я могу ей это... тьфу, опять не так! В общем, я могу зайти за тобой после работы, если тебе удобно. Вот... ну пока?

— Пока, буду ждать субботы.

— Целую тебя!

Я положил сотовый на стол и сделал вид, что не замечаю любопытно вытянувшейся физиономии капрала. Итак, Эльвира решила показать меня не только братишкам, но и маме. Сколько помню, о папе она никогда не говорила, то ли он уже умер, то ли её родители развелись. В любом случае приглашение на семейный ужин — это явный намёк на дальнейшее развитие отношений. Видимо, шансы у меня есть, что не может не радовать...

— Сияешь, как чайник в стиле хай-тёк, — чуть завистливо протянул Фурфур Флевретти. — А тебя, между прочим, шеф вызывал.

— Когда?

— Когда ты болтал по телефону с одной популярной журналисточкой. Ладно, не хмурься. Двигай к нему, вроде тебе надо куда-то сходить как представителю службы

законопорядка. Я так понял, дельце не пыльное, за пару часов обернёшься...

Ну, в общем-то такие вызовы вполне нормальны, не всё же у нас одни преступления совершаются. Полицию часто приглашают куда-либо лишь для солидности и проформы. Хотя бы в тот же детский сад, напомнить этим малолетним головорезам, что перед законом все равны. Вот и на этот раз оказалось, что комиссар вызвал меня не по службе, а скорее по общественно полезной деятельности.

— Браздинский, вы не очень заняты до вечера?

— Практически свободен, — козырнул я. — Единственно, хотел бы пораньше уйти в субботу, если можно.

— Приглашены на рыбный пирог, — скорее угадал, чем спросил шеф и довольно улыбнулся. — У нас маленький городок, сержант, и такие новости я обязан узнавать в первую очередь. Что ж, не буду вас отговаривать, мамаша Фурье готовит отменно. Но к делу... Мне вчера звонили из префектуры, просят направить одного нашего сотрудника для охраны судебного пристава. Их, знаете ли, время от времени бьют...

— Слушаюсь, — не задумываясь, согласился я, но быстро опомнился: — Надеюсь, мне не придётся помогать ему силой выгонять из дома некредитоспособную старушку или описывать игрушки у голодных детишек-домовят?

— Нет, всё куда проще. Вам предстоит отправиться в небольшой отель «У призрака», знаете такой?

— Увы...

— Это в южной части города, за вокзалом, — пояснил комиссар Базиликус, придвигая к себе большую кружку остывшего кофе. — Их, видимо, будут закрывать в судебном порядке, слишком много нарушений санитарных норм. Собственно, пристав просто вручит им бумаги, осмотрит ещё раз помещение, сделает несколько фото, а дальше как решит суд.

— Тогда зачем там я?

— Положено. Ну и мало ли... Ситуации бывают разные. Через час будьте на парковке, мэтр Чудофф заедет за вами.

Я кивнул и вышел. Помнится, ещё за своим рабочим столом спокойно заполнил двенадцать бланков по предыдущему делу, написал короткий отчёт о ненасильственной смерти мадам ля Гулю и дважды попросил Флевретти не лезть в мою личную жизнь. Но он канючил и упрашивал взять его с собой на семейный ужин к Эльвире, обещая вести себя прилично и первым со стола ничего не хватать. Но кто же ему поверит?! Ох как был прав мой краснокожий друг, мгновенно окрестивший капрала Скользким Братом.

Кое-как отвязавшись и дав категорический отказ, я наконец захлопнул папку с делами и в указанное время вышел на стоянку. Почти минута в минуту подкатил чёрный «мумер» с тонированными стёклами, передняя дверца распахнулась, едва не стукнув меня по колену.

— Сержант Браздинский, — представился я мрачному длинноволосому упырю с круглым высокомерным лицом и глазами навывкате.

Он даже не глянул в мою сторону и без предупреждения дал газ. Я успел захлопнуть дверцу уже на ходу...

— Мы не опаздываем? Зачем так гнать?

В ответ всё то же отталкивающее молчание. Мне, конечно, приходилось слышать, что работа приставов накладывает на психику определённый отпечаток, но не до такой же степени, правда? Всю дорогу ехали молча. Пару раз я едва удерживал себя, когда этот тип бесцеремонно нарушал правила дорожного движения. Один раз он едва не сбил коляску с младенцем, молодая рогатая мама чудом успела отскочить, но, когда я уже кипел от ярости, оказалось, что мы приехали.

— Говорю я, ты — молчишь. Вопросы, сержант? — неожиданно обернувшись, тяжело выдохнул он. — Вот и молчи.

— Послушайте, — начал я, — как офицер полиции я не имею права закрывать глаза на...

— Отвали. — Пристав выполз из машины, не дожидаясь меня, быстро толкнул тонкую

кружевную дверь маленького одноэтажного отеля.

Я на минуту приостановился у входа, так вот что это за отель «У призрака». На вид вполне ухоженный домик, чистый тротуар, вовремя подрезанные розы, ненавязчивый аромат уюта и тления. Не понимаю, с чего их решили закрыть? Всё разъяснилось в следующую минуту...

— Вот постановление! — орал пристав-упырь на рецепции, тыча лист бумаги в нос краснеющему скромному привидению. — Если до завтрашнего вечера все недочёты не будут исправлены, у вас изымают лицензию на гостиничный бизнес. Ясно?

— Но, мэтр Чудофф, мы работаем всего три месяца и аккуратно платим налоги в местный бюджет. Это уже шестнадцатая проверка, мы не можем...

— Все могут, а вы не можете?! Пока все санитарные и противопожарные нормы не будут соблюдены, вам запрещено работать.

— Но у нас...

— Ничего не знаю. Моя обязанность — вручить вам исполнительный лист. Распишитесь здесь и здесь.

Бедное привидение обратило на меня умоляющий взор. Увы, как представитель закона я ничем не мог ему помочь. Понятия не имею, какими законодательными актами руководствуется мэрия, выписывая такие решения и доверяя их исполнение таким хамам, с которыми лично я, как честный полицейский, и рядом стоять не стал бы. Но стою же...

— Вы будете расписываться или нет?

— Да, конечно, но, право, мы не понимаем...

— Ваше дело — исполнять, а не понимать. — Судебный пристав махнул мне рукой. — Иди сюда, подпиши вот здесь.

— Что именно? — уточнил я.

— То, что ты здесь присутствовал, дубина! Ради чего вообще на такие разборки приглашают тупоголовых полицейских?! Только ради того, чтобы был свидетель со стороны правоохранительных органов, ясно? А ты покажи мне отель.

— Вы... не могли бы... не грубить? — неожиданно тихо протянул призрак.

От столь скромной просьбы широкое лицо Чудоффа просто перекошилось от ярости. Он сжал кулаки, но, видимо, вовремя вспомнил, что грубой силой бестелесному привидению никак не повредишь. Поэтому демонстративно сплюнул на ковёр и, не оборачиваясь, потопал по коридору мимо четырёх маленьких номеров. Я виновато кашлянул...

— Прошу извинить меня. Я впервые присутствую при работе судебного пристава.

— Не извиняйтесь, месье Браздинский. — Призрак вежливо улыбнулся мне, поправляя несуществующие очки на зыбком подобии носа. — Я наслышан о вас. Вы не так давно в Мокрых Псах, но уже стали в некотором роде местной знаменитостью...

— Из-за чего вас закрывают?

— Честно?! Понятия не имею. Но боюсь, что, кроме обычных налоговых муниципальных выплат, нам непрозрачно намекают на дополнительные финансовые вложения.

— Взятка? — не поверил я.

— Вы ещё очень молоды, сержант. Но не берите в голову, видимо, это общая беда и с этим ничего нельзя поделать, подобная порочная практика принята почти повсеместно. К сожалению, мы сейчас на мели и не можем...

— Я могу обо всём доложить комиссару!

— О чём это?! — Громкий рык пристава прервал наш разговор. — Не лезь не в своё дело, мальчишка! И на будущее запомни: зарплата вашего отделения целиком финансируется местными органами власти. Нет денег в бюджете, значит, ты пойдёшь под сокращение первым! Вопросы? Вот и заткнись. А ты, хозяин отеля, двигай за мной. Поговорим с глазу на глаз...

У меня перехватило дыхание от обиды и возмущения. Хорошенькую же работёнку подкинул мне старина Жерар! Но если эта чиновная скотина сию же минуту не извинится

передо мной, то я его прямо здесь и...

Из коридора раздался грохот упавшего тела и слабый вскрик привидения:

— На помощь! Помогите, сержант! Ему плохо!

Когда я пролетел эти шесть или семь шагов, то даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять — слишком поздно... для всего. Судейский пристав валялся на полу, поджав под себя левую ногу, его руки, видимо, пытались расстегнуть ворот рубашки, губы высохли, а выкатившиеся глаза приобрели стеклянный оттенок перегоревших электрических лампочек...

— Сердечный приступ, — едва слышно выдохнул призрак.

Я склонился над телом, проверил пульс, не нашёл и вынужденно кивнул, очень на то похоже.

— Он был слишком эмоционален.

— Ещё бы, так орать! — признал я. — Надо вызвать медиков. Произошёл несчастный случай, мы оба дадим показания. Кому ещё следует сообщить?

— Никому, только на его службу. Сколько мне известно, семьи и близких у него не было.

— Неудивительно, с таким-то милым характером. — Я потянулся за сотовым телефоном, но привидение неожиданно остановило меня самым умоляющим взглядом.

— Прошу вас, подождите... Выслушайте меня! То, что сейчас произошло, конечно, ужасно, но...

— Это не был несчастный случай? — разом выпрямился я.

— О нет, что вы! Клянусь, я не причинил мэтру Чудоффу ни малейшего вреда, — честно вскинулся призракный хозяин отеля. — Но вы ведь понимаете, систему не изменить! Не он — так другой, не сегодня — так завтра, если мы не заплатим, они нас прикроют. У меня просто нет выхода! Поймите же, второго такого шанса не будет...

— Не понимаю. — Я недоуменно покачал головой. — Что вы предлагаете?

— Ничего противозаконного. Смотрите.

Призрак одной серебристо-серой струйкой втянулся в волосатую ноздрю покойника. Через минуту труп сел и поднял осмысленный взгляд. У меня помутился рассудок...

— Не бойтесь, это я, — знакомым голосом произнёс пристав. — Пока тело не остыло, можно было попробовать вселить в него другую душу и... В общем, я мог бы находиться здесь ещё несколько дней, пока мы уладим все формальности. Разумеется, я не смею ни о чём просить лично вас. Я понимаю, вы исполнены чувства долга, но...

— Если мэтр Чудофф просто уйдёт с исполнительным листом, а вам подпишет новый документ о том, что отель устранил все недочёты, то вас не закроют?

— Именно! А уже на неделе он просто тихо «скончается» у себя дома. Ни шума, ни расследований, ни газетных сплетен, никому никаких проблем. Я лишь мог бы использовать его тело ради...

— Благих целей, — устало завершил я. Судебный пристав, молча опустив глаза, виновато топтался рядом.

Что мы делаем, что мы делаем, слов нет...

— Думаете, прокатит?

— Надеюсь, да. Но если этим я подставляю под удар вас, то лучше не надо! Я в любую минуту покину это тело и...

— Сидите где сидите. Сколько дней вам надо на всё про всё?

— Три или четыре. Больше я не смогу поддерживать в нём работоспособность, — не веря своему счастью, выдохнул призрак.

— Довезти меня до отделения сможете?

...На этот раз мы болтали с «приставом Чудоффом» всю дорогу. Лично я никогда не представлял себе, как трудно пробиться в нашем мире, если ты всего лишь привидение, но хочешь и можешь быть полезным обществу. С какими ещё реальными и мнимыми проблемами сталкиваются все представители видовых и национальных меньшинств.

Сколько у нас в стране, да и во всём мире таких вот неприкаянных душ, которым просто не дают хода наверх из-за банального взяточничества местных чиновников.

В связи со всем этим я вдруг начал особенно остро понимать, как важна даже такая скромная должность, как моя. Рядового защитника правопорядка в небольшом провинциальном городке. И насколько порою обычная жизнь сложнее пунктов устава...

В тот вечер я поставил шефу бутылку чёрного поляцкого самогона. Он удивился, но расспрашивать ни о чём не стал. Да и не о чём было, правда? Ведь никакого дела не заводилось, а небольшой некролог в местной прессе с любопытными строками о неожиданно изменившемся в лучшую сторону мэтре Чудоффе опубликовали только через четыре дня.

— Удивительный случай, — тараторила Эльвира, под руку ведя меня к своим на рыбный пирог. — Ты мало знал этого типа, он ведь был редкостным мерзавцем, но... Так измениться буквально за считанные сутки до собственной скоростижной смерти, все были просто в шоке! На его совести столько «добрых» дел...

— Ну, всякое бывает, — как можно равнодушнее пожал плечами я. — Кстати, что-то наш краснокожий друг задерживается. Ты не в курсе, что у них там за глобальные проблемы в этом Порксе?

— О, милый, так ты не знаешь?! Помнишь, на лайнере вампиров был один такой интеллигентный тип, ратовавший за переход всех вампиров на томатный сок? Так вот, сорвался, кровь течёт рекой! Посмотри телевизор, да там практически гражданская война! Наш главный редактор уже забронировал мне два места на самолёт, я лечу послезавтра.

— А почему два?

— Э-э... ну, я думала, комиссар Базиликус тебе уже всё передал. — Эльвира чарующе улыбнулась и чмокнула меня в щёку. — Ладно, тогда я всё расскажу после ужина, идёт?

Угадайте, ЧТО она мне рассказала...

НЕ ТАК СТРАШЕН ЧЁРТ, КАК ЕГО МАЛЮЮТ!

Продолжение — волшебное слово для читателя. Это встреча с любимыми героями, это возвращение в мир, который пленил сознание, это нетерпеливое ожидание новых, новых и новых приключений. Но всякой истории однажды приходит конец. Год назад поклонники необычной троицы агентов Алекса Орлова, Алины Сафиной и кота Профессора дочитали заключительную книгу цикла «Профессиональный оборотень» и задались вопросом: «А что же дальше — неужели творческий дуэт Андрея Беянина и Галины Чёрной распадётся?» И вот перед нами ответ писателей — роман «Лайнер вампиров», который обещает перерасти в новый цикл книг.

Авторы предлагают читателю окунуться в иную реальность — познакомиться с миром, населённым исключительно нечистью (чертями, домовыми, лепреконами, вампирами, горгулиями, оборотнями, карликами и зомби). Справедливости ради надо признать — обитатели этого мира знают, что они не одиноки, что есть ещё райские создания — ангелы и ужасные звери единороги. А вот люди для них — мифические существа. Не правда ли, необычно? Как известно, главная битва на Земле ведётся ангелами и демонами (Богом и антихристом) за души людей. И вдруг нас приглашают посмотреть на реальность, в которой отсутствует «камень преткновения» — человечество. Это не Земля после апокалипсиса, это иной, не наш мир — мир, в котором «чёрное» и «белое» разошлись по разным углам и ведут обособленную жизнь, почти не пересекаясь (исключение — экспедиции гарпий за ладаном). Может показаться, что это — мир контрастов, где отсутствует «золотая середина» и нет полутонов. Но это не так — даже здесь существует некто, кто призван следить за законом и порядком, а следовательно, выделяется светлым пятном на общем чёрном фоне. И именно к этому лучу света в тёмном царстве, естественно, приковывают наше внимание авторы, делая главным героем чёрта, служащего в полиции.

Чёрт-полицейский может показаться «новинкой» или чем-то неординарным только несведущим в фольклоре читателям, ориентирующимся на современную фэнтезийную

литературу или классику (А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя). Издавна в устном народном творчестве черти делились на три категории: старые и мудрые, несущие людям знания, не всегда, правда, полезные (обучающие кузнечному делу или помогающие изобрести водку), черти-вредители (именно этот подвид бесовского племени прочно обосновался в сознании современников) и черти, восстанавливающие справедливость (они карают своих соплеменников, нарушивших порядок, обидевших бедных людей). Судя по всему, герой новой книги Андрея Белянина и Галины Чёрной относится как раз к третьей категории чертей.

История полицейского Ирджи Браздинского заимствована авторами у создателей фильма «Типа крутые легавые», но Андрей Белянин и Галина Чёрная «играют наизнанку», смещая акценты и по-своему расставляя полюса отношений героев, произвольно вводя новых персонажей или трансформируя старые. В результате этой «игры» на свет появляются «собираательные образы» полицейского, его помощника и возлюбленной.

Главный герой романа — чёрт Ирджи Браздинский похож на героя упомянутого фильма Николаса Эйнджела (фамилия созвучна слову «ангел») — также переведён из столицы в отдалённый округ за чрезмерную старательность, ставшую причиной конфликта с коллегами, также не умеет отключаться от работы и отдыхать (по его собственному определению). Завязка и отдельные эпизоды в точности повторяют сюжет фильма. Но Браздинский — не калька Эйнджела, это самостоятельный герой. Несмотря на его «любовь к порядку», он не настолько одержим службой, чтобы терять любимую девушку (он умеет любить, хотя сам не уверен, что чёрт способен на такие чувства), не лишён эстетического вкуса и литературного дара (его можно было бы называть «молодой человек из интеллигентной семьи», если бы он не был чёртом). Да, и с новыми коллегами у него складываются вполне дружеские отношения в отличие от киногероя, тоже неспроста. Во многом это объясняется тем, что мир Мокрых Псов совершенно не похож на мир деревушки Сэнфорд. Интрига фильма заключалась в стремлении жителей выиграть конкурс на звание «лучшей деревни» за счёт устранения «неидеальных» её обитателей. К счастью для чёрта, такое же стремление комиссара полиции Жерара Базиликуса носит мирный характер — он просто скрывает преступления, желая-тихо дожить до пенсии. Персонажи книги Андрея Белянина и Галины Чёрной в этом плане более человечны и гуманны, чем люди в Сэнфорде. В результате чёрт-детектив избавлен от многих неприятностей, с которыми сталкивается герой фильма. Однако по сложности преступлений, которые ему приходится раскрывать, он дал бы фору своему «двойнику». Эйнджел борется с «добровольной общественной преступной структурой», и для него не столько важно раскрыть каждое конкретное преступление, сколько остановить серию убийств, совершаемых разными членами одной преступной группировки. Браздинскому приходится иметь дело с преступниками-индивидуалами, каждый из которых имеет отдельную мотивацию, свой характер, свой образ мышления. Преступления, которые заставляют раскрывать своего героя писатели, достойны фантазии А. Конан Дойла («Лайнер вампиров»), Агаты Кристи («Дело о Кровавой Белоснежке»), Гилберта К. Честертона («Маньяк святой воды») и, возможно, даже У. Эко («Чисто женское самоубийство»). Собственно, вся книга — это подтверждение теории Шерлока Холмса о том, что самые ужасные и причудливые преступления совершаются именно в деревушках, и в то же время опровержение мнения о том, что убийства или преступления происходят там, где появляется сыщик. На примере Мокрых Псов мы убеждаемся, что не сыщики или полицейские притягивают к себе негатив и провоцируют преступника на противоправные действия. Преступления совершаются везде, но распознать в случившемся акт недоброй воли способен только идеальный сыщик. Для поимки преступника требуется недюжинный талант и нетрадиционное мышление, а также совершенное владение методом дедукции. Герой Андрея Белянина и Галины Чёрной в этом плане не исключение. Более того, для раскрытия преступлений ему надо знать намного больше, чем сыщику-человеку, — ему необходимо помнить физиологию каждого вида нечисти, чтобы отличить, например, живого вампира от мёртвого. Однако здравый смысл

авторов не позволил им сделать Браздинского абсолютно безгрешным, и они одарили своего героя одним недостатком, который усложняет его жизнь, — славянским происхождением. На родине чёрта-полицейского (в которой угадывается наша земная Франция) быть славянином, мягко говоря, непочетно.

Под стать детективу с «нетрадиционной» национальностью и его помощник — Чунгачмунк (Большущий Змей из племени Черепах, последний индеец славного племени теловаров из Северной Примерики). Это романтически настроенный индеец, которому хочется драк и погонь. В этом он похож на Дэнни Баттермана — напарника Николаса Эйнджела. Но это единственное совпадение. Он забавен, но не смешон, поскольку, несмотря на серьёзный недостаток (превращения в черепашку в момент опасности), обладает большим количеством достоинств: превосходный следопыт, экономист и образованный человек (закончил Гавгард, владеет шестью языками), обладает обширными связями (хотя об этом мы узнаем только в конце книги). Комичность его образа не столько в нём самом, сколько в непривычном для него окружении, разнице менталитетов обычных чертей и чертей-индейцев и в ассоциации его образа с черепашками-ниндзя.

Стивен Ван-Дайн, давая советы пишущим детективы, настаивал на исключении любовной линии, уверяя, что читатель не должен отвлекаться от основного — «игры в пятнашки» сыщика и преступника. Андрей Белянин и Галина Чёрная пренебрегли советами мэтра и только выиграли от этого. Эльвира Фурье — в одном лице и доктор Ватсон (летописец), и Делла Стрит (помощник детектива), и... жертва преступников, как это обычно и бывает, если кто-то чувствует «слабость» сыщика-мужчины к представительнице прекрасного пола. Она — та наживка, на которую Ирджи пытаются поймать.

В фильме про крутых легавых подобный персонаж отсутствует, вернее, девушка Эйнджела совершенно не похожа на очаровательную Эльвиру, которая скорее напоминает журналистку и суфражистку Мэгги Дюбуа из «Больших гонок». Возможно, всё дело в профессии, которая толкает обеих героинь в огонь и воду для получения «горячего материала» (а если такого материала нет и жизнь скучна до безобразия, девушки сами провоцируют необходимые события или приукрашивают действительность). Есть ещё одна общая для них обеих черта — они борются за равноправие: Мэгги защищает право женщин на участие в выборах, а вот Эльвира — права мужчин на свободу выражения чувств. Да не простых мужчин, а представителей нетрадиционной ориентации! Правда, делает она это в собственных интересах, надеясь на получение от Ирджи эксклюзивного материала для репортажей. В отличие от киношной героини, чертовка Эльвира более практична и жизнеспособна — она наверняка не промахнулась бы с выбором автомобиля и не растерялась, оказавшись в Арктике. Несмотря на то что сама девушка не прилагает особых усилий для того, чтобы понравиться Ирджи (или он не замечает этих ухищрений), с лёгкостью завоевала сердце полицейского, заставив задуматься над будущим. Как я уже говорила выше, Браздинский дорожит их зарождающимися отношениями, высоко ценит свою возлюбленную и боится потерять её.

Итак, в центре внимания читателей оказались именно эти три персонажа. Но действовать им приходится в постоянном содружестве с комиссаром Мокрых Псов Жераром Базиликусом и капралом Флевретти. Эти два второстепенных персонажа — полные противоположности по внешности: комиссар очень толст, капрал чрезмерно худ. Но объединяет их общий настрой на борьбу с преступностью. Да, да, несмотря на сокрытие основной массы преступлений, оба полицейских готовы служить закону и порядку. И хотя они постоянно подсмеиваются над главным героем, относятся к нему вполне дружелюбно.

Как говорилось выше, основное действие романа происходит в небольшом местечке с забавным названием Мокрые Псы, хотя однажды Браздинскому и Эльвире приходится участвовать в международной конференции вампиров. Благодаря этой командировке читатель получил возможность ближе познакомиться с социальным устройством мира нечисти и его географией (например, узнал о существовании морей и рек).

«Нечистое» общество напоминает современное человеческое и, похоже, имеет сходную

с ним историю — то же деление на страны, сословия или кланы, те же банды и шайки, те же профессии, то же имущественное неравноправие. Так же как у нас, есть право собственности, наследования, есть семьи, традиции и даже религия (окультизм). По ходу сюжета мы узнаём в проблемах нечисти наши собственные проблемы. Достаточно вспомнить конференцию вампиров, чтобы легко угадать в ней реальные научные и околонаучные конференции, увидеть в обсуждении перехода на соевую кровь диспуты по поводу генномодифицированных продуктов. Любовь к громким названиям, не соответствующим действительности (речной теплоход, который гордо именуют «лайнером»), говорит о наличии тщеславия у организаторов различных мероприятий и хорошем развитии пиар-технологий. Соккрытие преступлений комиссаром Базиликусом косвенно свидетельствует о существовании состязания между полицейскими участками, что так же ново для нас. Мелкие правонарушители, с которыми в первый же день столкнулся Браздинский, похожи на наших трудных подростков — их приходится спасать от тяги к саморазрушению через наркоманию. Перечень запретов, с которым знакомится главный герой при поселении в гостиницу «Рога над нимбом», напоминает тот, который предъявляют постояльцам во многих отелях мира (много нелепых требований, которые в здравом уме никто не будет нарушать). Мир Мокрых Псов — это наше современное общество, но описанное в пародийном ключе.

Стилистический приём, к которому авторы прибегают для раскрытия сути «нечистого» мира, называется контаминация — смешение двух несовместимых выражений или понятий, что даёт, как правило, комический эффект. В результате герои «Лайнера вампиров» наслаждаются прекрасной розой с запахом тления, а за окном поезда мелькают очаровательные пейзажи с сельскими погостами и мрачными кладбищенскими монументами. Наиболее показательным в этом плане является описание отношений с детьми. Примечательно, что при большом «биологическом разнообразии» мира на глаза Браздинскому попадают исключительно ребяташки, принадлежащие к одному с ним виду, — чертята. Они в романе появляются трижды — в первый раз это участники праздничного конкурса «Задери соседке юбку», во второй — детсадовцы, с которыми Браздинский по поручению комиссара проводит «профилактическую беседу», одновременно создавая «положительный образ полицейского» (если только в мире чертей возможно такое), в третий раз это братья Эльвиры — тройняшки Чук, Гек и Арк. В отношении детей в романе заметна некоторая неопределённость — особой любви к ним не выказывают, с другой стороны — всё лучшее детям (их в первую очередь пытаются защитить от маньяка святой воды, на них же рассчитывает и преступник, пытаясь отравить, для привлечения инвестиций — для детей денег не пожалеют). Но тут следует вспомнить отношение к самому Браздинскому: местные жители ругаются, ябедничают, кривят рожу вслед, дают тычка в рёбра, вроде бы ненавидят, но это — хорошо, потому что на самом деле — любят. Почему хорошо, и сам Ирджи толком не может объяснить. Возможно, в этом кто-то углядит «слабое звено» в описании авторами мира. Но если в народном фольклоре есть черти, следящие за порядком, то есть нарушающие своё основное призвание — служить Сатане и плести интриги против людей, то отчего бы не допустить, что в мире чертей много противоречий и авторы мастерски их отразили в романе?

«Лайнер вампиров» по своему характеру относится к жанру фантастического юмористического детектива или детективного юмористического фэнтези. Однако, на наш взгляд, это скорее не юмористическое, а ироническое фэнтези (поскольку авторы играют на популярных сюжетах, находя в них нелепые моменты, подтрунивая над коллегами по литературному цеху и над образами, созданными мастерами кинематографа). Среди персонажей, ставших объектами «игры», Эдвард и Белла из вампирской саги С. Майер, черепашки-ниндзя, Ван Хельсинг, Лестат, Белоснежка и семь гномов и многие другие. Писатели отметили те несуразности в сюжете или образах героев, которые обычно ускользают от глаз поклонников этих произведений. Кого-то это может покори́ть, кого-то

развеселить.

Новый роман серьёзно отличается от серии книг про профессиональных оборотней. Да иначе и не могло быть. Если история агентов Базы рассказывалась от имени Алины Сафиной и многое в ней было описано с женской точки зрения, то полицейский детектив о чёрте — хранителе порядка подаётся от имени мужчины. Я бы сказала, что соавторы в этот раз «поменялись местами», подстраиваясь под психологию героя, в результате стала более заметна «партия» Андрея Белянина.

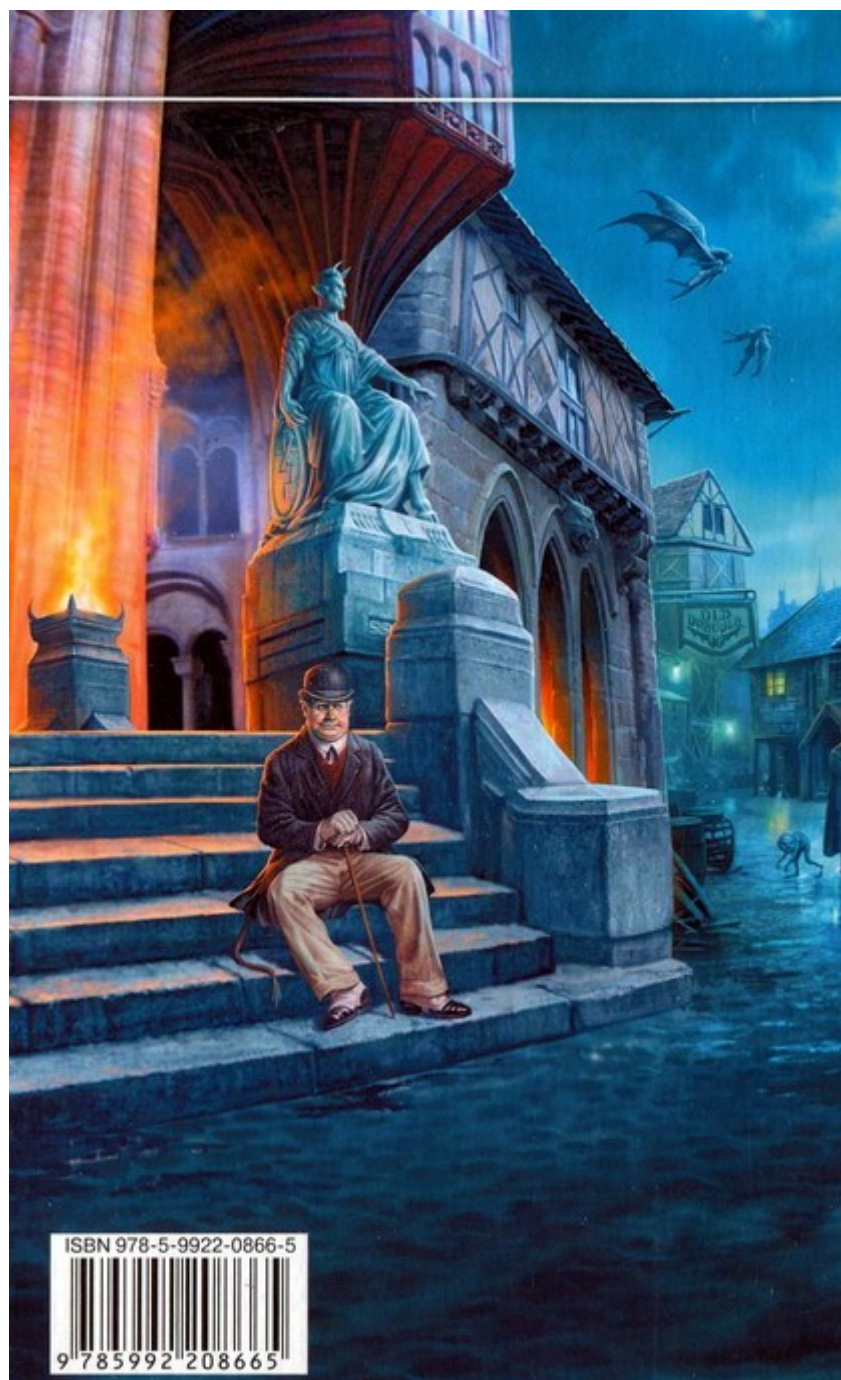
Что осталось узнаваемым в книге, ставшим уже привычным или характерным для этих авторов? Большая любовь к семейству кошачьих, которая переходит из книги в книгу. Кошки в романе отделены от животного мира и приближены к миру разумной нечисти, возможно, потому что есть присказка про то, что кошка — родственница дьявола. Символично, что именно славяне верили, будто черти оборачиваются кошками, чтобы поссорить людей («чёрная кошка пробежала»). В результате бороться с аморальным поведением кошек, а потом отбиваться от них, находясь на задании, приходится чёрту славянского происхождения. А чего стоит представитель семейства кошачьих (веницуанский лев), который умеет читать и делает это избирательно! Кошек в Мокрых Псах можно задержать и доставить в участок, они не просто животные — они, применяя юридический язык, являются дееспособными и приравниваются к гражданам (несут ответственность перед законом).

Традиционно для Андрея Белянина и Галины Чёрной в книге много комедийных моментов — это и стрельба по вампирам пробками из бутылок шампанского, и явление трёх Лестатов, и беседа с чертятами старшего дошкольного возраста, и преобразование Бразинского в гея. Как и в «Профессиональном оборотне» (а также в большинстве самостоятельных книг этих авторов), команда главных героев состоит из лиц разных национальностей (Бразинский — славянин, Чунгачмунк — индеец, Эльвира — уроженка Мокрых Псов, предположительно француженка), как и раньше, для решения проблем они применяют нетрадиционный подход, как и прежде, они — лица неординарные, выбивающиеся из общей среды. Даже изящество и лёгкое эстетство (как, например, в истории о кладе в монастыре) не ново для творческого дуэта — достаточно вспомнить описание мира татарских сказок или сказок Гофмана из цикла романов о профессиональных оборотнях. Поклонникам астраханских писателей будет интересно читать новый роман, узнавая в нём что-то привычное и хорошо знакомое, но немало будет и нового.

Герои цикла Андрея Белянина и Галины Чёрной о детективе из Мокрых Псов, говоря словами известной песни, «на лицо ужасные, добрые внутри». Если внимательно присмотреться к ним, становится ясно, что они похожи на людей со всеми их достоинствами и недостатками. Да и сам роман оставляет двойственное впечатление — авторы с юмором говорят о серьёзных вещах, о проблемах и болезнях нашего с вами общества, которое отражается ими через призму души чёрта-полицейского.

По словам славянского просветителя Кирилла, отвечавшего на вопрос о том, что означают демонские образы на воротах христиан, нечисть не живёт вместе с людьми, она старается вырваться наружу, а там, где нет изображений демонов, они — внутри. Так, может, перевернув последнюю страницу книги, читателю стоит задуматься и заглянуть в собственную душу, чтобы посмотреть — не прячется ли там чёрт, а если прячется — то какого он ранга? Ведь это только чёрту положено быть страшным, а человек, как настаивал А. П. Чехов, должен быть красив и снаружи, и изнутри.

Марина УРУСОВА



ISBN 978-5-9922-0866-5



9 785992 208665